

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

*И.А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2022

Периодичность 4 номера в год

*Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым*

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по отрасли: 12.00.00 – юридические науки

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 76204 от 02.08.2019 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

докт. юрид. наук, проф., академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ **Шапсугов Д.Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Краковский К.П.** (докт. юрид. наук, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, зам. главного редактора, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П.П.** (зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Овчинников А.И.** (зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., профессор **Шатковская Т.В.** (зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Егорова М.А.** (начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проф. кафедры конкурентного права МГЮУ имени О.Е. Кутафина, г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Корецкий А.Д.** (зав. кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Момотов В.В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Овсепян Ж.И.** (зав. кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Супатаев М.А.** (г. Москва); докт. юрид. наук, проф. **Авакян Р.О.** (академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Алиев А.И.** (декан юридического факультета Бакинского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф., **Алиева С.И.** (зав. кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории» Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку); докт. ист. наук, проф. Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Турецкая Республика, г. Стамбул); доктор права, университетский профессор **Шелухин С.И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк).

Редакционный совет

докт. юрид. наук, проф. **Акопов Л.В.** (зав. кафедрой «Основы правоведения» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Бойко А.И.** (зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л.И.** (проф. кафедры международного права ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); докт. юрид. наук, проф. **Казинян Г.С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); докт. юрид. наук, проф. **Исмаилов М.А.** (проректор по общим ресурсам Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала); доктор юридических наук, проф. **Исмаилов Х.Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю.А.** (проф. ЮФУ, г. Ростов-на-Дону); канд. юрид. наук **Радачинский Ю.Н.** (доц. ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), председатель ТИК г. Батайска; докт. юрид. наук, проф. **Фаргиев И.А.** (председатель Верховного Суда Республики Ингушетия, г. Магас).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2022, № 2

16+

“To be ahead of the nation, show the way
to its people directing their legal awareness
towards the benefit and truth in human
relations – that is the genuine duty of juris-
prudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4/ 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 2, 2022

Regularity 4 times a year

Published since 1997

*was founded
by Doctor of Law, professor
D. Y. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific
publications where main research results of dissertations
for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 12.00.00 – jurisprudence*

*Registration number ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019 of Federal Service for Supervision
of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF **Shapsugov D.Y.** (Director of Legal Research Center of URIU RANEPА, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K. P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPА, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P.P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A.I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T.V.** (Head of the Department of Theory and History of Law and State, URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Egorova M.A.** (Head of the Department of International Cooperation of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University), professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A.D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V.V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh.I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Supataev M.A.** (Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R.O.** (Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, professor **Aliev A.I.** (Dean of Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S.I.** (Head of Department of General History and Technology of History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York)

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L. V.** (Head of the Department «The fundamentals of jurisprudence», the Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A.I.** (Head of the Department of Criminal Legal disciplines of URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L. I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Kazinyan G.S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor **Ismailov M. A.** (Vice-Rector for General Resources, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh. D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Y. A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Y. N.** (associate professor, URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Fargiev I. A.** (Chairman of the Supreme Court of the Republic Ingushetia, Magas).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54
Tel: 8-863-203-63-89,
e-mail: yurvestnik@mail.ru
<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	7
<i>Д. Ю. Шапсугов.</i> ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ОТ САМОДЕРЖАВИЯ К НАРОДОВЛАСТИЮ.....	7
<i>И. А. Иванников.</i> О НАУЧНОЙ КРИТИКЕ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ.....	19
<i>В. Д. Дзидзоев.</i> ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ КОРЕННОГО ОСЕТИНСКОГО НАРОДА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ И ЕГО ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В XVIII–XIX ВВ.....	23
<i>И. З. Суханова.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ II ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	33
<i>А. М. Цалиев.</i> ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КAVKAZA (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН).....	40
<i>Е. П. Саенкова.</i> ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СТАТУС KAVKAZA: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ.....	50
<i>Е. А. Шаталов.</i> АРЕСТ КАК МЕРА ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	56
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	62
<i>Л. И. Волова.</i> ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	62
<i>А. В. Шидловский.</i> ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ ВЕНЕСУЭЛЫ.....	70
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА	75
<i>С. А. Алтухов.</i> РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ОТ ПРОБЛЕМ К ПУТЯМ РЕШЕНИЯ.....	75
<i>И. И. Короленко, Т. Г. Чебоньян.</i> ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	81
<i>О. Н. Лазаренко, А. И. Тимофеев.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ НЕФТЕПРОДУКТОВ.....	87
<i>Е. А. Пащенко, О. А. Жидков, Д. А. Колганов.</i> О МЕРАХ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЯХ.....	94
<i>М. С. Ремизова.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ХОДАТАЙСТВ О ПРИЗНАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ. ФОРМЫ И ВИДЫ СУДЕБНЫХ АКТОВ, ВЫНОСИМЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАССМОТРЕНИЯ ТАКИХ ХОДАТАЙСТВ.....	101
<i>В. С. Рожков.</i> НАРОДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРАВОСУДИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	110
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	115
<i>Т. В. Шатковская.</i> ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РСФСР 1922 г. КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: К ЮБИЛЕЮ КОДЕКСА.....	115
<i>М. Д. Шапсугова.</i> ТРУД КАК ЭНЕРГИЯ, ФАКТОР ПРОИЗВОДСТВА И МАТЕРИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПРАВА В ОБЩЕСТВЕ СОЛИДАРНОСТИ.....	123
ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	129
<i>С. И. Имгрунт.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	129
<i>С. П. Федоренко.</i> ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ.....	135
<i>С. А. Васильев.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ГАРАНТИРОВАНИЯ КОМФОРТНОГО ПРОЖИВАНИЯ.....	141
РЕЦЕНЗИИ	149
<i>Р. М. Дзидзоев.</i> НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. М. ЦАЛИЕВА «О СТАЛИНЕ, ВЛАСТИ, КОРРУПЦИИ, КАЗНИ». ВЛАДИКАВКАЗ, 2021. 303 с.).....	149
<i>И. А. Иванников.</i> РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ В. И. ЕРМОЛОВИЧА «ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (X–XV ВВ.)». МИНСК: БГЭУ, 2021. 301 с.....	152
<i>Д. А. Леусенко.</i> ПРОСТРАНСТВО ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО В МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ ИСТОРИКА ПРАВОВОЙ НАУКИ К. П. КРАКОВСКОГО.....	156
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	159
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ	173
Поздравляем Л. В. Акопова!.....	173
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	175

CONTENTS

PROBLEMS OF THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE	7
<i>Damir Yu. Shapsugov.</i> THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF PUBLIC POWER IN RUSSIA: FROM AUTOCRACY TO DEMOCRACY.....	7
<i>Ivan A. Ivannikov.</i> ON SCIENTIFIC CRITICISM IN JURISPRUDENCE.....	19
<i>Valerii D. Dzidzoev.</i> DEPENDENT POPULATION OF THE INDIGENOUS OSSETIAN PEOPLE OF NORTH OSSETIA AND ITS LEGAL STATUS IN THE 18TH-19TH CENTURIES.....	23
<i>Inga Z. Sukhanova.</i> TRANSFORMATION OF THE SOCIONORMATIVE CULTURE OF THE ADYGES UNDER THE CONDITIONS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL TRANSFORMATIONS OF THE II HALF OF THE XIX CENTURY.....	33
<i>Alexander M. Tsaliev.</i> FUNDAMENTALS OF THE TRADITIONAL LEGAL CULTURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS (ON THE EXAMPLE OF THE LEGAL CULTURE OF OSSETIANS).....	40
<i>Elena P. Saenkova.</i> THE CIVILIZATIONAL STATUS OF THE CAUCASUS: AN OVERVIEW OF MODERN APPROACHES.....	50
<i>Evgenii A. Shatalov.</i> ARREST AS A MEASURE OF COERCION IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF THE SOVIET STATE AND LAW	56
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LAW	62
<i>Larisa I. Volova.</i> THE INFLUENCE OF THE FACTOR OF INTERACTION OF CIVILIZATIONS ON THE COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF INTERNATIONAL LAW	62
<i>Alexey V. Szydlowski.</i> ELECTORAL JUSTICE OF VENEZUELA	70
PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND PROCEDURE	75
<i>Sergey A. Altukhov.</i> RESOCIALIZATION OF THOSE RELEASED FROM PRISON: FROM PROBLEMS TO SOLUTIONS.....	75
<i>Irina I. Korolenko, Tatiana G. Chebonyan.</i> DOMESTIC VIOLENCE AS OBJECT OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PROCEEDINGS	81
<i>Olga N. Lazarenko, Artem I. Timofeev.</i> SOME FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE THEFT OF PETROLEUM PRODUCTS.....	87
<i>Elena A. Pashchenko, Oleg A. Zhidkov, Daniil A. Kolganov.</i> ON ANTI-EXTREMIST AND ANTI-TERRORIST SECURITY MEASURES IN THE NEW POLITICAL AND SOCIAL REALITIES.....	94
<i>Marita S. Remizova.</i> PROCEDURAL FORMS OF PETITIONS FOR THE RECOGNITION OF EVIDENCE INADMISSIBLE. FORMS AND TYPES OF JUDICIAL ACTS ISSUED AS A RESULT OF CONSIDERATION OF SUCH PETITIONS.....	101
<i>Vladislav S. Rozhkov.</i> THE POPULAR ELEMENT IN JURISDICTION AS A MEANS OF ENSURING JUSTICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS	110
PROBLEMS OF CIVIL AND BUSINESS LAW	115
<i>Tatiana V. Shatkovskaya.</i> CIVIL CODE OF THE RSFSR 1922 AS A PHENOMENON OF PUBLIC-PRIVATE CIVIL LAW: FOR THE ANNIVERSARY OF THE CODE.....	115
<i>Marietta D. Shapsugova.</i> LABOUR AS ENERGY, PRODUCTION FACTOR AND MATERIAL SOURCE OF LAW IN SOLIDARITY SOCIETY.....	123
PROBLEMS OF INTERSECTORAL REGULATION OF LEGAL ACTIVITIES	129
<i>Svetlana I. Imgrunt.</i> LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS... ..	129
<i>Svyatoslav P. Fedorenko.</i> LEGAL EDUCATION AS A WAY TO FIGHT CORRUPTION.....	135
<i>Stanislav A. Vasiliev.</i> LEGAL FRAMEWORK FOR DEMOGRAPHIC POLICY TO GUARANTEE COMFORTABLE LIVING.....	141
REVIEWS	149
<i>Ruslan M. Dzidzoev.</i> A NEW LOOK AT SOME ACUTE ISSUES OF THE NATIONAL HISTORY OF THE STATE AND LAW (REVIEW OF A. M. TSALIEV'S MONOGRAPH "ABOUT STALIN, POWER, CORRUPTION, EXECUTION." VLADIKAVKAZ, 2021. 303 p.).....	149
<i>Ivan A. Ivannikov.</i> REFLECTIONS ON THE MONOGRAPH OF V. I. ERMOLOVICH "MAIN INSTITUTIONS OF CIVIL LAW OF MEDIEVAL SERBIA AND COUNTRIES OF CONTINENTAL EUROPE (X–XV centuries)". MINSK: BGEU, 2021. 301 p.....	153
<i>Dmitry A. Leusenko.</i> SPACE OF LEGAL THINKING M. M. SPERANSKY IN METHODOLOGICAL REFLECTIONS OF THE HISTORIAN OF LEGAL SCIENCE K.P. KRAKOVSKY.....	156
SCIENTIFIC LIFE	159
ANNIVERSARIES	173
Congratulations to L. V. Akopov!.....	173
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	175

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 7–18
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(2):7–18

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-7-18

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ОТ САМОДЕРЖАВИЯ К НАРОДОВЛАСТИЮ

Дамир Юсуфович Шапсугов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция публичной власти как видоизменение форм отчужденной власти и их постепенное преодоление на основе использования новой технологической базы ее осуществления и становления свободной, ответственной личности.

Ключевые слова: публичная власть, отчуждение власти, народовластие, субъект, источник и носитель публичной власти, традиционное государство, новое государство, гражданское общество, бюрократия, цифровизация, искусственный интеллект, местное самоуправление

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Проблема эволюции публичной власти в России: от самодержавия к народовластию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 7–18. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-7-18>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF PUBLIC POWER IN RUSSIA: FROM AUTOCRACY TO DEMOCRACY

Damir Yu. Shapsugov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru

Abstract. The article observe the evolution of public authority in a traditional, new state, civil society as a modification of the forms of alienated power and its gradual overcoming based on the new technological platform for its implementation and the formation of a free, responsible person.

Keywords: public authority, alienation of power, democracy, subject, source and sovereign of public authority, traditional state, new state, civil society, bureaucracy, digitalization, artificial intelligence, local government

For citation: Shapsugov D. Yu. The problem of the evolution of public power in Russia: from autocracy to democracy. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):7–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-7-18>

Вся история человечества связана с организацией публичной власти и ее осуществлением, воплощавшимся в многообразных формах, одной из которых является государство, находившееся в постоянном взаимодействии с обществом. В определенном смысле, можно сказать, что публичная власть постоянно искала необходимые на данном этапе развития общества формы своего воздействия на него, призванные обеспечить его стабильное развитие в условиях постоянно происходящей в нем борьбы различных социальных

интересов. Поэтому вовсе неудивительно, что практически необъятная научная литература [1–6] посвящена исследованию публичной власти, значимость которой весомо усилилась в связи с принятием федеральных законов РФ, получивших наименование законов о публичной власти¹. Во всех случаях она преимущественно определялась через понятия субъекта, источника, носителя власти. Как известно, эти понятия получили свое закрепление в законодательстве разных стран. Так, например, в действующей Конституции РФ многонациональный народ России определен как источник и носитель государственной власти.

Публичная власть как власть, открытая по способам своего формирования и деятельности, выражает соотношение этих понятий. Если использовать критерий классификации публичной власти, основанный на данных понятиях, можно получить такие ее исторически существовавшие разновидности, как самодержавие (единовластие) – абсолютная власть одного лица или органа власти, когда субъект, источник и носитель публичной власти полностью совпадают. В том же случае, когда народ является источником власти в разных формах, в том числе и посредством выборов органов власти, публичная власть становится представительной и оформляется как парламентаризм. Это публичная власть от имени народа и, наконец, когда реальным субъектом власти является народ, он же выступает источником и носителем публичной власти, мы имеем народовластие как власть самого народа.

Во всех случаях, как показывает исторический опыт, возникают противоречия между субъектами (органами публичной власти), источником и носителем власти, приобретающие различный характер от непримиримо-враждебного до организационно-технического, легко разрешаемого.

Народовластием как системе публичной власти присуща масса недостатков, свойственных и другим способам властвования [7], обуславливающих ее нестабильность, вызываемую как закономерностями управленческой деятельности, так и действительной неспособностью значительной части общества, народа в историческом прошлом ответственно выполнять свои обязанности, ярко проявлявшиеся в периоды, когда члены общества наделялись широкими правами и свободами и вместе с тем становились объектами многочисленных манипуляций, приводивших к серьезным деформациям в развитии общества и дискредитации идеи прав и свобод человека как неспособной быть реализованной в соответствии с социальными ожиданиями от нее.

Вследствие объективных причин публичная власть в формате народовластия возможна только в развитом обществе, в котором существуют предпосылки для реализации известного принципа – «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех»². Традиционное государство не способно обеспечить этот принцип. Именно поэтому классики марксизма считали традиционным эксплуататорское государство, нуждающееся в уничтожении, посредством утверждения нового, социалистического государства, которое призвано было, по их мнению, прийти на смену традиционному эксплуататорскому государству [9]. На этой основе ставилась задача обратного поглощения власти обществом при помощи нового государства, уничтожающего традиционное.

В связи с тем, что опыт строительства социалистического государства не удался, а новое государство оказалось во многом традиционным, а именно, преимущественно подавляющим, бюрократическим и коррупционным, сегодня можно было бы внимательно присмотреться к идее полной отмены государства и перехода ко всеобщему самоуправлению народа, которая в XIX в. была неосуществима и к тому же была дискредитирована

---

¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; Федеральный закон РФ от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 14.03.2022).

² Об отчуждении власти от народа, о сущности народовластия, местного самоуправления, проблеме обеспечения интересов субъектов народовластия см.: [8, с. 123-143, 66-76, 247-305, 139-144].

впоследствии в связи с критикой анархизма, что, разумеется, не означает вероятности такой отмены в ближайшей перспективе, но тенденция превращения гражданского общества в субъекта публичной власти, а также успешность формирования небольших или средних по территории и численности населения государств в Европе, вновь ставят на повестку идеи Платона об объективных параметрах самодостаточности государства, поддержанные в последующие периоды развития политико-правовой мысли [10].

Возникшие в конце XX – начале XXI вв. информационные системы принципиально меняют условия формирования и осуществления публичной власти, требуют коренных перемен в устройстве и функционировании осуществляющих ее институтов, серьезно упрощают процедуры ее осуществления, практически сводя на нет предпосылки ее возможного негативного отчуждения от народа. Управленческая деятельность, когда-то обособившаяся и выделившаяся в особую сферу деятельности людей, может постоянно возвращаться к свободному, ответственному человеку, становясь вполне открытой и потому не нуждающейся в громоздкой, неэффективной системе контроля над ней и опирающейся на новые информационные системы.

Отчуждение власти от общества имеет не только философский, теоретический, преимущественно отмечавшийся в научной литературе¹, но и серьезный практический аспект. Отчуждение власти становится возможным, потому что ее субъект присваивает и практически произвольно использует все ресурсы сообщества, народа, что превращает народ в полностью зависимого от нее, деформируя человеческое достоинство входящих в него индивидов и систему ценностей гражданского общества. Применительно к государству идею отчуждения власти от общества четко сформулировал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Его формула – **государство – публичная власть, все более и более отчуждающая себя от общества** – им распространялась на всю предшествующую историю государства, включая и капиталистическое, буржуазное [12, с. 77]. Обратное поглощение обществом своей власти ассоциировалось с социалистическим государством, призванным преодолеть это отчуждение уже в переходный период к коммунизму. С точки зрения уже известной нам практики социалистического строительства, этого не произошло. И в сегодняшнем мире мы имеем возможность наблюдать и исследовать проявляющее себя сплошь и рядом отчуждение власти от общества, выступающее как присвоение ее государством, подлинное ядро которого составляет бюрократия, не совпадающая с народом.

Исходя из этого объяснения, можно сделать вывод, что отчуждение власти от общества, превращение этой власти во власть государства, государственную власть [13], является выражением сущности традиционного государства, которая естественно в постоянно изменяющихся формах и разновидностях проявляется в течение всего исторического процесса существования государства. Таким образом, подчеркивается традиционная особенность государства, которая фактически не снята до сих пор, став более утонченной и интеллектуализированной.

Наряду с этим нельзя не заметить и постоянных попыток человечества снять это отчуждение, вернуть обществу, индивиду отделенную от него власть, или, хотя бы, поставить ее под свой жесткий контроль, породивших многочисленные системы выборов в представительные органы, местное самоуправление, институты ответственности и контроля отчужденной, публичной власти. Но всегда оказывалось, чем изощреннее контроль над властью, тем утонченнее способы сохранения отчужденной публичной власти. Становилось очевидным, что проблема в конечном итоге упирается и в так называемый субъективный фактор, в качества социализированного индивида, объединенного в некие сообщества людей, не способные противостоять государственной бюрократии, которая складывается как привилегированное сословие, организующее функционирование публичной власти.

¹ [11]; об отчуждении власти от народа и его преодолении см.: [8, с. 123-143].

Практика, при которой свободный ответственный гражданин – субъект власти может появиться только в борьбе с существующей властью, должна быть признана безусловно порочной. Таким образом, традиционное государство, воплощаемое в отчуждающей от общества бюрократической организации публичной власти, претендующей на выражение его действительных интересов, с этой точки зрения, является видимостью государства как бытия, лишенного сущности. Поэтому оно не является определением действительного государства. Противопоставленное ему социалистическое государство, рассматривавшееся как выражение начала процесса обратного поглощения обществом своей власти (государство типа Парижской коммуны 1871 г. – демократическая республика для диктатуры пролетариата – Советская республика, а затем, народно-демократические республики за рубежом) – должно было стать определенным, как казалось, шагом в этом направлении. Пролетариат и крестьянство, объявленные новым источником власти, не обладали необходимыми качествами для преодоления сложившегося отчуждения власти от общества. Государственной властью фактически овладела политическая партия, выступавшая от их имени. Гениальные идеи большевиков: «Власть – советам!», «Земля – крестьянам!», «Фабрики и заводы – рабочим!», право на самоопределение народам, обеспечили их победу в революции, но не были реализованы в своей подлинной сущности.

Государственная собственность оказалась собственностью *отчужденного государства*, для обозначения соответствующего права народа стали использовать понятия «народное достояние», «носитель», «источник» власти вместо вполне юридически понятных и разработанных понятий «субъект власти», «субъект права, права собственности».

Выражением отчуждения власти от общества и государства является несовпадение, противопоставление интересов личности и государства, провозглашение приоритета государственных интересов, интересов общества над интересами личности, а также создание приоритета личности перед государством и обществом. Первое выступает оправданием тоталитаризма и тирании, в условиях которой интерес одной личности, либо небольшой группы преподносится как интерес государства или общества в зависимости от того, кто представляет государство и общество: тиран чаще всего воплощает в себе государство, «слитное» с обществом. Те же интересы может претендовать представлять и оппозиция действующей власти, а также представители популистской массы. Суть всех этих возможных попыток манипулировать интересами больших групп людей, личности, государства состоит в претензии на иллюзорное, видимое, мнимое представительство и легитимность действующей власти, либо деятельности, направленной на ее свержение.

Во всех этих случаях мы имеем дело не с действительной тенденцией развития публичной власти к народовластию, а, скорее, со становящимся все более утонченными попытками сохранения традиционного государства, творчеством новых форм его возможного существования, препятствующих созданию предпосылок для возникновения народовластия как единственного устройства власти, которое способно обеспечить единство интересов названных выше субъектов и в процессе их формирования и осуществления, делающее возможным воспроизводство этого единства.

Отчужденная власть в государстве есть выражение видимого мира, претендующего на статус действительного мира, но в качестве бытия, лишенного сущности, неподчинение законам которого объявлялось одним из свойств святости Будды, наряду с перевоплощением, перерождением святости в человеческое существо, позволяющим достигнуть высшего блаженства, совершенства человека [14, с. 34, сн. 4]. В реальной жизни общества с традиционным государством безусловное подчинение любым законам, принятыми им, принимается как высшая ценность.

Это обстоятельство вполне понятно объясняет необходимость снятия отчуждения власти от общества как разновидности господства над человеком, создаваемого без учета его жизненных интересов, *видимого мира*, лишаящего его статуса свободного ответственного гражданина, отстраняющего его от человеческой деятельности, способной создать действительный мир, действительного человека, своими действиями обеспечивающего

развитие своей человеческой сущности, человеческой сущности общества и обслуживающих его институтов.

Термин «традиционное государство» давно получил прописку в научной и публицистической литературе, трактуется в большом количестве вариантов как с точки зрения исторических периодов существования традиционного государства, так и его содержательного наполнения, форм проявления, способов функционирования [15].

Термин «новое государство» так же часто применялся в многочисленных публикациях, чаще все в противопоставлениях традиционному государству.

В данном случае мы используем эти термины в качестве наиболее обобщенных понятий, претендующих на выражение сущности традиционного и нового государства в их постоянно развивающемся взаимодействии, составляющем действительную историю государства и ее воспроизведение в сознании человека. При этом, традиционное и новое государство мы не рассматриваем как очередную классификацию государств, большинство из которых нельзя признать бесполезными, ибо они отражают *развитие* нашего мышления, пытающегося объяснить государство в преимущественно рассудочной форме без разумного обобщения через категорию «*отчуждение власти от общества*», используемую как критерий для их различения, в соответствии с гегелевским пониманием развития сознания как изменение определений его объема [16, с. 415], поскольку все частные признаки государства выступают как ограниченные критерии уже существующих классификаций государств.

Публичная власть местного самоуправления в новейшем законодательстве Российской Федерации о публичной власти рассматривается как третий уровень ее организации. В теории и практике местного самоуправления Российской империи оно играло по определению В. И. Ленина роль «пятого колеса в телеге царского самодержавия», в советское время оно было включено в единую систему государственной власти. По законам СССР и РСФСР «О местном самоуправлении» и Конституции РФ 1993 г., оно было признано самостоятельным, независимым от государственной власти институтом публичной власти. В соответствии с действующей Конституцией РФ оно входит в единую систему публичной власти. По мнению А. Черткова, «Тандему государственной и муниципальной власти необходим триумвират с властью гражданского общества», что в действующей Конституции не нашло своего выражения [1].

Столь противоречивая и кажущаяся лишенной последовательности эволюция местного самоуправления связана, как нам представляется, с особенностями местного самоуправления как компонента единой системы публичной власти, тяготеющего по способам формирования и функционирования к государственной власти, а по своей социальной сущности к гражданскому обществу как системе негосударственных институтов публичной власти. С этой точки зрения, основной субъект местного самоуправления – местное общество, являющееся компонентом гражданского общества, обуславливает возможность его отнесения к последнему как выражение особенностей единства целостной публичной власти, включающей различия между ее разновидностями, составляющими ее единство.

Сегодня можно вполне определенно фиксировать деформированность институтов публичной власти – парламентаризма, выборности, референдумов, систем изучения общественного мнения и учета его результатов публичной властью, делающих их не только не эффективными, но и уже опасными для общества и его составных частей. Манипулирование отчужденной публичной властью, присвоенной одним лицом или группой лиц, имеющих право распоряжаться всеми ресурсами общества, не неся никакой реальной ответственности за их использование, становится фактором, отменяющим любые формы легального, законного сопротивления этой власти, становящейся абсолютной, самодержавной и потому узурпированной. Такая ситуация фактически переживалась любым народом, сообществом в процессе своего исторического развития, накопившем поучительный опыт по выходу из нее.

Обобщенно можно выделить два способа борьбы с узурпацией власти, получивших свое обоснование в истории человеческой мысли. Это идея и практика ненасилия,

обоснованная Ла Бозси в Трактате «О добровольном рабстве», согласно которым достаточно просто не повиноваться тоталитарной власти всем подданным одновременно, не совершая никаких активных действий. Как известно, эта работа Ла Бозси была настольной книгой многих выдающихся людей, в том числе и Л.Н. Толстого, и в определенном смысле вошла в его мировоззрение. Эта концепция в видоизмененном варианте как борьба через ненасилие была применена и М. Ганди в Индии в процессе освобождения Индии от английской колонизации.

Другой способ – силовое революционное свержение тоталитарной власти путем вооруженного восстания, которое становится неизбежным в условиях полного отсутствия легальных способов сопротивления власти. Именно такая ситуация, породившая учение о вооруженном восстании народа, разработанное В. И. Лениным и реально примененное большевиками в период Октябрьского переворота (1917 г.) в России, складывалась в России в начале XX в. Руководитель партии большевиков В. И. Ленин, тщательно проанализировав опыт пропагандистской работы в трудовых массах России, пришел к выводу, что победа революции в России невозможна только средствами пропаганды в силу чрезвычайной узурпированности публичной власти российским самодержавием, без вооруженного восстания, разработал целостное учение о нем, детально раскрыв возможный его ход и условия победоносного его завершения¹.

Проблема права на восстание в истории политико-правовой мысли периодически ставилась в трудах выдающихся мыслителей прошлого как результат осознания опасности, проистекающей от наделенной властными полномочиями и материальными ресурсами, становящейся независимой от общества отчужденной от нее публичной власти, включающей возможность легального сопротивления ей по законам, ею установленным.

История публичной власти знает огромное число событий, связанных с узурпацией власти. Из огромной массы примеров можно выделить античных тиранов, английских королей и свергнувшего их Кромвеля, а также: Людовик XVI и Наполеон, Петр I, Иван Грозный, Гитлер в Германии, Муссолини в Италии, Франко в Испании, Салазар в Португалии, Пиночет в Чили, С. Хуссейн в Ираке и т.д. Общим признаком созданных в подобных случаях систем власти выступало не только сосредоточение в одних руках (узурпатора) политической и юридической власти, но и максимально возможная концентрация социальных, финансовых и экономических, материальных ресурсов, призванных обеспечить провозглашающуюся ими видимость духовно-нравственных ценностей, навязанных обществу под видом его подлинных ценностей, нуждающихся для их защиты в организации эффективной публичной власти, которую они могут создать в случае их безусловной поддержки.

Понятно, что любая власть может существовать, только опираясь на систему указанных выше ресурсов. Вопрос заключается лишь в том, кто выступает субъектом публичной власти, распределителем этих ресурсов, как структурно организовано устройство публичной власти, для осуществления чьих конкретных интересов они используются? Ответы на эти вопросы заключены в реальных результатах, достигнутых отчужденной от общества властью, – показателях, убедительно свидетельствующих о жизненном уровне членов общества, уровне духовно-нравственного развития личности, достижений в области науки, культуры, искусства, техники, информационных технологий, свидетельствующих о развитии данного сообщества людей, становлении человеческой цивилизации и гражданского общества.

Отчуждение власти от общества выражалось в разнообразных формах – в идее суверенитета государства, впервые разработанной Ж. Боденом, обосновавшим суверенитет – как полную абсолютную, ничем не ограниченную власть государства, которая стала теоретическим завершением практики осуществления светской власти, исторически формировавшейся в борьбе с другими разновидностями власти и, прежде всего, властью церкви.

---

¹ [17: «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «Советы постороннего»].

Другая форма взаимоотношений государства и общества нашла свое выражение в концепциях, авторы которых находили источник государственной власти не в личности правителя государства, а в согласии народа на установление власти над собой при строго определенных условиях ее осуществления. Нарушение этих условий государством трактовалось как возможность сопротивления такой власти, включая право на восстание против нее (Фома Аквинский, Марсилиус Падунский). Легитимность такого восстания была признана в эпоху Французской революции, когда восставшее третье сословие взяло в руки публичную власть общества, кардинально переформатировав ее структуру, форму и функции.

Практика свержения власти Временного правительства России, созданного для управления страной после отречения императора Николая II от престола до созыва Учредительного собрания, не получила впоследствии законодательного закрепления. Установленная новая советская власть, вопреки учению Маркса о социалистическом, отмирающем полугосударстве, закрепила лишь свою неизменность как единственно возможного народного государства как государства диктатуры пролетариата, никакими законами неограниченной абсолютной власти, призванной перерасти в общенародное государство с подавлением всех своих противников и становлением социально однородного, т.е. лишённого многообразия общества. Образ такого общества был обоснован еще Платоном – здесь все видят одинаково, слышат одинаково, строго сохраняя свою принадлежность к определенному слою, стабильное существование которого выступает условием стабильности всего общества.

К слову сказать, к этому времени уже целое столетие в США был принят Закон о восстании¹ как гарантии сохранения за народом его власти, с чем было связано право каждого гражданина иметь оружие, вытекавшее из возможности и необходимости всеобщего вооружения народа как гарантии подчинения публичной власти народу, гражданам. Эта гарантия, хотя и не обеспечила полностью и в каждый исторический момент избавление от поползновений к узурпации публичной власти отдельными людьми или группой лиц, но стратегически безусловно оказалась эффективной.

В специальных законах о восстании, сопротивлении власти могут быть регламентированы законные формы сопротивления возможным антинародным действиям органов государственной власти: свобода слова, митингов, демонстраций, забастовок, закрепление в Конституции государства института импичмента главы государства, применяемого достаточно редко, и роспуска парламента, ставшего в ряде стран вполне привычным явлением. В научной и учебной литературе дается обоснование права на сопротивление власти, право на восстание в связи с возможными посягательствами действующей власти на суверенитет народа [18–19; 20, с. 105; 21] и узурпацией публичной власти.

Становление новых начал в традиционном государстве в отечественной истории конца XX в. сопровождалось, как известно, отменой действующей конституции страны Указом Президента РФ от 21 сентября 1993 г., незаконность которой была подтверждена заключением Конституционного суда РФ от 21.09. 1993 г. «О соответствии Конституции Российской Федерации **действий и решений** Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года”», в котором действия и решения Президента РФ признавались не соответствующими части второй ст. 1, части второй ст. 21, ст. 3, части второй ст. 4, частям первой и третьей ст. 104, части 3 пункта 2 ст. 121, части второй статьи 121, статьям 165, 177 Конституции РФ, и последующим расстрелом из танков Парламента России, ее Верховного Совета и арестом руководства и значительной части его депутатов, не согласных с произошедшей узурпацией верховной власти в России, осуществленной Президентом Б. Н. Ельциным.

В «Особых мнениях», высказанных судьями Конституционного суда в связи с этими событиями, отмечаются процессуальные нарушения, имевшие место в ходе рассмотрения данного дела, но совершенно не оспаривается, точнее говоря, не рассматривается существо

¹ Закон США о восстании 1807 г. Электронный ресурс. https://wiki5.ru/wiki/Insurrection_Act_of_1807

дела – есть ли основания квалифицировать действия Президента РСФСР Б. Н. Ельцина как нарушающие Конституцию РФ, влекущие за собой отрешение его от должности президента. Практически не обсуждается и, следовательно, не оспаривается суть вопроса.

Созданный действиями Президента Б. Н. Ельцина и недостаточно профессиональными действиями Конституционного суда РФ, отмеченными в особых мнениях отдельных его членов, прецедент должен быть вновь исследован и тем самым должна быть поставлена точка в юридической оценке происшедших событий, какой бы горькой она ни была. При этом, необходимо исследовать всю совокупность противоречащих Конституции РФ действий, включая отстранение от власти вице-президента РФ, а также события начала октября 1993 г., включающие расстрел Парламента, арест народных депутатов и руководства Верховного Совета РФ, принятие Конституции без ее всенародного обсуждения, действительные итоги голосования, связанные с низким процентом участия граждан РФ в голосовании, завершившиеся принятием Конституции народом.

В принятой после этих событий новой Конституции РФ узурпация власти была признана недопустимой, но не содержала в себе ни ее определения, ни легальных форм деятельности по ее недопущению и преодолению. Государство по-прежнему сохранило традиционные институты власти, изменив их название, усилилась роль и значимость бюрократии, т.е. оставалось вполне традиционным государством, хотя и с закрепленными правами и свободами граждан, и демократическими процедурами законодательства и исполнения закона. Тем самым, новое государство выступало как изменяющаяся система отчужденной власти, являвшейся лишь трансформацией традиционного государства.

История человечества показывает, что обособленное от общества развитие публичной власти чревато серьезными негативными последствиями для него. Поэтому развитие систем публичной власти должно быть адекватным развитию народа, тесно связано с постоянным возобновлением его материальных, духовно-нравственных, социальных, экономических, финансовых, культурных ресурсов и их развитием.

Публичная власть настолько соответствует понятию о ней, насколько ее субъектом является свободный и ответственный народ, перед которым ответственна любая публичная власть, производная от него и служащая ему. Эта великая историческая миссия народа может быть реализована только в том случае, когда все те, кто его составляют, или их значительная часть, являются свободными и ответственными личностями. Такие народы и такие личности не появляются сами собой, а рождаются и формируются образом жизнедеятельности, которого придерживается каждый человек и человеческие сообщества. Именно они являются властным ядром народовластия.

Узурпация власти – это не просто ее захват, но и постоянное удержание в полном ее объеме, становящееся способом ее выживания, связанного с превращением народа в объект манипулируемого управления, включающего лишение его собственности, прав и свобод личности, народа и составляющих его социальных общностей.

Становящаяся абсолютной, власть как крайнее выражение ее отчуждаемости – совершенно очищена, освобождена от справедливости, морали, нравственности, правды, души. Ее субъектом названные ценности либо не признаются вовсе, либо трактуются крайне односторонне. Свободный ответственный гражданин – его первый и самый опасный враг, поэтому он не допускает его существование.

Социальные революции оказывали существенно влияние на традиционное государство, изменяли состав источников и носителей и даже субъектов публичной власти, но оставалась система его институтов, претерпевая известные изменения, отражавшие появление нового в государстве, в действительности являвшееся лишь видоизменением традиционного. Даже социалистическое государство, призванное уничтожить буржуазное и, казалось бы, беспощадно решавшее эту задачу, сохраняло или воссоздавало тюрьмы, суды, органы следствия, армию и весьма широко использовало «старых специалистов» в новом государственном аппарате с новой, но бюрократией, новой, но коррупцией, новым, но формализмом.

В этом проявлялось общее свойство отчужденной публичной власти развиваться по своим особенным законам, по своей особенной логике, сохраняющей отчужденность власти, видоизменяя частично ее содержание и форму, опираясь при этом на социальные качества и особенности изменяющегося источника, носителя и субъекта власти. Все эти изменения, выступающие как способ изменения и развития традиционного, характеризуют новое государство [22].

Поэтому, пока сохраняется отчужденность власти, традиционное государство сохраняется, оно является способом существования развивающегося отчуждения власти. Символом традиционного государства выступает всегда всемогущая бюрократия, для преодоления которой в традиционном государстве нет достаточных предпосылок, ибо она выступает воплощением всех человеческих «слабостей», находящих возможности для своего осуществления.

Развитое общество, в котором сформировался свободный ответственный индивид как действующий социальный субъект и новые информированные технологии, цифровизация и искусственный интеллект призваны вытеснить бюрократию, стать технологической основой народовластия, при котором должно осуществляться обратное поглощение обществом своей власти.

Новое государство, как уже отмечалось, может являться выражением процессов трансформации традиционного государства, направленной на преодоление или смягчение отчуждения власти от общества, ведущих к ослаблению их негативного влияния на поступательное развитие общества.

Обе эти тенденции (развитие традиционного и его трансформация в новом) в развитии современного государства, как и в прошлой его истории, ведут к постепенному формированию гражданского общества, в котором преобладающее значение приобретают процесс обратного поглощения обществом своей власти, изначальная негосударственность которого становится важным фактором.

Формирование свободной ответственной личности как базовой личности гражданского общества невозможно без действительных прав и свобод человека, правовых обязанностей, правовых запретов, обеспечивающих человеческое достоинство, формирование и осуществление правовых ценностей как составных частей действительного человеческого образа жизни.

Традиционное государство и соответствующее ему традиционное общество в процессе своего развития в результате формирования в нем элементов нового государства и гражданского общества порождают новое традиционное, но уже названное правовым государство, новое общество, но уже названное гражданским обществом. Новая разновидность публичной власти, названная народовластием, вбирает в себя эти тенденции, образуя целостную систему публичной власти, которая призвана быть системой эффективного воспроизводства и использования человеческого «капитала», основным источником развития которого, наконец, становится свободная ответственная личность – действительное ядро поступательного развития человечества.

Публичная власть в условиях народовластия, снимающего отчуждение власти на новой технологической основе, становится деятельностью народа, составляющих его общностей и индивидов, а также создаваемых ими органов по осуществлению принадлежащих им публичных, постоянно развивающихся прав, свобод, предоставленных полномочий и возложенных обязанностей, выражающих их социальные качества и отстаиваемые ими правовые ценности. Это определение публичной власти становится действительным и для гражданского общества, народовластия, существование которых невозможно без свободной ответственной личности, деятельность которой *одушевляет* публичную жизнь, преодолевая ее формализм, свойственный ей в любом традиционном государстве, традиционном обществе.

Исходя из изложенного, можно отметить, что эволюция публичной власти в России происходит в форме взаимодействия традиционного государства с формирующимися в нем элементами нового государства, традиционного общества с формирующимися в его

рамках новыми элементами гражданского общества, в конечном итоге означающими становление народовластия и гражданского общества как системы действительной публичной власти, возникновение которой означает постепенное преодоление отчуждения власти от общества, в котором публичная власть действительно становится единой, содержащей различия более высокого уровня, в особенности опирающиеся на новую технологическую базу, которая отсутствовала прежде.

В принятых в последнее время законах о публичной власти ее эволюция выступает как процесс очередной систематизации с выделением трех уровней ее закрепления: публичная федеральная государственная власть, публичная государственная власть субъекта федерации, публичная власть местного самоуправления¹. Почти полное формальное их разделение, свойственное законодательству начала 90-х гг., себя не во всем оправдало в плане достижения полного единства публичной власти, без которого ее устойчивое развитие становится недостаточно гарантированным. Но различие ее трех уровней осталось не снятым в обобщенном понятии о ней, подчеркивающим единство публичной власти.

Таким образом, эволюция публичной власти в России происходила в рамках традиционного государства и традиционного общества (от самодержавия к представительной власти) посредством их трансформации как процесса возникновения элементов нового государства, представляющих собой видоизменение форм отчуждения власти от общества, поставивших в актуальную повестку дня вопросы формирования народовластия и гражданского общества.

Законодательство о публичной власти фиксирует скорее современное состояние публичной власти как исходное состояние, от которого придется отталкиваться в дальнейшем. Эволюция публичной власти в формате республиканского государства с федеративной формой государственного устройства предполагает становление свободной ответственной личности как динамичного ядра свободного ответственного народа как первичного субъекта публичной власти в гражданском обществе и системе народовластия, которые в новом законодательстве о публичной власти не получили, к сожалению, четких определений и должны получить закрепление на следующих этапах его развития.

Институты, и особенно технологии отчуждения власти от общества, должны переходить в информационные системы, обслуживающие гражданскую жизнь человека через цифровизацию, искусственный интеллект². Разумеется, нет нужды впадать по этому поводу в большую эйфорию. Путь этот не так прост, как хотелось бы, но он уже найден, и есть возможность идти по нему с надеждой и уверенностью.

Список источников

1. Чертков А. Н. Публичная власть в обновленной Конституции // Адвокатская газета. 2020. 26 марта.
2. Чиркин В. Е. Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. 174 с.
3. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6. С. 142-151.
4. Зеленев В. А. Становление гражданского общества в России: оптимизация взаимодействия подсистем общества. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. 20 с.
5. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России. Сб. научных трудов по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола / Под общ. ред. А. В. Малько и К. А. Струсь. Пятигорск-Саратов-Москва: РИА КМВ, 2010. 321 с.
6. Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. М.: «Союз», 1993. 167 с.

---

¹ См. об этом: [23].

² См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/71670570/>; О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014. № 313// Собрание законодательства РФ. РФ 2014. №18. Ст. 2159, а также: [24–25].

7. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М.: ИД «Русская книга», 1993. 212 с.
8. Шапсугов Д. Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Юрист, 2003. 685 с.
9. Байтин М. И., Гулиев В. Е., Косицын А.П. [и др.] Марксистско-ленинская общая теория государства и права : В 4 т. Т. 3: Социалистическое государство. М., 1972. 559 с.
10. Мойзес Наим. Конец власти. Пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. М.: АСТ, Corpus, 2016. 512 с.
11. Курелла А. Свое и чужое: Новое к проблеме социалистического гуманизма / Пер. с нем. Т. А. Рябушкиной и Л. А. Киселева ; Под ред. и с предисл. [с. 5-21] д-ра философ. наук А. С. Богомолова. М.: Прогресс, 1970. 279 с.
12. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.
13. Колесников В. А. Государственная и публичная власть: к исследованию взаимосвязи в современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 1А. С. 20–30.
14. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Элиста – Ростов-на-Дону, 2012. 455 с.
15. Разуваев Н.В. Понятия и признаки традиционного государства // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 3 (31). С. 51–71.
16. Гегель Г. Философия духа / Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 471 с.
17. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. 584 с.
18. Климова М. И. Народный суверенитет и право народа на восстание / Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 7–9.
19. Красинский В. В. О праве народа на восстание // Военно-юридический журнал. 2006. № 4. С. 21–23.
20. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 767 с.
21. Романовский Г. Б. Право на восстание и «цветные революции» в современном мире // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 1(6). С. 65–72.
22. Шапсугов Д. Ю. Российский конституционализм как болезненное прощание с самодержавием / Двадцатилетний период развития конституционализма в России: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной юбилею Конституции Российской Федерации 1993 г., Ростов-на-Дону, 20 декабря 2013 г. Под общей редакцией проф. П. П. Баранова. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2013. С. 170–179.
23. Баранов П. П. Совершенствование конституционных основ национального единства российского общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 64–70.
24. Овчинников А. И. Правовое стимулирование развитие цифровой экономики: векторы и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 15–24.
25. Овчинников А.И. Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 4. С. 87–92.

References

1. Chertkov A. N. Public power in the updated Constitution. *Lawyer newspaper*. 2020. March 26. (In Russ.)
2. Chirkin V. E. *Public power*. Moscow: Lawyer; 2005. 174 p. (In Russ.)
3. Chernilovsky Z. M. Civil Society: research experience. *Gosudarstvo i parvo = State and law*. 1992;(6):142–151. (In Russ.)
4. Zelenev V. A. *The formation of civil society in Russia: optimization of interaction between the subsystems of society*. Autoref. dis.... cand. sociol. sciences. Saratov; 2004. 20 p. (In Russ.)
5. *Legal basis for the formation of civil society in modern Russia*. In: Collection of scientific works on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table. Under the general. ed. A.V. Malko and K. A. Strus. Pyatigorsk-Saratov-Moscow: RIA KMV; 2010. 321 p. (In Russ.)
6. Resnik Yu. M. *Civil society as a phenomenon of civilization*. Moscow: Publishing House "Soyuz"; 1993. 167 p. (In Russ.)
7. Victorious K. P. *The great lie of our time*. Moscow: "Russian Book," 1993. 212 p. (In Russ.)
8. Shapsugov D. Yu. *Problems of theory and history of power, law and state*. Moscow; 2003. 685 p. (In Russ.)

9. Baitin M. I., Guliyev V. E., Kositsyn A. P. [et al.] *Marxist-Leninist general theory states and rights*: In 4 vols. T. 3: Socialist state. Moscow; 1972. 559 p. (In Russ.)
10. Moises Naim. *End of power*. Transl. by N. Mezin, Yu. Poleshchuk, A. Sagan. Moscow: ACT, Corpus, 2016. 512 p. (In Russ.)
11. Kurella A. *His and someone else's: New to the problem of socialist humanism*. Transl. by T. A. Ryabushkina and L. A. Kiseleva; Ed. and with the foreword. [pp. 5-21] Dr. Philosopher. sciences A. S. Bogomolov. Moscow: Progress; 1970. 279 p. (In Russ.)
12. Engels F. Origin of Family, Private Property and State. In: *Marx K., Engels F.; Selected works*. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Politizdat; 1986. 639 p. (In Russ.)
13. Kolesnikov V. A. State and public power: to the study of the relationship in modern Russia. *Theories and problems of political research*. 2018;7(1A):20–30. (In Russ.)
14. *Anthology of monuments of the law of the peoples of the Caucasus*. T. 9. Elista – Rostov-on-Don; 2012. 455 p. (In Russ.)
15. Razuvaev N. V. Concepts and signs of the traditional state. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Management consulting. Current problems of state and municipal administration*. 2008;3(31):51–71. (In Russ.)
16. Hegel G. Philosophy of the Spirit. In: *Encyclopedia of Philosophical Sciences*. Vol. 3. Moscow; 1977. 471 p. (In Russ.)
17. Lenin V. I. *Complete works*. Vol. 34. Moscow: Publishing house polit. literature, 1969. 584 p. (In Russ.)
18. Klimova M. I. People's sovereignty and the right of the people to revolt. In: *Problems and prospects of jurisprudence in modern conditions. A collection of scientific works based on the results of an international scientific and practical conference*. Kazan; 2015:7–9. (In Russ.)
19. Krasinsky V. V. On the right of the people to uprising. *Voенно-yuridicheskii zhurnal = Military Law Journal*. 2006;(4):21–23. (In Russ.)
20. Baglai M. V. *Constitutional law of the Russian Federation*. Textbook. Moscow; 2018. 767 p. (In Russ.)
21. Romanovsky G. B. The right to revolt and "color revolutions" in the modern world. *Rossiiskii zhurnal pravovyykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Research*. 2016;3(№ 1(6)):65–72. (In Russ.)
22. Shapsugov D. Yu. Russian constitutionalism as a painful farewell to autocracy. In: *Twenty-year period of the development of constitutionalism in Russia: a collection of materials from a scientific and practical conference dedicated to the anniversary of the Constitution of the Russian Federation*. Under the general editorship of prof. P. P. Baranov. Rostov-on-Don: URIU RANЕPA; 2013:170–179. (In Russ.)
23. Baranov P. P. Improving the constitutional foundations of the national unity of Russian society. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):64–70. (In Russ.)
24. Ovchinnikov A. I. Legal stimulation of the development of the digital economy: vectors and priorities. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):15–24. (In Russ.)
25. Ovchinnikov A. I. Human rights in the context of the digital transformation of society and the state. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2021;8(4):87–92. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, докт. юрид. наук, проф., директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Prof., Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking. of URIU RANЕPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 14.06.2022.
The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.

О НАУЧНОЙ КРИТИКЕ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Иван Андреевич Иванников

Сочинский институт Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия, fraiheit2061@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальной и слабо разработанной в современной науке теме – научной критике в юриспруденции. Исходя из уже предложенного определения научной критики, автор предлагает дополнительные вопросы для этого обсуждения. Отмечается, что научная критика зависит от ценностей ученого, экономических, политических и идеологических устоев общества в конкретно-исторический период.

Ключевые слова: научная критика, юридическая наука, теории права, свобода мысли, вдохновение, правосознание, критическое мышление

Для цитирования: Иванников И. А. О научной критике в юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 19–22. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-19-22>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

ON SCIENTIFIC CRITICISM IN JURISPRUDENCE

Ivan A. Ivannikov

Sochi Institute of Peoples' Friendship University of Russia, Sochi, Russia, fraiheit2061@gmail.com

Abstract. The article is devoted to an actual and poorly developed topic in modern science – scientific criticism in jurisprudence. Based on the already proposed definition of scientific criticism, the author proposes additional questions for this discussion. It is noted that scientific criticism depends on the values of the scientist, economic, political and ideological foundations of society in a particular historical period.

Keywords: scientific criticism, legal science, theories of law, freedom of thought, inspiration, legal consciousness, critical thinking

For citation: Ivannikov I. A. On scientific criticism in jurisprudence. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):19–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-19-22>

Мы живем в обществе эпохи перемен, на которые влияют процессы цифровизации, информатизации, испытываем влияние акторов научно-технического прогресса и международных отношений. С учетом этих факторов ученые выявляют проблемы и пытаются их решать. И в этих непростых условиях рыночных отношений некоторые научные работники вносят свой вклад в развитие учения о государстве и праве, понимая, что нет постоянных знаний. Цель статьи – показать, что российская юридическая наука имеет огромный опыт научной критики, которая актуальна в условиях поиска российским обществом и учеными новых идеалов формы государства и правовой системы, поиска выверенных теорий государства и права, философии права.

Для отечественных ученых важно изучить период бурного развития отечественной философии и юриспруденции второй половины XIX – начала XX веков.

Сущность интеллектуальной деятельности людей, считает профессор химии и философ Е. Д. Яхнин, основывается на понятиях сознания и мышления, где сознание есть «способность (или свойство) мозга создавать действительные и виртуальные представления и оперировать ими», а мышление – логически связанные «ветвящиеся последовательности представлений» [1, с. 37].

Для научной критики в юриспруденции важным фактором является правосознание ученых, их правовое мышление. В юриспруденции критика связана с государственно-правовыми ценностями, политикой. В отечественной юриспруденции научную критику,

на наш взгляд, следует изучать с появлением научных центров, первых академий. Особое внимание следует обратить на работы М. В. Ломоносова. Очень много спорили ученые России о будущем российского общества и государства на протяжении всего XIX века.

Согласимся с утверждением Д. Ю. Шапсугова, что В. С. Соловьев, Б. Н. Чичерин спорили об истине. Для В. С. Соловьева истина – в слиянии предмета исследования и познания, он в отличие от Б. Н. Чичерина считал источником знания веру. Б.Н. Чичерин подверг взгляды В. С. Соловьева «жесткой, иногда беспощадной критике. Ведь речь шла не только о защите собственных взглядов, а о пути, который, по его убеждению, не только не ведет к истине, а уводит от нее» [2, с. 19].

В редакциях научных журналах в настоящее время больше внимания уделяют оформлению статей, их структуре. Поистине, проблемных статей, которые с большим интересом и вниманием читали бы преподаватели и обучающиеся, практики, не так много. Поэтому обращение к работам российских мыслителей XIX – начала XX вв., когда философская и правовая наука России достигла успехов в мире, вполне оправдано. Проф. Д. Ю. Шапсугу решил обратиться к дискуссии между В. С. Соловьевым и Б. Н. Чичериным. С позиций теории прогресса, развития общества к большей свободе и культуре, данная дискуссия не может быть образцом для подражания в условиях современности. У В. С. Соловьева была цель установления в мире совершенной гармонии Бога с Мира, которая возможна лишь на основе взаимной любви. Кого можно поддержать из этих авторов? Верующие христиане поддержат В. С. Соловьева, а идеи Б. Н. Чичерина близки юристам, особенно его взгляды о государственном идеале (конституционной монархии).

По утверждению Д. Ю. Шапсугова, «научная критика есть разновидность аналитической деятельности в сфере науки по выявлению структуры и системы научного исследования, определению возможностей познавательных средств и способов их взаимодействия для установления их соотносимости с полученным результатом» [2, с. 25]. Это определение можно дополнять, добавляя проблемы, о которых спорят ученые. Это могут быть вопросы систематизации и периодизации истории науки и другие. Отдельно необходимо обсуждать вопрос о возникновении научной критики в российской юриспруденции. Такая критика существовала в споре декабристов, «западников» и «славянофилов» в преддверии и в процессе реформ Александра II, сторонников цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского и его оппонентов. В 1916 г. во всей Российской империи было 12 университетов. В СССР было более 60 вузов, готовящих юристов. В части исторической России Российской Федерации их сотни. Больше нужно юристов и больше стало вузов, защит диссертаций.

С развалом СССР, развитием политического и правового плюрализма появилось множество новых теорий правопонимания. Следствием роста в 1991–2005 гг. количества вузов, осуществляющих подготовку юристов, явился рост диссертационных советов и лиц, имеющих ученые степени и звания. Многие теории, появившиеся на политической волне критики материалистического понимания истории, принципа историзма, классового подхода, вскоре сами стали объектом критического анализа со стороны некоторых ученых. В научной отечественной литературе последних лет внимание автора привлекли статьи В. В. Лунеева и А. Ф. Черданцева.

Профессор В. В. Лунеев отметил, что многие теории опровергаются реалиями жизни. Трагедию юридической науки он увидел в том, что «уродливые криминологические сведения убивают красивые, но плохо разработанные правовые гипотезы» [3, с. 110]. Работая в Институте государства и права Российской академии наук, В. В. Лунеев критически оценил вклад ученых этого научного центра, отметив, что юриспруденция в этом научном центре «... осуществляется в основе своей на условном уровне в форме науки слов, а не науки реалий», что Институт «...никогда не имел и не имеет никакой системной, реалистичной, фактической или экспериментальной базы.... Философия и теория права в нашем институте благодаря некоторым отраслевым наукам развиваются в плане абстрактных либертарных суждений, не опираясь ни на какие-либо реалии. ... абстрактное философствование вне фундаментального анализа реалий сводит философию к науке слов, а не к науке познания реального права» [3, с. 113]. Научная критика проф. В. В. Лунеева современных теорий права, практики законодательства во многом не потеряла своей актуальности и по прошествии восьми лет

со времени написания статьи. Стоит отметить, что некоторые проблемы в праве, о которых пишет В. В. Лунеев, отмечены были Л. Н. Толстым, то есть не исчезли и через сто лет.

В статье проф. А. Ф. Черданцева обосновывался тезис о вредности отказа от устоявшихся в отечественной теории права представлений о праве, критикуется теория интегративного правопонимания, отнесения принципов права к формам права. А. Ф. Черданцев отметил, что представление о чем-либо никогда не может быть полным и всесторонним [4, с. 6]. Критикуя интегративистов за их тезис о том, что первая интеграция прослеживается в естественном праве, А. Ф. Черданцев отмечает, что теория естественного права неоднородна и в рамках этой теории со времен античности и до эпохи буржуазных революций было много концепций (теологического естественного права, возрожденного естественного права, естественного права с изменяющимся содержанием) [4, с. 7]. В рамках позитивизма, социологического направления таких концепций еще больше. Самым главным недостатком интегративного правопонимания А. Ф. Черданцев считал «... отсутствие интегративного понятия права», в котором существенные признаки права не называются, а поэтому, «... если нет понятия права, то нет не только научного понимания, но и приемлемого обыденного. А потому и можно говорить о недопонимании права» [4, с. 8].

А. Ф. Черданцев отметил, что и либертарно-юридическая теория права В. С. Нерсисянца, рассматривающая право как форму свободы, равенства и справедливости, фиксирует лишь функциональное назначение права. А. Ф. Черданцев отмечал, что, следуя этой логике, к признакам права можно отнести формы «экономики, политики, морали, властных и т. п. отношений, целесообразной деятельности и т. д. В то же время право не только форма равенства, но и форма неравенства. Вспомним рабовладельческое и феодальное право, которые прямо закрепляли неравенство, да и современные правовые системы закрепляют многочисленные формы неравенства в виде иммунитетов, привилегий, льгот и т. п.». А. Ф. Черданцев формулирует вывод, что «...правовая наука и не нуждается в интегративном подходе к праву, который пока весьма неопределен, существует лишь в общей фразе». А поэтому, сложившиеся в юриспруденции признаки права – «... нормативность, системность, генетическая и функциональная связь с государством (государство издает или санкционирует другие социальные нормы, обеспечивает их соблюдение), волевой характер права, общеобязательность, обусловленность права общественным бытием (экономика, политика, мораль, идеология, интересы и т. п.)» [5, с. 14]. Отсутствие какого-либо из этих признаков, отмечает А. Ф. Черданцев, не позволяет считать социальные нормы правовыми.

Является ли ценностью научная критика? Этот вопрос аналогичен вопросу о том, являются ли ценностью государство или законы? Необходимо дать ответ: какая научная критика и какое государство и право есть большая ценность? Или прав был Л. Н. Толстой, утверждавший, что позитивное право, особенно международное право, не являются никакой ценностью. Атрибутами научной критики всегда будут критическое мышление, свобода мысли. Без свободы мысли не может быть эффективного развития науки. Видимо стоит пересмотреть известный принцип «разрешено все, что прямо не запрещено законом», который в перестроечные и 1990-е гг. использовали как полукриминальный лозунг. Запретить законом все нельзя, особенно на перспективу, а поэтому нельзя в данном случае игнорировать мораль. Поэтому данный принцип правильнее понимать, как «разрешено все, что прямо не запрещено законом и не осуждается исторически сложившимися заповедями и нормами морали».

Понятно, что основу научной критики составляют сомнения в истинности определенных положений, фактов, анализ научных открытий. Это может быть выяснено в научных дискуссиях и консенсусах. Причем исследователь при изучении идей прошлого должен применять исторический метод.

Представитель исторической школы права Карл Савиньи считал, что каждая эпоха создает свое бытие. При этом делается взгляд в прошлое, идет поиск положительных морально-политических примеров. Российский цивилист Н. Л. Дювернуа писал: «Мы имеем, таким образом, в истории права процессы развития индивидуума, поставленные в теснейшую связь с процессом развития народа» [5, с. 19]. Какие примеры мы можем выбрать из истории российской юридической мысли зависит от нас самих, от наших ценностей. Процесс исторического развития и эволюции всего права избавляет от ошибок. В советское

время было принято говорить о применении принципа историзма при изучении многих наук. Действительно, государство и право изменяются и развиваются с течением времени. Модным было ссылаться на слова В. И. Ленина, который писал, что надо «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [6, с. 67]. Исторический метод позволяет смотреть на изучение права и государства как на процесс, в котором есть преемственность. Изучая труды предшественников, современный исследователь должен учитывать то, в какую эпоху жил тот или иной ученый, в какое время он создавал свои труды. Современные исследователи не только должны учитывать опыт научной критики своих предшественников, но и проводить дискуссии на высоком уровне общей и правовой культуры. При этом сам исследователь является носителем правосознания, определенных государственно-правовых ценностей и не может не учитывать господствующих в своей стране и мире экономических, политических и религиозных устоев.

Список источников

1. Яхнин Е. Д. Эмоции и мышление // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 33–38.
2. Шапсугов Д. Ю. Становление научной критики в российской юриспруденции в XIX в. Размышления о полемике Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева о праве, нравственности и их соотношении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 15–26.
3. Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий и теорий права в России (Доклад на конференции «Актуальные аспекты анализа и обобщения современного правоведения») // Государство и право. 2015. № 4. С. 110–114.
4. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.
5. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Том первый. Введение и часть первая. Часть IV. С. – Петербург, 1902.
6. Ленин В. И. О государстве / Ленин В. И. Полное собрание соч. Т. 39.

References

1. Yakhnin E. D. Emotions and thinking. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*. 2022;(2):33–38. (In Russ.)
2. Shapsugov D. Yu. Genesis of scientific criticism in Russian jurisprudence in the XIX century. Reflections on the polemics B. N. Chicherin and V. S. Soloviev on law, morality and their relationship. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):15–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-15-26>
3. Luneev V. V. Ratio of criminal realities and theories of law in Russia (Report at the conference "Actual aspects of analysis and generalization of modern law"). *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2015;(4):110–114. (In Russ.)
4. Cherdantsev A. F. Integrative misunderstanding of law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law*. 2016;(10):5–15. (In Russ.)
5. Duvernois N. L. *Readings on Civil Law*. Volume One. Introduction and part one. Part IV. S.-Petersburg; 1902. (In Russ.)
6. Lenin V. I. On the State. In: *Lenin V. I. The Complete Assembly of Works*. Т. 39. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Иванников – докт. юрид. наук, докт. полит. наук, проф., Сочинский институт РУДН.

Information about the author

I. A. Ivannikov – Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor, Sochi Institute of Peoples' Friendship University of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 04.05.2022. The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 04.05.2022.

ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ КОРЕННОГО ОСЕТИНСКОГО НАРОДА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ И ЕГО ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В XVIII–XIX ВВ.*

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, РСО-Алания, Россия,
dzidzoevv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена зависимому населению осетинского народа в XVIII–XIX вв. и их взаимоотношениям с феодалами Северной Осетии, которые вошли в историографию Кавказа под именем алдаров у осетин-иронцев, и баделят у осетин-дигорцев. Они были приравнены к русским дворянам и разные исследователи XVIII – XIX вв. называли их, то старшинами, то феодалами, то князьями. Но, в сущности, они сформировались в феодальный класс и имели по обычному праву осетин все привилегии над подвластными крестьянами, которых эксплуатировали. В свою очередь и подвластные крестьяне подразделялись на несколько категорий: у осетин-иронцев на фарсаглаги (сбоку стоящий), кавдасардов (рожденный в хлеву, отец которого был феодалом, а мать наложницей), кусаги (работники), рабы. У осетин-дигорцев подвластные крестьяне делились на: адамихатов (порода людей), кумаягов (человек из Кумы, т.е. рожденный от феодала и наложницы), косагов (работников) и рабов.

Ключевые слова: феодал, класс, феодальная зависимость, алдар, баделят, Кавказ, обычное право, коренной народ, Осетия, Тагаурия, Дигория, Куртатия, Алагирия

Для цитирования: Дзидзоев В. Д. Зависимое население коренного осетинского народа Северной Осетии и его правовое положение в XVIII–XIX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 23–32. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-23-32>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

DEPENDENT POPULATION OF THE INDIGENOUS OSSETIAN PEOPLE OF NORTH OSSETIA AND ITS LEGAL STATUS IN THE 18TH-19TH CENTURIES

Valerii D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, RSO-Alania, Russia, dzidzoevv@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the dependent population of the Ossetian people in the 18th – 19th centuries and their relationship with the feudal lords of North Ossetia, who entered the historiography of the Caucasus under the name of the Aldars among the Ossetians-Ironians, and the badeliat among the Ossetians-Digorians. They were equated with the Russian nobles and various researchers of the XVIII – XIX centuries. They called them, then elders, then feudal lords, then princes. But, in

---

* **Коренной (автохтонный) народ** – тот, который на данной конкретной территории живет веками, а то и тысячелетиями. Этногенез его произошел именно здесь, и он создал на этой конкретной территории свои лучшие национальные творения (язык, эпос, культуру, традиции, духовность и т.д.), неоднократно защищал ее с оружием в руках от различных завоевателей и притеснителей, обильно проливая кровь своих сыновей и дочерей, что дает ему правовое, историческое, политическое и моральное право называть эту землю исконной, родной, отцовской, суверенной [1, с. 50].

essence, they formed into a feudal class and, according to customary Ossetian law, had all the privileges over subject peasants who were exploited. In turn, the subject peasants were divided into several categories: among the Ossetians, the Irons were divided into farsaglagi (standing sideways), kavdasards (born in a barn, whose father was a feudal lord, and whose mother was a concubine), kusagi (workers), slaves. Among the Ossetians-Digors, subject peasants were divided into: adamikhats (a breed of people), kumayags (a person from Kuma, i.e. born from a feudal lord and a concubine), kosags (workers) and slaves.

Keywords: feudal lord, class, feudal dependence, Aldar, badelat, Caucasus, customary law, indigenous people, Ossetia, Tagauria, Digoria, Kurtatia, Alagiria

For citation: Dzidzoev V. D. Dependent population of the indigenous Ossetian people of North Ossetia and its legal status in the 18th-19th centuries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):23–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-23-32>

В статье речь пойдет о коренном осетинском народе Осетии, значительная часть которого в Северной Осетии была подвластной осетинским алдарам и баделятам, т.е. феодалам, которым по обычному праву осетин подчинялись крестьянские массы. Конечно, коренной народ, как и многие другие важнейшие историко-правовые понятия – нация, государство, классы и т.д. имеет различные толкования и пояснения. Однако, в любом случае коренным, автохтонным (иногда их называют и туземцами) нужно считать тот народ, который веками проживает на данной территории и, защищая ее от различных завоевателей обильно проливает кровь своих лучших представителей во имя ее свободы. Разумеется, это не полное определение коренного народа, однако без этого компонента не может называться народ коренным, т.е. автохтонным (в исторической литературе иногда встречается и термин «аборигенный народ»).

В Осетии в XVIII в. господствовали раннефеодальные отношения, переплетавшиеся с патриархально-родовыми. Здесь были, конечно же, привилегированные сословия, которые назывались у осетин-иронцев «алдарами», а у осетин-дигорцев «баделятами» [2, с. 98]. Подчеркну и то, что алдары и баделяты, будучи феодалами, фактически были приравнены к российским дворянам. Социально-экономической структуре осетинского общества «были присущи те же признаки, которые свойственны феодальному обществу: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства и земель, личная зависимость крестьянина от феодала, рутинное состояние техники» [3].

Население Осетии, в основной своей массе было крестьянским и, разумеется, находилось в зависимом положении от алдаров и баделят. Отметим, что разная степень зависимости от феодалов, т.е. от алдаро-баделятских фамилий определяло наличие нескольких социальных категорий внутри крестьянства Осетии, каждая из которых имела свое название: фарсаглаги («рядом стоящие»), кавдасарды («рожденные в хлеву», отец которого был феодалом – алдаром, а мать из низших сословий осетинского общества). Все это имело место в Тагаурском обществе Осетии, где феодальные отношения были достаточно развиты. Что касается Дигорского общества Осетии, то и здесь крестьяне делились на несколько категорий: адамихатов («порода людей»), кумаяги («человек из Кумы»; по социальному статусу приравнивался к категории «кавдасардов»), косаги («работники») и уацайраги («рабы»). Осетинские феодалы по-разному относились к крестьянам в зависимости от их социального статуса.

Подчеркнем и то, что тагаурские фарсаглаги и дигорские адамихаты составляли категорию «свободных крестьян»: юридически за ними признавалось право свободного перехода от одного феодала к другому. В то же время существовали и некоторые ограничения, которые не позволяли «свободному крестьянину» переходить из одного места в другое. Например, по обычаю предков при оставлении места жительства крестьянина-фарсаглага жилище и вся его собственность переходили к феодалу. Кроме того, как подчеркивается в «Истории Северо-Осетинской АССР», выступая как номинальные владельцы земли или ее вечно наследственные арендаторы, «фарсаглаги и адамихаты обязывались платить собственнику земли феодальную ренту в форме натуральных поборов и повинностей, в противном случае феодал имел право прогнать их с земли» [3]. К этому следует добавить и то,

что кавдасарды в Тагаурии и кумаяги в Дигории были детьми феодалов, рожденные от так называемых «номылус» – незаконных жен феодалов и женщин из низших слоев осетинского крестьянства. В этой связи любопытным представляется подчеркнуть, что кавдасардов и кумаягов было достаточно много в Северной Осетии, где на протяжении длительного времени проживали алдары и баделята (в Южной Осетии не было алдаров и баделят, то есть осетинских феодалов, а были только грузинские – Эристовы, Мачабеловы и др.). В XVIII в. русские исследователи зафиксировали даже целые деревни, например, Вачилло и Тума недалеко от современного селения Хазнидон (бывшее с. Каражаево, где жили осетины-баделята Каражаевы, феодалы Дигории), Ирафского района Северной Осетии. Исследователи-осетиноведы знают, что Тума в переводе с кабардинского означает «незаконнорожденный». В Адыгской (Черкесской) энциклопедии слово тума имеет такое объяснение: «Особое место в сословной структуре адыгского феодального общества занимали тума, которые в сословном порядке хотя и выше тлекотлешей (дворяне первой категории. – В.Дз.), но полных княжеских прав не имеют. Социальную категорию тума, образовавшуюся в результате неравных браков князей, следует отличать от их незаконнорожденных детей, которые также назывались тума, но причислялись к разряду узденей третьей степени» [4, с. 131].

А этимологию Вачилло мы до сих пор, к сожалению, не можем понять и расшифровать. Вполне возможно, что русские специалисты, зафиксировавшие названия этих двух населенных пунктов, по какой-то причине неправильно записали его название – Вачилло, так как ни с кабардинского, ни с осетинского это слово не переводится. Незаконнорожденные дети, т.е. кавдасарды и кумаяги имели право носить фамилию отца – феодала, а во всем остальном были почти такими же бесправными крестьянами, как и десятки тысяч других. Если хозяин мог продать своего раба, то никто в Осетии не мог продать кавдасарда или кумаяга. В основном этим отличались рабы от незаконнорожденных детей феодалов.

В морально-психологическом плане необходимо еще отметить, что к незаконнорожденным детям феодалов многие из привилегированных сословий Осетии относились значительно лучше, чем к рабам. Если подчеркивать глубину социальной дифференциации в Осетии и особенно в ее составной части Тагаурии, то необходимо сказать хотя бы коротко о господствовавших здесь нормах обычного права (адата). По законам осетинского адата за убийство своего кавдасарда феодал Тагаурии не нес никакого правового или морально-этического наказания. Он обязан был понести наказание даже за убийство чужого кавдасарда и заплатить его стоимость владельцу. В то же время, как подчеркивал известный специалист по истории и этнографии Кавказа XIX в. Ф. И. Леонтович, большой специалист по обычному праву осетин и некоторых других народов Северного Кавказа, «жизнь феодала ценилась в 420 коров, фарсаглага 324, кавдасарда 25» [4]. В качестве калыма за девушку из социальных верхов нужно было заплатить 100 быков или 1000 рублей серебром, одного мальчика (или 120 рублей серебром) и панцырь [5]. Что касается девушки крестьянского происхождения, то за нее в качестве калыма, по свидетельству того же Ф.И. Леонтовича, нужно было заплатить 60 коров или 30 быков и одного пленника (или 12 быков) [5, с. 42]. А вот за девушку кавдасардского происхождения брали от 30 до 38 коров [3]. Анализируя данную проблему, необходимо подчеркнуть и то, что за нанесение раны или увечья лицам из феодальной фамилии виновный обязан был отдать 70 коров (из них 35 стельных), одного мальчика и ружье стоимостью 100 рублей серебром; а если человек был из семьи фарсаглага-18 коров, лошадь (50 рублей), ружье (40 рублей) и плату за угощение родственников пострадавшего (9 коров); из кавдасардской – 40 коров [5, с. 42].

Необходимо подчеркнуть еще и то, что с годами феодалы Тагаурии, которые вошли в историю Осетии как «феодалы – тагиата», все более усиливали эксплуатацию подвластных крестьян. Это становилось нормой в обычном праве Осетии. Феодалы Дударовы, среди которых было несколько генералов и полковников Российской Императорской армии, были не только сильными, влиятельными, но и старались жестко контролировать Военно-Грузинскую дорогу. Она имела большое военно-стратегическое значение, по ней проходили из Российской империи в сторону Грузии не только военные, но и многочисленные

купцы, путешественники, ученые, журналисты и т.д. Дударовы, прекрасно понимая суть и значение важнейшей дороги, не только контролировали, но также и ремонтировали ее в различных местах, где чаще всего образовывались различные завалы и повреждения, особенно на мостах. Разумеется, Дударовы брали определенную стоимость за проход через дорогу и в сторону Грузии, и обратно в Российскую империю. Тем не менее, анализ проблемы убеждает, что основой феодальной зависимости крестьян этого общества, то есть Тагаурии, оставалось на протяжении XVIII- XIX вв. феодальная собственность на землю [3, с. 177].

Что касается Алагирского и Куртатинского обществ Осетии, то следует отметить и здесь феодальные отношения. Хотя они не были столь развиты, как в Тагаурском и Дигорском обществах Осетии. На то были свои объективные причины, в суть которых в настоящем докладе нет необходимости глубоко вникать. Коротко можно отметить, что верхи Куртатинского и Алагирского обществ, в отличие от Тагаурских и Дигорских, меньше имели феодальных прав над остальными категориями крестьян, включая фарсаглагов, кавдасардов, кусагов и рабов. В то же время подчеркнем и то, что и в Алагирском и Куртатинском обществах Осетии между «верхами» и трудовым крестьянством складывались «отношения господства и подчинения» [5]. Так, «куртатинские фарсаглаги обязаны были отдавать своему хозяину весной ягненка, а осенью – большого барана, кроме того, мешок хлеба, копну сена, ведро пива и т.д.» [5]. А кавдасарды обязаны были во время пахоты, сева и жатвы выполнять различного рода полевые работы в пользу феодала. Что касается социальной структуры Куртатинского общества, то она включала два класса - феодалов и зависимых от них крестьян. Население этой части Осетии подразделялось на феодалов, фарсаглагов, кавдасардов и рабов.

О различных повинностях зависимого населения Осетии в указанный период в Алагирском обществе писали многие исследователи, в том числе и зарубежные. Однако здесь важно привести хотя бы короткую характеристику основоположника осетинской литературы и языка, этнографа и публициста К. Л. Хетагурова, который посвятил данному вопросу специальный историко-этнографический очерк «Особа» [6]. Он писал: «Общество алагирцев делится на феодалов и крестьян» [6, с. 178]¹.

По мнению К. Л. Хетагурова, к первым, т.е. к феодалам, относились «стыр» или «тыхджын мыггаг» – «большая» или «сильная фамилия». «Сильные фамилии» представляли руководящую силу в набегах и, как отмечал основоположник осетинской литературы и языка, «при дележе добычи львиная доля доставалась им». К этому следует добавить и то, что «сильным фамилиям» доставались и лучшие нивы, пастбища, луга и леса. По мнению К. Л. Хетагурова, фамилии фарсаглагов были малочисленнее и беднее тех, кто был причислен к «тыхджын мыггаг». При этом он подчеркивал, «что общее число фарсаглагов составляло громадное большинство населения как Нарской котловины, так и всей Осетии» [7]. Далее он подробно объясняет суть поселений, в которых жили фарсаглаги, а также земельную собственность и некоторые другие особенности данного сословия крестьян в Осетии. Он подчеркивал: «Поселения их не имели боевого расположения, земельная собственность их как по количеству, так и по качеству далеко уступала владениям сильных. Податей они, как и сильные, никому не платили и были фактически совершенно независимы. Находясь под покровительством сильных, они в тревожное время «особа» пользовались их поддержкой. Фарсаглаги в свою очередь оказывали услуги сильным во время их работ, в особенности при постройках башен, при столкновениях с другими сильными и в походах за перевалы» [7].

---

¹ Сам К.Л. Хетагуров так пояснял значение термина «особа»: «Отец мой, скончавшийся в 1892 г. 82 летним стариком, был живым свидетелем последней эпохи того невозвратного прошлого в истории Осетии, которая несет название особа. В течение последнего полувека русское влияние на Кавказе так изменило самобытность туземцев (коренных народов. – В.Дз.), и в частности осетин, что последние словом особа стали характеризовать явление отсталое, несоответствующее современным требованиям жизни» [6, с. 313].

Интересные сведения К.Л.Хетагуров оставил нам о кавдасардах и других категориях зависимых крестьян, которые находились еще ниже по социальному статусу в осетинском обществе. О кавдасардах он писал: «Отец его зачастую был лучшим представителем сильной фамилии, но матерью его была всегда номылус – «жена по имени» (формальная или номинальная жена, фактически наложница. – В.Дз.). Бралась такие жены из тех же кавдасард или из очень бедных фарсаг (категория осетинских крестьян – фарсаглаги. – В.Дз.). Число жен хотя и ни было ограничено обычаем, но редко кто имел больше одной. По положению своему в семье номылус очень близко походила на наложницу, но не была с ней вполне тождественна в смысле большей свободы личности» [7]. Конечно, с абсолютной точностью нельзя сравнивать социальный статус номылус с наложницей. И это подчеркивал К. Л. Хетагуров, который писал: «При всякой возможности сделаться чьей либо законной женой ее (номылус. – В.Дз.) всегда отпускали и при этом, обыкновенно наделяя ее приданным, зачастую еще помогали и родным ее получше справить свадьбу» [7].

Здесь важно отметить, что К. Л. Хетагуров подчеркивает исключительно редкий случай в осетинском обществе. Да, действительно здесь были редкие случаи, когда номылус выходила замуж, становясь законной женой мужчины хотя бы из социальных низов. Но, необходимо отметить еще раз, такое случалось крайне редко. Весьма интересные наблюдения нам оставил К.Л. Хетагуров и о детях номылус. Так, он писал: «Положение детей от номылус, помимо их оскорбительной клички – кавдасард, было вообще тяжелое. Они росли, выбиваясь из сил в непосильной работе. Девушка обыкновенно выходила замуж за такого же по происхождению молодого осетина, как и сама, они становились «женой по имени» какого-нибудь старика из сильной фамилии. Редко ей выпадало счастье выйти за приглянувшегося молодого фарсаглага, хотя бы и крайне бедного, но зато без обидной клички «кавдасард». Мальчик оставался в доме своего отца, рос, работал, мужал, и если после совершеннолетия находил для себя лучшим отделиться и жить самостоятельно, то это ему разрешалось беспрепятственно» [7]. Следует подчеркнуть, что К.Л. Хетагуров все, за что брался, делал в высшей степени серьезно, ответственно и максимально объективно. Ни у кого из исследователей его творчества такой вывод не вызывает сомнений. В этой связи хочется подчеркнуть условия развода между отцом – феодалом и сыном – кавдасардом. Коста Леванович писал: «Часть, которую по обычаю должны были ему (кавдасарду. – В.Дз.) выделить из общего имущества семьи была так незначительна, что он обыкновенно предпочитал оставаться в доме отца или до выделения ему большего пая, или даже до конца жизни» [7]. К этому следует добавить, что каждый кавдасард в осетинском обществе не имел никакого значения, т.к. его воспринимали как обычного работника, несмотря на то, что мог носить фамилию своего влиятельного отца – феодала. В то же время необходимо указать, что он пользовался, по выражению К.Л. Хетагурова, «полнейшей свободой» [7].

Талантливый публицист и этнограф К.Л. Хетагуров дает четкие разъяснения и другим категориям осетинского крестьянства. Он писал: «Æлхæд (купленный. – В.Дз.), саулæг (черный мужчина. – В.Дз.), цагъайраг (раб; крепостной. – В.Дз.) был еще больше обижен судьбой. Приобретенный где-нибудь на стороне, купленный или похищенный ребенком или даже взрослым, взятый в плен во время набега в какое-нибудь отдаленное ущелье, всегда иной национальности, этот несчастный æлхæд (купленный. – В.Дз.), делался жертвой полнейшего произвола своих хозяев, это был безусловный раб, которого можно продать, купить, убить и помиловать. Обычные названия «саулæг» (черный мужчина. – В.Дз.), «æлхæд» (купленный. – В.Дз.) или «цагъайраг» (раб; крепостной. – В.Дз.) и «уацайраг» (пленник. – В.Дз.) показывают... несомненно... происхождение этих невольников» [7]. К числу в высшей степени интересных сообщений, которые мы находим не только в архивных документах, других источниках, но и в сочинениях К.Л. Хетагурова можно отнести утверждение о том, «что в Осетии есть местности, где купленных называли «гурдзиаг» – грузин. Впрочем, во всей Осетии таких бесправных рабов можно было насчитать не более двух-трех десятков» [7]. Таким образом, К. Л. Хетагурову удалось показать и наглядно обрисовать социальное неравенство не только Алагирского общества, но и всей Осетии. Анализ данной

проблемы показывает, что основоположник осетинской литературы и языка был максимально прав, говоря о социальном неравенстве на территории Осетии.

Анализируя проблему социальных отношений, необходимо, сказать подробнее о Дигорском обществе. Изначально Дигория подразделялась на феодальные общества: Донифарское, Стур-Дигорское, Тапан-Дигорское и Уаллагкомское. Подчеркнем и то, что «в XVII в. здесь размещалась 28 населенных пунктов и около 800 дворов» [3]. Специалисты-осетиноведы считают, что по сравнению с другими осетинскими обществами Дигорское находилось в наиболее выгодном географическом положении. На то были свои объективные причины, о которых в настоящей статье нет необходимости останавливаться. Подчеркнем лишь наличие в Дигории огромных и прекрасных пастбищ «Харес» и «Таторс», а также большого количества прекрасных плодородных альпийских лугов, которые не могли не оказывать, в хозяйственной жизни большого позитивного влияния Стур-Дигории и Донифарса. Добавлю и то, что Дигорское общество и их влиятельные феодалы-баделята поддерживали тесные хозяйственные, торговые и родственные связи с ближайшими соседями – Балкарией и Грузией, особенно с Имеретией. Тесные контакты Дигорское общество поддерживало и с Русской пограничной линией (разумеется, до присоединения Осетии к Российской империи). Разносторонние экономические, культурные и другие связи способствовали росту феодальной собственности в Дигорском обществе.

Подчеркнем и то, что именно ростом феодальных отношений отличались дигорцы Северной Осетии от Куртатинского и Алагирского обществ. Во всем остальном, разумеется, они были почти равными, хотя замечу, что некоторые российские и особенно зарубежные исследователи, побывавшие в разные годы на территории Осетии, подчеркивали и большую разницу между различными обществами, которые они видели. Так, известный путешественник и исследователь истории, культуры и быта осетин К. Кох писал «что дигорцы вместе с тагаурцами являются единственными осетинами, среди которых некоторым удалось объявить себя «властителями местности»» [3]. Скорее всего, немецкий путешественник имел в виду, что дигорские старшины, которых в литературе называют по-разному – баделята, старшины, феодалы, князья. Все они были выходцами, согласно легенде из Маджар, т.е. они действительно были пришельцами, хотя их присутствие в Осетии наблюдается уже с 1550 г. Что касается тагаурских феодалов Дударовых, то их появление на территории Осетии также можно отнести примерно к этому времени. Тем не менее, и баделята, и Дударовы считали себя «властителями местностей», где они поселились. Понятно, что они не сразу объявили себя такими «властителями местностей», а постепенно по мере укрепления своей власти и влияния над всеми остальными осетинами. Феодалы в Дигории были представлены семью фамилиями. Не все феодальные фамилии были равны между собой, так как сила и власть каждого из них зависела в первую очередь от земельных угодий. По сведению известного немецкого путешественника и исследователя народов Кавказа Ганса-Юлиуса Клапрота, оставившего в высшей степени интересные сведения об осетинском народе, в зависимости от баделят Кубатиевых находилось 30 дворов, а от Тугановых были в зависимости 400 дворов [8, с. 147.].

Что касается других баделятских фамилий – Каражаевых, Абисаловых, Кабановых, Чегемовых и Битуевых, то и их влияние, сила и значимость в Дигории определялось в первую очередь от зависимости от них крестьянских масс. Разумеется, у каждой из этих фамилий был различный статус, в зависимости от того, сколько крестьян им подчинялось. Важно подчеркнуть и другое, а именно уровень развития феодальных обществ Дигории, которые отличались друг от друга. Так, в Тапан-Дигории и Стур-Дигории феодальные верхи не только занимали прочные позиции, но и с каждым годом методично расширяли сферу своего внимания на крестьянские массы.

По-другому складывалась хозяйственная и общественно-политическая обстановка в Донифарском обществе. А главная проблема здесь состояла в том, что в Донифарском обществе основным населением были так называемые «свободные массы крестьянства», которые находились в полузависимом состоянии. Анализ данной проблемы не будет

полным, а тем более глубоким и всесторонним, если не сказать о взаимоотношениях дигорских феодалов с кабардинскими князьями и феодалами, с которыми дигорцы-осетины поддерживали близкие хозяйственные и кровнородственные связи. В первую очередь такие близкие связи свидетельствуют о классовом союзе между «верхами» Осетии и князьями-феодалами Кабарды. Они всячески укрепляли взаимоотношения между собой вплоть до совместных браков. Добавлю и то, что большое количество молодых кабардинских аристократов, используя древний обычай аталычества, воспитывались до совершеннолетия в домах осетинских «верхов». Не вдаваясь в подробности и специфику обычая аталычества, подчеркну лишь, что он служил надежным средством в сближении кабардинских и осетинских «верхов». Это, однако, не мешало кабардинской стороне облагать данью осетинских старшин-феодалов.

Отметим, что население Дигории в Осетии, в отличие от других осетинских обществ, делилось на большее число социальных категорий: баделятов (феодалов), адамихатов (свободных крестьян, хотя фактически в чем-то их свобода ограничивалась), хехезов (в переводе с кабардинского – «пришелец»), кумаягов или тумов (незаконнорожденные от феодала и наложницы), косагов (работников) и рабов. Дигорские адамихаты и форсаглаги в других осетинских обществах (за исключением Южной Осетии) по своему социальному статусу были равны. В то же время необходимо подчеркнуть отдельные особенности и разницу в социальном статусе. Адамихаты были основной крестьянской массой в Дигории. По сравнению с форсаглагами Тагаурии, Алагирии и Куртатии крестьяне-адамихаты находились в большей зависимости от своих феодалов и старшин. Крестьянин-адамихат считался подвластным своего феодала, хотя повинности он имел в основном в форме «натуральной оплаты». Это выражалось, в частности, в том, что феодал, выдававший замуж дочку или сестру, обязан был требовать с адамихата одного быка.

Возьмем другой пример, связанный с калымом, который был важнейшим условием для выдачи дочки или сестры замуж. Фактически на территории всей Осетии, как и в других местах Северного Кавказа, калым считался обязательным условием перед заключением брака. Если крестьянин-адамихат получал за свою дочь или сестру калым, то он обязан был давать своему феодалу из этого также одного быка (в основном в тот период расплачивались быками, коровами, лошадьми, баранами и т.д.). Кроме того, адамихаты обязаны были и в некоторых других случаях угождать своему феодалу, например, в праздничные дни, на Новый год, праздники, посвященные Уастырджи – Уаскерги и т.д. Если учитывать, что в Дигорском обществе, особенно верхи приняли мусульманство от Кабарды, то необходимо подчеркнуть и то, что в мусульманские праздничные дни, например, Курбан – Байрам дигорский адамихат обязан был уважить своего феодала – мусульманина различными подношениями – мёдом, пивом, частью туши быка или хотя бы барана и т.д. Таким образом, адамихат, с одной стороны, вроде был «свободным крестьянином», а, с другой, обязан был по обычному праву своему непосредственному феодалу отдельными угощениями.

С этой позиции очень трудно определить, был ли адамихат свободным крестьянином или подвластным феодалу.

В то же время адамихат имел право уйти от своего феодала в отличие от некоторых других крестьян, например, косагов. Однако, номинально такой адамихат продолжал считаться за своим первым феодалом, на земле которого он жил. Ушедший к другому феодалу крестьянин-адамихат терял кое-что существенное, например, свою собственность. Другими словами, жилище адамихата оставалось в полном распоряжении первого феодала. Если учитывать, что в то время все категории крестьян жили бедно или слишком бедно, то каждый адамихат прежде чем покинуть свое место жительства должен был крепко подумать о возможных нежелательных последствиях своего решения. Одним словом, поменявших свое место жительства, то есть ушедших от одного феодала к другому, во всей Осетии было мало. Были редкие случаи, когда адамихат в силу некоторых объективных обстоятельств вынужден был уходить из Дигории в какие-то другие места, иногда в Балкарию или Кабарду. Это был, повторим еще раз, редкий случай, но при этом адамихат прекрасно понимал, что вся

его скромная собственность, нажитая за многие годы ежедневного кропотливого труда, оставалась в полном распоряжении феодала. Дополнительно к этому можно добавить еще и то, что его земля переходила к феодалу. Обязанности адамихата перед своим феодалом не ограничивались только перечисленными конкретными примерами. В продолжение можно утверждать, что, если адамихат не имел наследников по мужской линии, то после его смерти жена и незамужние дочери становились служанками феодала. А фактически они часто становились просто как категория крестьян-кумаяги, что не только в Дигории, но и на территории всей Осетии считалось очень неприличными и даже унижительным. После смерти адамихата, если он не оставил наследников по мужской линии, движимое и недвижимое его имущество также становились собственностью феодала. Таковы были правила и традиции обычного права осетин. Были еще и другие строгие правила взаимоотношений между феодалом и адамихатом. Так, например, феодал мог на определенное время воспользоваться собственностью адамихата – потребовать у него лошадь, быка, плуг для вспашки земли и т.д. Когда же адамихат продавал что-либо из личного имущества, то он обязан был, по обычному праву осетин, предложить сначала его своему феодалу, а в случае отказа баделята, имел право, предлагать его любому другому человеку.

Что касается категории осетинских крестьян, которые вошли в историю Осетии, как хехезы (хехесы), то их история до сих пор остается недостаточно исследованной всесторонне и глубоко. Не совсем понятна и этимология слово хехез. Мне представляется, что хехез кабардинское слово («хехез» или «хехес») и переводится как «пришелец». В этой связи отметим, что в солидном исследовании «История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (в двух томах)» в первом томе читаем следующее: «Хехезы (повидимому, от дигорского хе хезун – «себя оберегать») [3]. Действительно, эта категория крестьян были пришельцами с одного ущелья в другое, из одной территории в другую. Какие-то неожиданные или суровые обстоятельства вынуждали их покидать свои насиженные места и переходить в другие территории. Причин здесь было достаточно много, начиная от кровной мести и заканчивая банальными поисками лучшей доли для более достойной жизни. Правовое положение этой категории крестьян недостаточно четко определено, тем более, что хехезы со временем смогли адаптироваться с другими группами крестьян. Первоначально хехезы формально считались «свободными», но так же, как и адамихаты, трудно было различить степень их свободы. С одной стороны, они были свободными, а с другой, вынуждены были нести определенные повинности в пользу феодала. В любом случае крестьянин-хехез вынужден был селиться на чужой земле, то есть там, где проживал тот или иной феодал или даже «рядовой старшина». А раз так, то хехез попадал в фактическую зависимость от феодала, т.е. хозяина земли. Хехез, как и адамихат, имел право переходить от одного феодала к другому. Но проблема состояла в том, что в этом случае его недвижимое имущество поступало к феодалу-баделяту. А это вынуждало каждого крестьянина-хехеза внимательно и долго думать и взвешивать, стоит ли ему переходить в другое место или нет.

Конечно, правовое и общественно-политическое положение хехеза было намного лучше, чем у кумаяга (у осетин-иронцев его статус был равен кавдасарду). Фактически положение крестьянина-кумаяга был равен положению холопа [9, с. 404]. Если кумаяга нельзя было сравнивать буквально с холопом, то, во всяком случае, его социальный статус близко приближался к нему. Жили они, кумаяги, как правило, в зажиточных домах, но в помещениях, которые строились специально для слуг. Они выполняли самую тяжелую работу, например, косили сено, рубили дрова, ходили в лес за ними, одним словом, самые тяжелые виды сельскохозяйственных работ были их уделом.

Одно из немногих преимуществ крестьянина-кумаяга состояло в том, что, в отличие от раба, его нельзя было продать. Во всем остальном они были бесправными крестьянами, которые обязаны были выполнять самую тяжелую работу на своего хозяина. Кроме того, кумаяги круглые сутки в обязательном порядке проявляли исключительную готовность служить своему господину. А в случае необходимости, когда господину угрожала какая-либо

опасность, защищали его с оружием в руках. Была еще одна категория крестьян в Дигории, которых называли косаги, то есть работники. Их социальный статус был достаточно низким. Ниже их по социальному статусу были только рабы (многие авторы считали косагов и рабов равными по социальному статусу). Анализ проблемы убеждает в том, что разницы между косагами и рабами почти не наблюдается. Повторю еще раз, что рабов можно было продать, а косагов – нет, хотя при желании своего хозяина любой косаг мог быть продан, подарен, помилован и т.д. Здесь многое еще зависело от характера и психологии своего хозяина. Если он был хотя бы элементарно порядочным, сердобольным, человеческим, то из чувства жалости мог, а точнее говоря, обязан был проявить лучшие человеческие качества и не превращать своего косага в раба. Но таких феодалов или старшин в Осетии было крайне мало.

Во второй половине XVIII в. положение всех категорий крестьянства Дигории постепенно, но методично ухудшалось. Это было связано с тем, что феодалы, то есть баделята (по названию родоначальника феодалов Дигории – Бадели, появившегося в горах Дигории примерно в 1550 г.) систематически добивались как можно большей эксплуатации трудового крестьянства. При этом нравственная сторона обычного права осетин особо не бралась в расчет. Феодалы-баделята в основной своей массе добивались полнее закрепить крестьянские массы, включая даже «свободных», то есть адамихатов. О других категориях крестьян, которые подвергались еще большей эксплуатации со стороны «верхов», не приходится и говорить. Так, феодалы-баделята существенно ограничивали переселение крестьян – адамихатов на земли, которые дигорские феодалы волюнтаристски без правового обоснования считали «своими территориями». Кроме того, баделята увеличивали повинности адамихатов и захватывали общинные земли [3]. Таким образом, продолжительное противостояние между баделятами и трудовыми крестьянскими массами продолжалось долго и в 1781 г. вылилось в крупное восстание в горах Дигории.

То ли случайно, то ли преднамеренно, но в 1781 г. в разгар открытого выступления крестьян Дигории против баделейт здесь оказался русский офицер Леонтий Штедер, оставивший нам, потомкам, в высшей степени интересный «Дневник», куда он записывал самое интересное и уникальное из истории того периода Дигории. Сегодня исследователи-осетиноведы успешно пользуются «Дневником» Л. Штедера, как ценным источником по истории и этнографии осетинского народа второй половины XVIII в. Долгое время он считался и до сих пор считается интересным исследователем истории осетинского народа. И это правда. Но вся правда состоит в том, что офицер Российской Императорской армии Леонтий Штедер, судя по всему, выполнял еще и разведывательно-стратегическую миссию царской России. Напомню, что он прибыл в горы Дигории в 1781 г., т.е. через 7 лет после присоединения Осетии к Российской империи.

Подчеркнем и то, что Дигория, как составная часть всей Осетии, присоединилась к Российской империи именно в этом году. Вряд ли пребывание русского офицера в 1781 г. было продиктовано только желанием изучить историю и культуру осетин-дигорцев. Кроме того, внимательный анализ «Дневника» Л. Штедера убеждает, во-первых, в скрупулезности предмета исследования, тщательном отборе фактов и событий, включая ожесточенное классовое противостояние трудовых масс и феодалов-баделейт. А, во-вторых, отдельные сведения Л. Штедера больше напоминают военно-стратегические установки для Российской империи, которая была заинтересована в присоединении Дигории, но не имела четкого представления о ней. Как бы то ни было, но Л. Штедер внимательно наблюдал за происходящими событиями в Дигории в 1781 г., когда недовольные крестьяне большими массами выступили против феодалов-баделейт. Напомню, что крестьяне Дигории выдвигали тогда целый ряд серьезных требований, которые отвечали их классовой сущности и интересам. Выступление дигорских крестьян против своих феодалов-баделейт в 1781 г. в исторической литературе считается «самым крупным антифеодальным выступлением осетинского крестьянства в XVIII в.» [3]. Напомним и то, что в общей сложности всего по Северной Осетии было 167 феодальных семейств, или 657 человек мужского пола [10, с. 15].

Список источников

1. Дзидзоев В. Д. Военно-политическое и межнациональное противостояние на Северном Кавказе в 1917-1925 гг. (К вопросу периодизации вооруженной борьбы в регионе) // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3.
2. Осетинская этнографическая энциклопедия (глав. ред. доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Л. А. Чибиров). Владикавказ, 2013.
3. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (в 2-х томах). Т. I. Орджоникидзе, 1987.
4. Адыгская (Черкесская) энциклопедия (глав. ред., профессор М.А. Кумахов). М., 2006.
5. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Ч. II. Одесса. 1883.
6. Хетагуров К. Л. Особа / Полное собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Владикавказ. 2000.
7. Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Владикавказ, 2000.
8. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. / Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
9. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
10. Кокиев Г. А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.

References

1. Dzidzoev V. D. Military-political and interethnic confrontation in the North Caucasus in 1917-1925. (On the issue of periodization of armed struggle in the region). *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2008;(3). (In Russ.)
2. *Ossetian ethnographic encyclopedia* (chapters. ed. Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation L. A. Chibirov). Vladikavkaz; 2013. (In Russ.)
3. *The history of the North Oetinsky ASSR from ancient times to the present day* (in 2 volumes). T. I. Ordzhonikidze; 1987. (In Russ.)
4. *Adyghe (Cherkess) encyclopedia* (chapters. ed., Professor M.A. Kumakhov). Moscow; 2006. (In Russ.)
5. Leontovich F. I. *Adaty Caucasian highlanders*. Part II. Odessa, 1883. (In Russ.)
6. Khetagurov K. L. *Osoba*. In: Complete works in 5 vol. Vol. 4. Vladikavkaz; 2000. (In Russ.)
7. Costa Khetagurov. *Complete works in 5 vols*. Vol. 4. Vladikavkaz, 2000. (In Russ.)
8. Klaprot Yu. A journey through the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808. In: *Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers*. Ordzhonikidze, 1967. (In Russ.)
9. Magometov A. Kh. *Culture and life of the Ossetian people*. Ordzhonikidze, 1968. (In Russ.)
10. Kokiev G. A. *Peasant reform in North Ossetia*. Ordzhonikidze, 1940. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Д. Дзидзоев – докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета (Горский государственный аграрный университет).

Information about the author

V. D. Dzidzoev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of law (Gorsky State Agrarian University).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 14.06.2022.

The article was submitted 27.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ II ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Инга Закровна Суханова

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия,
sukhanova.inga@yandex.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы трансформации соционормативной культуры адыгов в условиях административно-правовых преобразований II половины XIX века. Обосновывается значимость соционормативных регуляторов общества, роль традиционных общественных институтов в сбережении самобытности этноса. Делается акцент на активную российскую политику в отношении народов окраин с целью включения и быстрой адаптации в политическую и правовую систему России.

Ключевые слова: соционормативный регулятор, культура стыда, обычай, адат, «Адыгэ Хабзэ»

Для цитирования: Суханова И. З. Трансформация соционормативной культуры адыгов в условиях административно-правовых преобразований II половины XIX века // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 33–39. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-33-39>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

TRANSFORMATION OF THE SOCIONORMATIVE CULTURE OF THE ADYGES UNDER THE CONDITIONS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL TRANSFORMATIONS OF THE II HALF OF THE XIX CENTURY

Inga Z. Sukhanova

Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia, Sochi, Russia,
sukhanova.inga@yandex.ru

Abstract. In this the author deals with the issues of transformation of the socio-normative culture of the Circassians in the context of administrative and legal transformations in the second half of the 19th century. The author substantiates the importance of socio-normative regulators of society, the role of traditional social institutions in preserving the identity of the ethnic group. The article focuses on Russia's active policy on peoples living on the outskirts, so that they become involved and quickly adapt to the political and legal system of Russia.

Keywords: socio-normative regulators, culture of shame, custom, adat, «Adyghe Khabze»

For citation: Sukhanova I. Z. Transformation of the socionormative culture of the adyges under the conditions of administrative and legal transformations of the II half of the XIX century. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):33–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-33-39>

Соционормативная культура общества – это саморегулирующаяся система, включающая социальные, правовые и моральные нормы, охватывающие социальную организацию и институты общества. Важной функцией данной системы выступает координация деятельности различных социальных институтов и нормативных механизмов регуляции общества. Существуют различные приближенные по значению термины к пониманию соционормативной культуры. Как отмечает А. Б. Ярославский, это «национальное самосознание», «этническая идентичность», «ментальность» [1, с. 8].

Особо ценные для народа идеи, на которые опирается общество, включают в себя регулятивную функцию. По мнению известного российского философа и мыслителя Г. Г. Шпета, ««Дух народа» есть по преимуществу такой «дух»; мы узнаем его в «образе», символизирующий смысл и идею «народа» и который мы раскрываем в типологических изображениях его состава и изменения во времени» [2, с. 93].

Как справедливо отмечает ученый Гусейнов А.И., «Культура и право, будучи элементами соционормативной системы, оказывают воспитывающее воздействие на поведение людей как через отдельные нормы, институты и механизмы, так и как самостоятельный фактор духовной жизни общества» [3, с. 143].

Следовательно, приобщение индивидов к ценностям и системе соционормативных регуляторов того или иного общества, определяет его принадлежность к народу, нации.

Весьма интересной является позиция В. Ю. Хотинец, считающая, что «эмоциональная сторона этнического самосознания включает чувство национальной гордости, чувство собственного достоинства за вклад в приумножение богатства своей страны» [4, с. 68]. Современный теоретик права Г.В. Мальцев дал свою трактовку данного понятия: «Социальное, т.е. моральное, правовое и иное регулирование есть осуществляемое определенным авторитетом или властью упорядочение общественных процессов посредством сознательного их подчинения установленным нормам (правилам) с целью организации целесообразного развития общественной жизни» [5, с. 17].

Культурно-историческое развитие адыгского общества во второй половине XIX века базировалось на соционормативных регуляторах, отраженных в традиционных общественных институтах, регламентирующих реализацию правовых, моральных, этических, бытовых норм поведения индивидов.

Система соционормативной культуры адыгов складывалась на протяжении длительного времени, под влиянием внутренних и внешних факторов, были выработаны особые культурные коды этноса [6, с. 232-237]. Специфику традиционной культуры адыгов образовывали определенные черты, которые сформировались в условиях традиционного общества. Особо можно выделить воинский стиль жизни, нашедший свое отражение в материальной культуре через пищу, одежду, оружие, а в духовной сфере он проявился в мифологии, эпосе, пословицах, притчах, песнях.

Жизнь адыгов в хозяйственном отношении была подчинена в рассматриваемый период традиции. Были распространены обычаи совместных сельскохозяйственных работ, аренды земли для запашки и выгона скота. Были обычаи взаимопомощи в организации свадеб, похорон, распространена была помощь нуждающимся членам общины. Несмотря на этническую специфику традиционного быта адыгов, существовали многие общие принципы, как писал Р. А. Ханаху, обусловленные «как культурно-типологической общностью (традиционализмом), так и наличием общих (схожих) форм хозяйствования, сформировавшихся в результате взаимосвязей народов Северо-Западного Кавказа и обмена опытом» [7, с. 42].

Особое место в системе соционормативных регуляторов адыгского общества занимали ценности семьи, морали, этики, чести рода. По мнению Р. А. Ханаху, ценности эти своеобразные «точки опоры» культуры [7, с. 46-47]. Природа подобных ценностей объективна, и тот или иной социум в различные исторические периоды стремиться их сохранить. С этой точки зрения справедливо высказывание П. С. Гуревича: «Однако есть такие абсолюты, которые значимы для всего человеческого рода, без них единство человечества не было бы столь тотальным» [8, с. 140].

Значительную роль в адыгском обществе играли солидаристские ценности, когда индивидуальное начало подчинено коллективному и сливается с ним. В традиционном обществе индивид избегал ситуации морального осуждения со стороны членов своей общины. Для любого члена общины изгнание как санкция за неблагоприятные, постыдные проступки являлось суровым наказанием. Особая роль принадлежит в данном контексте культуре стыда. Каждый в традиционном адыгском обществе должен был не допустить осуждения со стороны остальных членов общины, и не должно быть стыдно перед самим

собой. Социальный контроль через регулятор стыда был максимальным. Позор приводил к бесчестию и был страшнее смерти.

Систематизация соционормативных регуляторов у адыгов проявилась в морально-этическом кодексе адыгов, который прямо предписывал допустимые образцы поступков и возможные модели поведения адыгагъэ (адыгство). Главным функционалом «Адыгства», как соционормативного регулятора выступало сохранение моральных и нравственных ориентиров в обществе. В свою очередь «Адыгэ хабзэ» – это волевые качества, установки человека, без которых нравственные правила не могли перерасти в акт поведения. Таким образом, адыгство можно понимать как человечность в сочетании с нравственными ценностями и правилами этикета, нарушение которых дискредитирует человека.

«Адыгэ хабзэ» не только регулировал поведение каждого человека, но и проникал в систему общественных институтов. Такие важнейшие элементы адыгского этикета, как культ старшинства, куначество, общественный институт гостеприимства так же регулировались «Адыгэ хабзэ». По данному вопросу французский исследователь XIX века Ф. Дюбуа де Монперэ отмечал, что «Хозяин защищает своего гостя, даже если бы грозила опасность его собственной жизни и жизни его близких; он не отпускает гостя от себя иначе, как только под охраной всадников и поручив его заботам своих союзников; убийство человека, которому было оказано гостеприимство, отомщается с такой же яростью, как и смерть близкого родственника» [9, с. 46].

Довольно объективным в данном контексте представляется мнение Б.Х. Бгажнокова, который рассматривал «Адыгэ хабзэ» как – «морально-правовой кодекс, то есть общественный институт, в котором соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления. При этом основополагающее значение имеет тот, для нас совершенно очевидный, факт, что идеологической базой синтеза или организационного единства обычного права и этикета является традиционная этика – адыгагъэ. Адыгство придавало нормам «Адыгэ хабзэ» характер целерациональных программ и моделей социального действия, подчиняющихся единому, синергитическому в основе своей замыслу и плану» [10, с. 62–63].

Таким образом, главной составляющей соционормативной культуры, являются соционормативные регуляторы, формирующие несколько основных, типичных форм поведения. К ним можно отнести: неукоснительное выполнение коллективных предписаний и императивов, так же строгость в организации традиционного общества, поведение людей ориентированное на взаимопомощь и поддержку в обществе.

Через общественные институты регулировались взаимоотношения людей, вырабатывались стандарты мышления народа. Для адыгов и кавказского региона в целом XIX век стал периодом глубоких трансформации. С одной стороны, происходило присоединение территорий к России, укрепление российского влияния на окраинах, а, с другой стороны, у народов, проживающих на присоединенных территориях, наблюдался слом традиционных соционормативных регуляторов: на смену традиционному общественному укладу пришел административно-правовой императив российского государства. Целью государственной политики российской администрации являлась максимально быстрая адаптация народов окраин и их включение в правовую и политическую систему Российской империи. Кроме того, население должно было принять общероссийскую ментальность и цивилизационные ориентиры.

Со II половины XIX века Российская царская администрация для более эффективного обеспечения властно-управленческой деятельности, привлекала местную элиту общества из представителей наиболее авторитетных лиц, старшин аулов и военных, настроенных на сотрудничество с Россией. Как и в любом традиционном обществе, так и на Северо-Западном Кавказе значительную роль играл статус и авторитет представителя власти. С этой точки зрения весьма интересной является позиция Е. И. Кобахидзе. Она считает, что Россия, «сохранив за традиционными властными институтами привычные функции, сгладила явные противоречия между различными управленческими моделями, элементы которых, в то же время, как бы встраивались друг в друга» [11, с. 124–125].

В данный период получил распространение набор низших чиновников из представителей местного населения. Большинство пристанских начальников при восстановлении внешнего порядка «обыкновенно, искали средства отделаться от необходимости входить в опасные сношения с народом, и такими средствами у них являлись или ловкий переводчик или же, что еще хуже аульный начальник, назначенный на эту должность из прежних владельцев или очень влиятельных горских фамилий... Передав часть своих обязанностей аульным начальникам или другим влиятельным лицам, чины военно-народных управлений вместе с этим разделили с ними и значительную часть своей власти и своего влияния на народ»¹.

Начало реформ в России привело к изменениям и на Северо-западном Кавказе. С марта 1865 г. были запрещены дар или какое либо иное отчуждение зависимых лиц в другую область, те, кто был продан с нарушениями, освобождались и могли выбрать место жительства.

Крестьян Кубанской области объявили свободными от крепостной зависимости с 1 ноября 1868 г. В этот же год было введено в действие новое Положение, регулирующее устройство Кубанской и Терской областей². Необходимо отметить, что данное положение упраздняло учреждения, ранее осуществляющие управление гражданским населением, куда входили и горские крестьяне. Формировались административная и судебная системы по новому образцу. В каждом ауле назначали старшину из нескольких кандидатов, определенных самим населением. В течение двух лет проходило отмежевание земли, и горцы становились оседлыми. За правонарушения, которые случались в ауле отвечали его жители. Участковые и окружные управления были представителями российской власти.

Учитывая особенности национальной политики и недоверия к местному населению, главами округов назначали лиц русской национальности офицерского звания [13, с. 44]. Управленческую деятельность осуществляли аульные правления, во главе которых был участковый начальник по горским делам, что нашло отражение в источниках того времени: «Для наблюдения за своевременным и правильным устройством новых горских поселений, теперь же назначить способного штабс-офицера, который в последствии мог бы исполнять обязанности окружного начальника» [14, с. 44].

В общественной жизни адыгов проводились земельные преобразования в контексте общероссийских административных реформ.

Начальники военно-народных управлений и окружные словесные суды Кубанской области в пореформенный период в вопросах освобождения неправильно закрепощенных крепостных крестьян обычно оказывали поддержку последним.

Черкесская молодежь, не согласная с новыми порядками, бежала в горы, к хакучинцам, находившимся в горах Шапсугии и совершала нападения на казачьи отряды, что привело к запрету ношения оружия, кроме кинжала для местного населения. Генерал-адъютант Сумароков-Эльстон писал: «Я вынужден сказать, что горцы Кубанской области лишены права носить оружие, отнять же таковое у некоторых обратит опасение и прочих из них осуществлению подобного же действия относительно принадлежащего им оружия. Кроме того, оно вряд ли достигнет предположенной цели, ибо воры точно так же будут бегать и всегда найдут оружие»³.

Именным Указом Кавказского наместника «О новом административном устройстве Кубанской и Терской областей от 30 декабря 1869 г.»⁴ были утверждены новые правила, датой начала административной реформы было объявлено 1 января 1871 г. Вводились новые положения об аульных обществах и регламентации жизни адыгского населения.

¹ Цит по: [12]; ГИАГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 104. Л. 4 – 5об.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание II том XLIV. Отделение 2.-В Тип. II Отд. Собственной Е.В. Канцелярии-[электронный ресурс]С. 412-415 / Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book9955/#page/412/mode/1up> (дата обращения 12.05.2022)

³ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 341. Л. 1.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II том XLIV. Отделение 2.-В Тип. II Отд. Собственной Е.В. Канцелярии-[электронный ресурс]С. 412-415 / Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book9955/#page/412/mode/1up> (дата обращения 12.05.2022)

Был определен порядок образования аульных обществ, состав, круг деятельности, права и служебные обязанности должностных лиц аульного управления¹.

В Положении об аульных обществах и горском населении была регламентирована следующая структура: управленческими функциями обладали аульный сход, аульный старшина. Так же были сформированы комиссии по взысканию податей, появились должности смотрителя хлебного магазина и казначея. Значительная часть вопросов решалась аульным сходом, в частности утверждение опекунов и попечителей над сиротами, выполнение модераторских функций при разделе имущества, назначение должностных лиц, избранных аульным обществом, и определение им жалование и др.

За сохранение общего порядка следил аульный старшина, отвечающий за точность исполнения распоряжений российской администрации, принимал меры к предупреждению всякого рода преступлений и проступков, отыскивал и задерживал виновных, представляя их для дальнейшего разбирательства начальнику уезда. Кроме того, аульный сход выбирал судей аульного суда. Аульный суд разбирал дела по незначительным проступкам между жителями аула. Подвергались разбирательству вопросы, входящие в систему традиционной морали, в том числе оскорбление словами, ссоры, драки, пьянство, прелюбодения и принесение ущерба общественной земле. Аульный суд передавал свои доказательства в горский словесный суд, для вынесения наказания по шариату. Однако компетенция шариатского суда была ограничена религиозными, семейными и наследственными делами. В остальных вопросах использовался адат, применение которого контролировалось российской властью. Временные правила давали четкую регламентацию, какие дела разбирались по адату, какие по шариату, в каких случаях российское законодательство². Нормы российского законодательства применялись при совершении преступлений против порядка управления.

К началу XX в. царская администрация дала разрешение сельским судьям рассматривать споры и тяжбы на суммы до 50 руб.³ Как отмечали Х. М. Думанов и Х. С. Кушхов, в полномочия сельского суда было включено рассмотрение дел, связанных с семейно-бытовой сферой, для чего на заседание суда приглашали сельского эфендия [15, с. 46].

Что бы упорядочить судопроизводство была издана инструкция «О порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов для заседаний в горских словесных судах Кубанской и Терской областей» [16]. По данной инструкции депутатами выбирали из тех адыгов, которые знали тонкости применения адата, соответственно, кадиями лиц, владеющих Кораном и нормами шариата. Отсутствие авторитетных общинников в горских словесных судах наблюдалось из-за низкой оплаты депутатов от адыгских общин. В основном деятельность российских чиновников в данном направлении была нацелена на адаптацию горских судов к началам российского судопроизводства [17, с. 153]. Делая упор на использование адатов, российская администрация стремилась уменьшить влияние ислама в регионе.

Влияние российского законодательства на обычаи местных жителей приводило к адаптации адатов к российскому законодательству. Однако в пореформенное время выполнение адатных норм уже не являлось обязательным для всех адыгов. По отношению к тем, кто категорически отказывался следовать адату, никакие репрессивные меры не применялись. Население обращалось к нормам обычного права добровольно или под давлением представителей своего рода.

Следовательно, можно отметить, что применение обычно-правовых норм было необходимой составляющей реформ российской правовой политики на Северо-Западном Кавказе. Однако, применение обычно-правовых норм было актуально в пореформенный период. В свою очередь, целью реформ, проводимых российской администрацией, являлась

¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 649. Л. 3об.

² Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891. – [электронный ресурс] - 627с. / Режим доступа: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/0-6> (дата обращения: 08.05.2022)

³ ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 1, 811.

подготовка постепенного перехода Северо-Кавказских народов к российскому законодательству и судопроизводству. Главной особенностью частичного использования норм обычного права у народов Северо-Западного Кавказа явилось то обстоятельство, что Россия вынуждена была примириться со сложившейся мусульманской практикой в области брачно-семейных отношений.

Вхождение Северо-Западного Кавказа в российскую правовую систему сопровождалось кардинальными изменениями в социально-экономической, духовной сферах жизни адыгского этноса. Однако обычное право не могло в полной мере решать правовые коллизии, возникшие из иных, более сложных экономических отношений. С одной стороны, это было столкновение России, в которой начался промышленный переворот, с другой стороны, размывались традиционные ценности, кавказских народов с жестко традиционным укладом.

Как отмечает А. Ю. Шадже, «Россия, а соответственно и Северный Кавказ, представляет собой сложное сочетание двух типов культур – унифицировано-индустриальной и этнически-самобытной, традиционно-ориентированной. Идеальной моделью в данном случае должно служить гармоничное сочетание элементов модернизации и этнически обусловленных стереотипов поведения, уклада жизни, обычаев, национальных особенностей мироощущения» [18, с. 97].

К началу XX вв. при помощи российского государства стала формироваться горская интеллигенция. Соционормативные регуляторы адыгского общества трансформировались, что проявилось в праве, морали, этических нормах, религиозных представлениях. Создавалась новая русско-кавказская культура.

Список источников

1. Ярославский А. Б. Соционормативная культура как саморегулирующая система // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2005. № 4. С. 7–10.
2. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Изд-во «П.Э.Т.»; Алетейя. 1996. 153 с.
3. Гусейнов А. И. Соотношение права и культуры // Социология власти. 2005. № 6. С. 142–148.
4. Хотинец В. Ю. О содержании и соотношении понятий этическая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 67–73.
5. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2014. 800 с.
6. Букина Н. В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 2. С. 232–237.
7. Ханаху Р. А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Ростов н/Д.: Аякс, 2001. 190 с.
8. Гуревич П. С. Философия культуры: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов. 2-е изд., доп. М.: Аспект пресс, 1995. 286 с.
9. Монпере Ф. де Д. Путешествие вокруг Кавказа. Майкоп: ОАО ПОЛИГРАФ-ЮГ, 2010. 164 с.
10. Бгажноков Б. Х. Адыгейский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.
11. Кобахидзе Е. И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (конец XVIII – XIX в.) // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 124–125.
12. Кандор Р. С. Административное управление и судебная власть в черкесском ауле середины 60 годов XIX в // Новые технологии. 2008. № 6. С. 79–84.
13. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории: Учеб. пособие: В 2 ч. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 г. / Науч. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар: КЭЦРО, 1994. 270 с.
14. Кубанский календарь. 1900 / Под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1899. Т.6. 431 с.-
Режим доступа: URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/20628-na-1900-god-1899#mode/flipbook/page/4/zoom/4> (дата обращения 10.05.2022)
15. Думанов Х. М., Кушхов Х. С. К вопросу о судостроительстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов. Вып. 6. Майкоп, 1986. С. 41–51.
16. Агишев Н. М. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края / Н. М. Агишев, В. Д. Бушен, Н. М. Рейнке. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1912. 278 с. Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104312> (дата обращения: 10.05.2022). – Текст: электронный.

17. Магаева П. И. Горские словесные суды Кубанской области // Вопросы истории. 2005. №12. С. 152–156.

18. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. 248 с.

References

1. Yaroslavsky A. B. Sociormative culture as a self-regulating system. *Izvestiya vuzov. Severokavkazskii region. Obshchestvennye nauki = Izvestia of universities. North Caucasus region. Social sciences.* 2005;(4):7–10. (In Russ.)

2. Shpet G. G. *Introduction to ethnic psychology.* St. Petersburg: Publishing house "P.E.T."; Aletheia. 1996. 153 p. (In Russ.)

3. Huseynov A. I. Ratio of law and culture. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power.* 2005;(6):142–148. (In Russ.)

4. Khotinets V. Yu. On the content and relation of the concepts ethical self-identification and ethnic identity. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies.* 1999;(9):67–73. (In Russ.)

5. Maltsev G. V. *Social foundations of law.* Moscow: NORM: INFRA-M; 2014. 800 p. (In Russ.)

6. Bukina N. V. On the issue of methodology for the study of cultural codes. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University.* 2010;(2):232–237. (In Russ.)

7. Hanahu R. A. *Traditional culture of the North Caucasus: challenges of time (socio-philosophical analysis).* Rostov-on-Don: Ajax; 2001. 190 p. (In Russ.)

8. Gurevich P. S. *Philosophy of Culture: A textbook for students is humanitarian universities.* 2nd ed., Add. Moscow: Aspect of press; 1995. 286 p. (In Russ.)

9. Montpere F. de D. *Journey around the Caucasus.* Maykop: OJSC POLYGRAF-SOUTH, 2010. 164 p. (In Russ.)

10. Bggazhnokov B. Kh. *Adygea etiquette.* Nalchik: Elbrus; 1978. 160 p. (In Russ.)

11. Kobakhidze E. I. Ossetia in the system of state-administrative management of the Russian Empire (late XVIII-XIX centuries). *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review.* 2003;(5):124–125. (In Russ.)

12. Kandor R. S. Administrative administration and judicial power in the Circassian aul of the mid-60s of the XIX century. *Novye tekhnologii = New technologies.* 2008;(6):79–84. (In Russ.)

13. *The past and present of Kuban are aware of Russian history:* Textbook: In 2 hours Part 1: From ancient times to 1917 / Scientific. ed. V.N. Ratushnyak. Krasnodar: KATSRO, 1994. 270 p. (In Russ.)

14. Kuban calendar. 1900. Ed. S. V. Rudenko. Yekaterinodar, 1899. T.6. 431 p. Access mode: URL: <http://elibrshpl.ru/ru/nodes/20628-na-1900-god-1899#mode/flipbook/page/4/zoom/4> (accessed date 10.05.2022)

15. Dumanov Kh. M., Kushkhov Kh. S. On the issue of judicial system and legal proceedings in Kabarda in the second half of the XIX – early XX centuries. *Kul'tura i byt adygov = Culture and life of the Adyghs.* 1986;(6). Maykop. P. 41–51. (In Russ.)

16. Agishev N. M. *Materials on the review of mountain and people's courts of the Caucasus region* /N. M. Agishev, V. D. Bushen, N. M. Reinke. St. Petersburg: Senate Printing House; 1912. 278 p. Available from: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104312> accessed date: 10.05.2022). (In Russ.)

17. Magaeva P. I. Gorsky verbal courts of the Kuban region. *Voprosy istorii = Questions of history.* 2005;(12):152–156. (In Russ.)

18. Russian identity in the North Caucasus/Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyausheva, A. Shadzhe; under the general editor A.Yu. Shadzhe. Moscow: Social and humanitarian knowledge; Maykop: Quality LLC; 2010. 248 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. З. Суханова – доцент кафедры теории и истории государства и права, Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов.

Information about the author

I. Z. Sukhanova – Associate Professor, Department of Theory and History of State and law, Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 14.06.2022.

The article was submitted 27.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.

ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН)

Александр Михайлович Цалиев

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ), Владикавказ, РСО-Алания, Россия,
aronaron666@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает основы традиционной правовой культуры народов Кавказа, на примере правовой культуры осетин, регулируемые нормами обычного права. По мнению автора, составными частями ее являются правосознание и социальное поведение, которое формируется и регулируется нормами обычного права. К ним автор относит такие обычаи как почитание старших, аталычество, гостеприимство, уважение к женщине, взаимопомощь, кровная месть. Утверждается, что большинство данных обычаев имело место и у других народов, но у осетин, с учетом их более чем четырехвекового замкнутого существования и жизнедеятельности в крайне суровых горных условиях приобрели свои особенности. В работе приводятся свидетельства, утверждение исследователей – путешественников о неизменности исполнения норм обычного осетинского права и неотвратимости ответственности за их нарушение. Используются логический, исторический, сравнительно-правовой, функциональный методы исследования.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, правовая культура, традиционная правовая культура осетин, обычное право осетин, обычай почитания старших, аталычество, гостеприимство, кровная месть, осетинские обычаи и их особенности

Для цитирования: Цалиев А. М. Основы традиционной правовой культуры народов Кавказа (на примере правовой культуры осетин) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 40–49. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-40-49>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

FUNDAMENTALS OF THE TRADITIONAL LEGAL CULTURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS (ON THE EXAMPLE OF THE LEGAL CULTURE OF OSSETIANS)

Alexander M. Tsaliev

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU), Vladikavkaz, RSO-Alania, Russia,
aronaron666@mail.ru

Abstract: In the article, the author examines the foundations of the traditional legal culture of the peoples of the Caucasus, on the example of the legal culture of the Ossetians, regulated by the norms of customary law. According to the author, its components are legal awareness and social behavior, which is formed and regulated by the norms of customary law. Among them, the author refers to such customs as the veneration of elders, atalychestvo, hospitality, respect for a woman, mutual assistance, blood feud. It is argued that most of these customs took place among other peoples, but the Ossetians, taking into account their more than four-language closed existence and life activity in extremely harsh mountain conditions, acquired their own characteristics. The work provides evidence, the statement of researchers – travelers about the immutability of the implementation of the norms of ordinary Ossetian law and the inevitability of responsibility for their violation. Logical, historical, comparative-legal, functional research methods are used.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, legal culture, traditional legal culture of Ossetians, customary law of Ossetians, the custom of honoring elders, atalychestvo, hospitality, blood feud, Ossetian customs and their features

For citation: Tsaliev A. M. Fundamentals of the traditional legal culture of the peoples of the Caucasus (on the example of the legal culture of Ossetians). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):40–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-40-49>

Большинство исследователей современной цивилизации, наряду со значительными успехами в медицине, в военной сфере, освоение новых технологий в разных сферах производства, достижения в космосе, создание искусственного интеллекта и других успехов, бесспорно характеризующие сегодняшний уровень развития человечества, все чаще отмечают и негативные его последствия. В числе их деградация духовно-нравственного состояния современных обществ, кризис культуры, обесценивание человеческой жизни, игнорирование, а то и утрата традиционных норм неписаного права, особенно в международных отношениях. Циничный эгоизм и корыстолюбие все больше утверждаются в мотивации социального поведения и человеческих отношениях. В этой связи все чаще вспоминают эпоху возрождения, период сакрализации гуманистических идей, времена, когда в полной мере действовали такие прогрессивные нормы обычного права народов Кавказа, как уважение, а точнее, почитание старших, аталычество, гостеприимство, уважение к женщине, взаимопомощь и т.д., социальная база которых ныне все более сужается.

В связи со сказанным хотелось бы напомнить слова из выступлений Президента России В. В. Путина о том, что новации не означают отрицание традиции, они есть его продолжение, развитие. Мы с уважением относимся к обычаям, отмечает он в другом своем выступлении. На социальную ценность норм неписаного права обращает внимание Председатель Конституционного суда России В.Д. Зорькин. По его мнению, неписаные законы, составляют корневую основу в любой государственно-правовой системе. Мы должны, отмечает он, серьезно, ответственно и бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российской социальной ткани неписаные нормы здоровой массовой моральной регуляции. Делать это должны хотя бы потому, что только они, по большому счету, реально восполняют все еще недостаточную эффективность законодательного правового регулирования [1, с. 2]. Вполне очевидно, что для эффективного урегулирования общественных отношений, особенно в традиционном обществе, каковым во многом продолжают оставаться северокавказские республики, должны быть задействованы нормы обычного права. По мнению Д. Ю. Шапсугова, с чем следует согласиться, правовая система обеспечения мира на Северном Кавказе должна формироваться на всех уровнях социальной организации и найти свое отражения... в восстановлении роли обычного права, поскольку его игнорирование означает отрицание преемственного правового мира развития на Северном Кавказе [2, с. 585].

Специалисты отмечают, что обычаям «следовали не потому, что сила традиции подавляла человека. Ему подчинялись потому, что он был внутренне вплетен в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошным и организованным образом» [3, с. 98]. Аналогичное понимание обычая и силы его воздействия дается и во многих других литературных источниках. Такое толкование норм обычного права ныне все чаще признается обоснованным.

Сказанное еще более актуализирует тему недавно прошедшей в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХ и ГС XI Международной научной конференции на тему «Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций». На стыке цивилизации, как правило, происходят значительные изменения, в том числе, в правовой культуре, таких составляющих ее частей как правосознание и социальное поведение, а также в правовой системе. Разве сейчас в правовой системе Российской Федерации, в связи с двойными западными стандартами в политике и международном праве не формируется прагматический подход и объективная оценка места и роли общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров? Вопрос чисто риторический, ибо если в редакции ельцинской Конституции (ст. 15) явно преувеличивают их место и роль, то в путинской обновленной Конституции РФ предусматривается, что «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» (ст. 79 Конституции РФ). Да и отношение к общепризнанным принципам и нормам международного права

в практической политике, в правовой культуре многих стран, на примере западных во главе с их гегемоном – США, меняется, поскольку формируется новая социально-правовая действительность, обусловленная цивилизационными изменениями и не всегда позитивного характера. В них все больше преобладает циничное и корыстное отношение и поведение, особенно, если они связаны с политикой.

В связи со сказанным, следует согласиться с тем, что цивилизованный подход к государственно-правовым явлениям и процессам придает серьезное значение категории «правовая культура», получившей достаточно широкое распространение в теории и на практике современной юриспруденции [4, с. 6]. Неслучайно специалисты отмечают, что правовая культура – исторически развивающееся мироощущение и использование накопленных правовых ценностей. Один из современных известных юристов США Л. Фридмэн пишет: «Правовая культура – это барометр жизни, являющийся и общественной силой, который определяет, как часто тот или иной закон применяется или нарушается на практике, как его избегают или как им злоупотребляют. Правовая система без правовой культуры не действует» [5, с. 117].

Понятие правовая культура социально-востребована и широко исследуемая юридическая категория и видимо поэтому насчитывается около 250 различных определений правовой культуры. Однако во многих учебниках по теории государства и права, предметом исследования которой она является, вообще не упоминается это понятие, чему можно удивляться. В юридической энциклопедии отмечается, что правовая культура в узком смысле охватывает характерные для данной общности (личности) правовые ориентации, убеждения, ценности, образцы юридически значимого поведения, оценки действующего права и правовых институтов. В большом юридическом словаре, на наш взгляд, дается более удачное и широкое определение правовой культуры, под которой понимается система ценностей, правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов поведения, правовых традиций, принятых членами определенной общности (государственной, религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности и отношений [6, с. 571].

Наряду с современной правовой культурой, которая формируется в рамках писаного права, существует еще традиционная правовая культура, основанная на нормах неписаного права – обычаях. В историческом плане она начала формироваться значительно раньше, тогда же, когда начали складываться обычаи в более-менее единую правовую систему. Можно выделить наиболее характерные черты традиционной правовой культуры народов Кавказа. Это обязательное знание норм обычного права; убежденность в их социальной необходимости, ценности и полезности; неотвратимость наступления ответственности за их нарушения, начиная с общественного осуждения и заканчивая самыми строгими мерами наказания; традиционное посредническое судопроизводство; добровольное соблюдение и исполнение норм обычного права. Последнюю черту в литературе нередко называют правопослушанием, которое профессор С. Р. Чеджемов правильно считает важным элементом правовой культуры [7, с. 26].

Указанные черты свойственны и для осетинской традиционной правовой культуры, но в более выраженном виде, поскольку они формировались в невероятно суровых условиях жизни осетинского народа. Борьба их прямых предков – алан на территории Центрального Кавказа, против неоднократно превосходящих монголо-татарских войск и совершаемых ими нашествий в XIII в. закончилось их полным разгромом. Оставшееся небольшое количество алан-осетин были заперты в горных ущельях Центрального Кавказа, по обе стороны Главного Кавказского хребта, оставшись так и непокоренными. Строжайший контроль монголо-татарскими войсками над выходами из горных ущелий, а затем контроль грузинской и кабардинской знати плоскостной части земли и жизнь в автономных суровых горных условиях определяли особенности правосознания и социального поведения как составных частей правовой культуры. Историк Д. Лавров, наблюдавший долгое время за бытом и поведением осетин, писал: «Материальные лишения, экономическая непроизводительность, составляющей подкладку политической жизни осетинского племени в продол-

жительный период его существования в кавказских горах отразились весьма значительно на своеобразном суровом спартанстве обычаев и привычек осетин, воздержанности их в образе жизни и вообще в сильном предубеждении к излишеству и баловству» [8, с. 217].

Как отмечают специалисты, в XIV-XV вв. происходит окончательное оформление этнического типа и основных черт культуры и быта осетин. С XIV в. мы уже вправе говорить не об аланах-овсах, а об осетинах как сложившейся устойчивой этнической общности со своей четко очерченной территорией, языком, экономикой, правом и культурой [9, с. 330]. Начиная с этого периода, дальнейшее развитие получают нормы обычного права применительно к новым условиям жизнедеятельности в горах. Последнее обстоятельство оказывает заметное влияние на традиционную правовую культуру осетин. Даже и по настоящее время усматриваются особенности правосознания и социального поведения осетин, живущих в горах и на равнине. Горские осетины все больше придерживаются традиционной правовой культуры.

Правосознание и нормы обычного права осетин давно стали предметом интенсивных исследований как местных, так и приезжих ученых. Среди них, в первую очередь, следует выделить В. Пфаффа, немца по национальности и прожившего в Осетии более трех лет. Он преподавал во Владикавказском реальном училище историю, географию, немецкий язык с 1869 г. по 1871 г. и в указанное время, не ограничиваясь теоретическими изысканиями, совершил несколько продолжительных экспедиций по горным районам Кавказа. Собранный В. Пфаффом материал (описание быта, сведения о судопроизводстве, о различных отраслях права, местные легенды), стал основой написания его книги «Народное право Осетин», опубликованной в двух томах в 1971–1972 гг., и которой в этом году отмечают в Осетии 150-летний юбилей ее издания.

Профессор, заслуженный деятель науки РФ Л.А. Чибиров посчитал материал ученого исключительно ценным, в том числе и потому, что это было время после присоединения Осетии к России, когда еще не произошло массового переселения горцев на равнину, и патриархально-родовой уклад осетин-горцев оставался еще практически нетронутым цивилизацией. Он же отмечает, что В. Пфафф – первый профессиональный этнограф-осетиновед. И до него писали об осетинах, появлялись статьи в периодической печати, но их авторами были люди, не выезжавшие на места за сбором этнографического материала, авторы, которые зачастую черпали сведения из вторых рук, либо их материалы порою представляли собой перепевы ранее опубликованного другими авторами [10, с. 88].

В. Пфафф глубоко увлекся осетинским обычным правом, поскольку он правильно считал, что оно имеет значение для разъяснения некоторых основных идей и начал науки вообще, что уже с давних пор юристы допускают как исключительно и бесспорно принятую аксиому, что законодательство и право какого-либо народа без истории вовсе неудобно-объяснимо. В этой связи активное использование им сравнительно-исторического и сравнительно-правового исследования вполне оправданно и ощутимо при раскрытии норм обычного права и традиционной правовой культуры. Проанализировав их, и непосредственно наблюдая за поведением осетин, он писал, что «у осетин нет законов, но весь порядок их общежития основывается на обычаях, которые действуют со всей силой неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» [11, с. 169]. При этом, знание обычаев по-осетински – «æгъдау», являлось такой же необходимостью для осетина как воздух, а его неисполнение восстанавливало против него всех людей. Н.Г. Берзенов, подчеркивая такую особенность обычая, писал: «У осетин обычаи заменяют законы. Осетин, нарушивший общечеловеческие права, никогда не нарушает обычая, утвержденного давностью и осужденный приговором общества, без сопротивления склонится перед карающим обычаем, без ропота понесет наказание» [12].

Сказанное в полной мере относится и к традиционной правовой культуре осетин. Даже после вхождения Осетии в состав России, включение ее в российское правовое, административное, социокультурное и хозяйственное пространство традиционные культуры проявили жизнеспособность, основанную на глубинных уровнях этнического мироощущения и сознания [13, с. 5].

Спустя пятнадцать лет, с учетом содержания работы В. Пфаффа и собственного исследования М.М. Ковалевский, ученый европейского уровня, написал общеизвестную и общепризнанную работу «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». (М., 1886 г.). На данную работу ссылался К. Маркс и некоторые ученые европейских стран, не говоря об отечественных.

Исследование обычного права и формируемая на его основе традиционная правовая культура и полноценные знания о них важны не только для обогащения научного наследия, но и для правильного решения практических задач, стоящих в настоящее время перед государством. В литературе правильно отмечается, что изучение традиционной правовой культуры нацелено на понимание древних юридических традиций, конкретных этносов, их правосознания, возможностей использования накопленного опыта в правотворческом процессе, урегулирование конфликтов и спорных ситуаций [14, с. 10]. Для российского многонационального государства, которому присуще разнообразие духовных, культурных, конфессиональных и правовых традиций, изучение традиционной правовой культуры чрезвычайно важно и необходимо. В связи с этим темой своего научного интереса выбрал традиционную правовую культуру осетин. При ее исследовании использовались такие известные методы исследования, как исторический, логический, сравнительно-правовой, функциональный. В историко-правовых исследованиях, как правильно отмечает Э. К. Джамалова, функциональное преломление использования диалектического метода проявляется, прежде всего, в следующем.

Во-первых, его конструктивные базисы позволяют проследить развитие тех или иных закономерностей и особенностей формирования правовой культуры народов Дагестана на различных ступенях ее развития.

Во-вторых, воспроизвести объекты правовой культуры народов Дагестана (памятники обычного права, институты адатского права, свободные общества, правовая система Дагестана и ее элементы) в их противоречивом единстве.

В-третьих, рассмотреть элементы правовой культуры народов Дагестана в непосредственной взаимосвязи друг с другом и с внешней средой [15, с. 10].

На наш взгляд, сказанное следует иметь в виду при исследовании традиционной правовой культуры народов Кавказа. Будет правильным утверждение о том, что она, в том числе в Осетии в историческом плане, особенно в XV–XIX вв. начала складываться на основе норм обычного права. За указанный период, – около пяти веков, как утверждают создатели цивилизационной теории, происходит формирование духовного и социального механизма цивилизации, в ходе такого становления устраняются течения, не выдержавшие проверки временем, созревают и утверждаются те, которые отвечают социальным и цивилизационным запросам. В любом случае требуется та основа, которая обеспечивает формирование и функционирование духовного и социального механизмов, отмечается в литературе.

Традиционная правовая культура в рассматриваемый период формировалась исключительно на основе норм обычного права и практики судопроизводства и была достаточно развита и во многом идентична у народов Кавказа, с небольшими особенностями у каждого из них. Рассмотрим некоторые основные нормы обычного права, ставшие основой Кавказской правовой культуры. В первую очередь, это обычай почитания старших и, по нашему мнению, старейший из обычаев догосударственной жизни, возникшей еще в патриархальный период человеческого общежития. Однако вряд ли найдутся письменные и материальные источники, подтверждающие данную версию. Но в аналогичных ситуациях, методы исследования для достижения истины, помимо обычного, традиционного познавательного процесса предполагают более активно прибегать к логическому методу исследования, что часто используют философы, особенно древнегреческие. В данном случае, прибегая к логическому методу мышления, приходим к выводу о том, что обычай почитания старших возник в силу того, что люди старшего возраста с учетом жизненного опыта лучше разбираются в вопросах жизнедеятельности, больше способны к рациональному мышлению и, следовательно, определению соответствующих необходимых норм социального поведения

в тех или иных ситуациях. Все это и предопределяет социальный статус старших в обществе, необходимость уважительного отношения к ним, что укрепляет преемственность поколений, их историческую и социальную связь.

Обычай почитания старших существует у всех народов Кавказа, но особенно развит был у осетин, поскольку, как уже отмечалось выше, они жили в невероятно сложных суровых горных условиях. Поэтому жизненный опыт старших имел особое значение для младших, поскольку подсказывал те или иные оптимальные формы поведения в разных природно-климатических и социальных условиях жизни. В историческом плане рассматриваемый обычай возник в силу патриархального подчинения младших старшим. Известный историк проф. А.Х. Магомедов отмечает, что одной из основ родового быта осетин являлось подчинение главе – старейшему рода во всем, а затем и старшему в семье. Ему оказывали различные знаки внимания, послушания. Для решения семейного и общественного вопроса достаточно было лишь мнение старшего. Слово старшего, его мнение воспринимались остальными членами родового или семейного коллектива как должное [16, с. 453–454]. Так возник и развился обычай почитания старших, ставший со временем нормой обычного права и одним из элементов традиционной правовой культуры осетин. При этом почитание старших выражалось независимо от социального положения, национальной принадлежности. Чувство глубокого уважения к старшему у детей начинали воспитывать с самых ранних лет. В. Пфафф отмечает, что внушение младшему уважения и к старшему, и к своему отцу – единственная у осетин цель первоначального воспитания младенцев [11, с. 185].

Л.А. Чибиров правильно пишет, что о степени воспитанности человека, его культуры в осетинском обществе принято было судить прежде всего по его отношению к старшим [25, с. 509]. На его взгляд, высказанное С. Фарваровским мнение о том, что осетины – самый этикетный народ, не лишено оснований, поскольку нормы поведения людей по отношению к старшему свидетельствуют о высоком уровне культуры народа.

Из многочисленных свидетельств об этом путешественников и следователей дореволюционного быта осетин приведем лишь слова Н. Ф. Дубровина, который подчеркивает наиболее характерные черты этого обычая. «Основую семейного быта осетин, – говорит он, – служит уважение к старикам и вообще к людям пожилых лет. Уважение это простирается до того, что каждый считает неременною своею обязанностью вставать при входе старшего и приветствовать его, хотя бы он был и низшего происхождения. Учтивость эта, никогда не нарушаемая, соблюдается в семействе с особою строгостью!» [17, с. 368].

Социальная ценность и востребованность данной нормы обычного права к настоящему времени стала настолько очевидной и актуальной, что п. 4 ст. 67.1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2021 г. закрепляется положение об *уважении к старшим*.

Высокого социального и государственно-правового внимания и признания ныне находит и институт семейного воспитания. В прошлом он имел место у многих народов Кавказа и именовался как обычай аталычества. Оно, как отмечается в известной книге «История народов Северного Кавказа», написанной крупнейшими учеными-кавказоведами бытовало среди адыгов, абазин, осетин, карачаевцев и других народов Северного Кавказа [18, с. 475]. Суть его сводится к тому, что родители, ради воспитания достойных детей, лишали себя естественной родительской любви и привязанности к ним, что нередко приводит к послаблению воспитательного процесса, отдавали их в чужие семьи до совершеннолетнего возраста. По истечении срока воспитания аталык в сопровождении ближайших родственников возвращал хъана, с осетинского – мальчик, оставляемый на воспитание в чужую семью, в его родительский дом, где в торжественной обстановке происходила передача юноши родным и всему его роду. При этом юноша должен был в присутствии многочисленной толпы продемонстрировать все то, чему его обучал аталык, включая знание норм обычного права [19, с. 199]. Отмечу, что среди 11 генералов-осетин Российской Императорской царской армии немало тех, которые прошли через институт аталычества.

С развитием человечества и формированием новой цивилизации со своими достоинствами и недостатками, заметным ослаблением традиционных ценностей и норм обычного права, тем не менее, все больше осознается социальная ценность семьи и социального воспитания. Неслучайно в п. 4 ст. 67.1 обновленной Конституции Российской Федерации предусматривается *приоритет семейного воспитания*.

Значительному развитию аталычества, как и другому кавказскому обычаю – гостеприимству, у осетинского народа способствовала его толерантность и склонность к космополитическому образу жизни. Об этом свидетельствует то, что многие осетины живут в разных регионах бывшего Советского Союза, Российской Федерации, в разных государствах и в самой Осетии с небольшой территорией проживают более 110 национальностей с разной культурой, бытом, обычаями и традициями, имеют больше всего межнациональных браков, придерживаются разных религий, преимущественно – христианство. Неслучайно, основоположник литературного осетинского языка известный осетинский поэт К.Л. Хетагуров, писал:

**«Весь мир – мой храм,
Любовь – моя святыня,
Вселенная – отечество моё!»**

Такое восприятие мира и место в нем себя, конечно же, стали основой формирования обычая гостеприимства и придания ему чуть-ли не сакрального значения. Нарушение его считалось большим позором не только для самого виновника и его родственников, но и для всех его ближайших однофамильцев. Если даже гостем оказывался враг хозяина, но успевал сказать – «Я – ваш гость», хозяин обязан был оказать ему все почести, накормить его и проводить до конца села, охраняя его безопасность и оберегая его от всяких невзгод и неприятностей. Прекрасный знаток Осетии Вахушти Багратиони отмечал: «Осетины умеют воздавать почести даже чужестранным гостям и невинно охранять их, никто не смеет причинить вред чьему-либо гостю, ибо за него положит голову вся фамилия» [20, с. 228].

Согласно данному обычаю полагалось преподнести почетный бокал гостю – застольный ритуал, которого придерживаются и до сих пор в Осетии. По мнению В. Пфаффа, данный обычай – явление, которое включает в себе «Отражение высочайшей нравственной цивилизации золотого века осетин» [11, с. 184]. Он имеет настолько прочный нравственный и исторический фундамент, что не нуждается в подкреплении какими-либо конституционными нормами.

Среди норм обычного права особое место занимает *кровная месть*, что имела место у многих народов и не только России. В данном случае отметим, что все путешественники-исследователи культуры и быта осетин отмечали наличие обычая кровной мести и освещали различные его аспекты. Так, Ю. Клапрот пишет: «Кровная месть, распространенная вообще по всему Кавказу, соблюдается также у осетин с чрезвычайной строгостью, так что редко случается, чтобы от нее можно было откупиться» [21, с. 160]. Этот страшный закон, который зачастую бушует между двумя семьями в течение столетий, получил у осетин свое самое высшее развитие, и каждый, самый незначительный проступок напоминает о нем. Если у черкесов только кровь искупается кровью, то за любое оскорбление, нанесенное осетину, должна быть пролита кровь» [21]. М. М. Ковалевский сравнивает причины и способы мести с законодательствами других народов, в частности, он приводит Салическую правду, Чешское право. Исследователь утверждает, что осетинское уголовное право способно служить иллюстрацией к любому из арийских законодательств [22, с. 4].

Например, нельзя было без последствий сорвать с головы мужчины шапку и бросить ее на землю. «На такой поступок осетин обычно отвечал убийством, так как головной убор считался у горцев символом мужского достоинства» [21, с. 161]. Шапка в глазах осетина – символ мужества, силы, отваги. Нанесение удара палкой или плетью осетины считали оскорблением, за который обычай осетин предусматривал в качестве меры наказания убийство.

В. Пфафф, изучая обычное право осетин писал: «Кровная месть, т.е. смертная казнь за убийство, по осетинскому коренному праву, назначалась непременно в следующих случаях: за обдуманно-коварное убийство, совершенное из корыстных побуждений; за обдуманно-открытое убийство во всех его степенях; за чисто случайное убийство во всех тех случаях убийства, которые называются «убийство из чувства самосохранения» [12, с. 271].

При осуществлении акта кровной мести осетины нередко старались убить не самого убийцу и даже не ближайшего его родственника, а наиболее почетного и авторитетного из фамилии, ибо при решении вопроса посредниками о примирении кровников имело значение не только равное число убитых, но и личность убитого.

Необходимо брать в расчет нравственные категории горской морали, согласно которым убийство человека на почве мести было не преступлением, а своеобразным долгом, делом чести, только свершив которое, горец мог вновь общаться с людьми, уверенно чувствовать себя в обществе. Отомстивший родственник, кровомститель (тугисæг – букв. «берущий кровь») пользовался уважением в общине, он повышал свой личный авторитет и авторитет семьи. К. Кох описывает нам поведение кровника: «Днем и ночью размышляет исполнитель кровной мести о подходящем случае для выполнения своего приговора. До тех пор он избегает игр своих друзей, не принимает участия в опасных разбойничьих набегах для того, чтобы не потерять зря свою жизнь, которая для него теперь особенно дорога; он покидает семейный очаг и устремляется на простор с мыслями об убийстве, которые одни теперь его занимают... страшно смотреть на человека, который в течение года вынашивает в себе мысль об убийстве и не осмеливается от нее отказаться, пока убийство не совершено. Когда это ему, наконец, удастся, он радостно возвращается в отцовский дом и приносит в жертву на могиле искупленного козу или овцу... Мститель возвращается снова к своим и его встречают с большим ликованием. Для него начинается новая жизнь, он предается опять веселью... Но теперь он сам обречен на смерть, так как, ближайший родственник убитого - мужчина должен мстить за его гибель» [23, с. 257]. Поэтому в Осетии, наряду с покойником оплакивали и того, кто его убил.

Длительное существование обычая кровной мести обуславливалось религиозными верованиями, в частности, культом предков. По традиционным воззрениям, убитый требовал от родственников не только пищи и одежды, якобы необходимых ему на том свете, но и мести за кровь. Убитый не мог попасть в рай прежде, чем его кровь не будет отомщена кровью убийцы. В более ранний период, поймав убийцу, мстители убивали его на могиле жертвы, якобы для того, чтобы напоить ее кровью.

Обычай кровной мести регулировался целым рядом норм и предписаний, касающихся поведенческих форм потерпевшей и виновной сторон. Так, кровная месть не распространялась на детей, стариков, больных и женщин. Однако женщины виновной стороны тоже придерживались определенных поведенческих регламентаций – не ходили на мельницы, которые посещала потерпевшая сторона, а в случае встречи – отходили в сторону, уступали дорогу. М. А. Мисиков пишет, что из-за кровной мести женщин никто не беспокоил; но женщины двух враждовавших семейств между собой не общались, не разговаривали и даже не смотрели друг на друга [24, с. 81].

Не углубляясь в данной работе в исследование кровной мести, подчеркнем, что все исследователи данного обычая считают его важнейшим социальным регулятором защиты человека и его имущества, а, следовательно, необходимого в традиционном обществе рассматриваемого периода.

В заключение отметим, что создаваемые столетиями, а то и более, нормы обычного права, составляющие основу традиционной правовой культуры, остаются востребованными и в настоящее время, уверен и в будущем. Они, дополняя нормы обычного права, продолжают регулировать те или иные общественные отношения. Неслучайно, некоторые из них ныне закреплены на конституционном уровне. Но и другие нормы обычного права – уважение к женщине, взаимопомощь и т.д. не теряют своей социальной ценности. Это свидетельствует о значимости и актуальности дальнейшего исследования норм обычного права как важных социальных регуляторов правовой жизни народов Кавказа.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития (к 20-летию Конституции РФ) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 1. С. 3–21.
2. Шапсугов Д. Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Юрист, 2003. 685 с.
3. Свечникова Л. Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 98–102.
4. Муртазалиев А. М. Повышение правовой культуры как актуальная задача современности // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 5–10.
5. Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1992. 286 с.
6. Большой юридический словарь. Под ред. А.Я. Сухарева. М., 2007. 858 с.
7. Чеджемов С.Р. Правопослушание как результат правовой аккультурации на Юге России до революционных событий 1917 г. (по материалам истории осетинского народа) // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 25–33
8. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах. СМОМПК. Вып. III.
9. История Осетии (с древнейших времен до конца 18 века). Владикавказ, 2019. 498 с.
10. Чибиров Л. А. Исторические портреты. Вальдемар Пфафф – предшественник В.Б. Миллера в научном осетиноведении // Известия СОИГСИ. № 7 (46). 2012. С. 88–94.
11. Пфафф В. Народное право осетин. ССК. 1871.
12. Берзенов Н. Г. Очерки Осетии // Газ. «Кавказ». 1850. № 063.
13. Канукова З. В. Традиции в современном осетинском обществе. Владикавказ. 2018.
14. Сушкова Ю. Н. Место обычного права мордвы в народной юриспруденции // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 10–15.
15. Джамалова Э. К. Методологические проблемы исследования правовой культуры народов Республики Дагестан // Вестник ДГУ. 2011. № 3. С. 9–11.
16. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. 568 с.
17. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871.
18. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. В. Б. Пиатровского. М., 1998.
19. Калоев Б. А. Осетины. М., 1971. 360 с.
20. Вахушти Багратиони. История царства грузинского. Тб. 1955.
21. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967.
22. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 2.
23. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
24. Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011. 157 с.
25. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2002.

References

1. Zorkin V. D. Problems of constitutional and legal development (to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Episode 11: Right*. 2014;(1):3–21. (In Russ.)
2. Shapsugov D. Yu. Problems of theory and history of power, law and state. Moscow: Lawyer; 2003. 685 p. (In Russ.)
3. Svechnikova L. G. The concept of custom in modern science: approaches, traditions, problems (based on the materials of legal and ethnological sciences). *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 1998;(9):98–102. (In Russ.)
4. Murtazaliev A. M. Increasing legal culture as an urgent task of our time. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Dagestan State University*. 2013;(2):5–10. (In Russ.)
5. Friedman L. *Introduction to American law*. Moscow; 1992. 286 p. (In Russ.)
6. *Large Legal Dictionary*. (Ed.) A. Ya. Sukharev. Moscow; 2007. 858 p. (In Russ.)

7. Chedzhemov S. R. Law enforcement as a result of legal acculturation in the South of Russia before the revolutionary events of 1917 (based on the materials of the history of the Ossetian people). *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian law*. 2017;(11):25–33. (In Russ.)
8. Lavrov D. *Notes on Ossetia and Ossetians*. SMOMPК. Issue III. (In Russ.)
9. *The history of Ossetia (from ancient times to the end of the 18th century)*. Vladikavkaz; 2019. 498 p. (In Russ.)
10. Chibirov L.A. Historical portraits. Waldemar Pfaff is the predecessor of V.B. Miller in scientific Ossetian studies. *News of SOIGSI*. 2012;7(46):88–94. (In Russ.)
11. Pfaff V. *Ossetian People's Law*. SSK. 1871.
12. Berzenov N. G. *Essays of Ossetia*. Kavkaz. 1850;(063). (In Russ.)
13. Kanukova Z. V. Traditions in modern Ossetian society. Vladikavkaz, 2018. (In Russ.)
14. Sushkova Yu. N. Place of customary Mordovian law in folk jurisprudence. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2018;(7):10–15. (In Russ.)
15. Dzhamalova E. K. Methodological problems of studying the legal culture of the peoples of the Republic of Dagestan. *Vestnik DGU = Bulletin of DSU*. 2011;(3):9–11. (In Russ.)
16. Magometov A. Kh. *Culture and life of the Ossetian people*. Ordzhonikidze; 1968. 568 p. (In Russ.)
17. Dubrovin N. F. *History of the war and rule of the Russians in the Caucasus*. Т. 1. St. Petersburg; 1871. (In Russ.)
18. *The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century*. (Ed.) V. B. Piatrovsky. Moscow; 1998. (In Russ.)
19. Kaloev B. A. *Ossetians*. Moscow; 1971. 360 p. (In Russ.)
20. Vahushti Bagrationi. *History of the Georgian kingdom*. Tbilisi; 1955. (In Russ.)
21. Klaprot Yu. *A trip to the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808*. OGRIP. Ordzhonikidze, 1967. (In Russ.)
22. *Kovalevsky M. M. Modern custom and ancient law. Customary law of Ossetians in historical-comparative coverage*. Moscow; 1886. Т. 2. (In Russ.)
23. Koch K. Journey through Russia to the Caucasian Isthmus in 1837 and 1838. *Ossetians through the eyes of Russian foreign travelers*. Ordzhonikidze, 1967. (In Russ.)
24. Misikov M. A. *Ethnographic information about Ossetians*. Vladikavkaz; 2011. 157 p. (In Russ.)
25. Chibirov L. A. *Traditional Ossetian spiritual culture*. Vladikavkaz, 2002. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Цалиев – докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой публичного права и органов власти Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ), Заслуженный юрист РФ

Information about the author

A. M. Tsaliev – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Public Law and Government of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU), Honored Lawyer of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 06.06.2022.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СТАТУС КАВКАЗА: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

Елена Петровна Саенкова

Ростов-на-Дону, Россия, e.saenckova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность цивилизационного подхода к рассмотрению Кавказа обусловлена необходимостью его изучения как субъекта, способного противодействовать процессам энтропии, обеспечивающего защиту от инноваций, угрожающих целостной идентичности этносов. Отдельная группа ученых, высоко оценивая многовековое уникальное культурное наследие кавказских народов, приходит к выводу, что Кавказ – это, прежде всего, контактная зона между Западом и Востоком, а не самостоятельный цивилизационный феномен. Эта позиция нашла свое закрепление в работах Л. Н. Гумилёва, В. В. Черноуса и др. Вторая группа ученых высказывает мнение, что возникновению и развитию самобытной кавказской цивилизации послужило взаимодействие и взаимопроникновение этносов. Несмотря на различия народов Кавказа им свойственно значительное сходство историко-культурных признаков, позволяющих рассматривать Кавказ как самостоятельную уникальную Цивилизацию. Данной позиции придерживаются такие исследователи, как Р. Г. Абдулатипов, Б. Х. Бгажноков, В. Е. Давидович, К. Ф. Дзамихов, Т. У. Кцоева, А. А. Магомедов, Г. Х. Мамбетов, С. Х. Мафедзев, К. Х. Унежев, Д. Ю. Шапсугов и др. В статье рассмотрена аргументация авторов обоих подходов. Кроме того, в работе рассмотрены, применительно к Кавказской Цивилизации, основные элементы цивилизационной идентичности – менталитет, локалитет и глобалитет.

Ключевые слова: Цивилизация, Кавказская Цивилизация, этнос, этнические константы, полицентричность, субъективная идентичность, культурная идентичность, цивилизационная идентичность, менталитет, локалитет, глобалитет

Для цитирования: Саенкова Е. П. Цивилизационный статус Кавказа: обзор современных подходов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 50–55. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-50-55>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE CIVILIZATIONAL STATUS OF THE CAUCASUS: AN OVERVIEW OF MODERN APPROACHES

Elena P. Saenkova

Rostov-on-Don, Russia, e.saenckova@yandex.ru

Abstract. The relevance of the civilizational approach to the consideration of the Caucasus is due to the need to study it as a subject capable of countering the processes of entropy, providing protection from innovations that threaten the integral identity of ethnic groups. A separate group of scientists, highly appreciating the centuries-old unique cultural heritage of the Caucasian peoples, comes to the conclusion that the Caucasus is, first of all, a contact zone between the West and the East, and not an independent civilizational phenomenon. This position has found its consolidation in the works of L. N. Gumilyov, V. V. Chernous and others. The second group of scientists expresses the opinion that the interaction and interpenetration of ethnic groups served to the emergence and development of the distinctive Caucasian civilization. Despite the differences of the peoples of the Caucasus, they are characterized by a significant similarity of historical and cultural features that allow us to consider the Caucasus as a unique cultural and historical civilization. This position is held by such researchers as R. G. Abdulatipov, B. H. Bgazhnokov, V. E. Davidovich, K. F. Dzamikhov, T. U. Ktsoeva, A. A. Magomedov, G. H. Mambetov, S. H. Mafedzev, K. H. Unezhev, etc. The article considers the argumentation of the authors of both approaches. In addition, the main elements of civilizational identity – mentality, locality and globality – are considered in relation to the Caucasian Civilization.

Keywords: Civilization, Caucasian Civilization, ethnos, ethnic constants, polycentricity, subjective identity, cultural identity, civilizational identity, mentality, locality, globality

For citation: Saenkova E. P. The civilizational status of the Caucasus: an overview of modern approaches. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):50–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-50-55>

...Отселе я вижу потоков рожденье...
(А. С. Пушкин. Кавказ)

По С. Хантингтону, цивилизация – это культурная идентичность людей наивысшего порядка. «Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной идентификацией людей» [1, с. 34]. Актуальность цивилизационного подхода к рассмотрению Кавказа обусловлена необходимостью его изучения как субъекта, способного противодействовать процессам энтропии, обеспечивающего защиту от инноваций, угрожающих целостной идентичности этносов. Его этнические константы передаются из поколения в поколение, не исчезая и почти не трансформируясь. Кавказские народы, говорят более чем на 50 языках Индоевропейской, Кавказской и Алтайской языковых групп. Народы Кавказа многоконфессиональны; основными религиями являются христианство и ислам.

Можно ли считать ли Кавказ уникальной цивилизационной общностью? Разброс мнений на этот счет весьма велик: от придания Кавказу роли целостной самостоятельной цивилизации до рассмотрения его как контактной зоны между цивилизациями.

1) Отдельная группа ученых, высоко оценивая многовековое уникальное культурное наследие кавказских народов, приходит к выводу, что Кавказ – это, прежде всего, контактная зона между Западом и Востоком, а не самостоятельный цивилизационный феномен. Поэтому следствием такого неповторимого влияния являются все свойственные Кавказу уникальные признаки. Эта позиция нашла свое закрепление в работах Л. Н. Гумилёва, В. В. Черноуса и др.

По мнению В. В. Черноуса, к Кавказу вполне приложимы методы исследования, используемые в теории локальных цивилизаций, которые рассматривают всемирно-исторический процесс как полицентричный. В. В. Черноус отмечает, что цивилизация – это постоянно развивающаяся, однако устойчивая в своих типологических чертах социокультурная, духовная и экономическая этнорегиональная система. Ее составляющими являются религиозно-нравственные элементы, подсистема ценностей, природные, ландшафтные условия, специфика хозяйствования, организация государственно-политической жизни, самоуправления на местах и особенности правоотношений. Кавказ, по выражению В. В. Черноуса, представляет собой контактную зону, которая связывает воедино различные, по своим культурным признакам, общности. В различные исторические периоды Кавказ являлся местом пересечения таких самобытных культур, как древнегреческая, римская, византийская, арабская, персидская, османская, месопотамская, хатто-хеттская. На Кавказ оказывали сильное влияние Сасаниды, Боспорское царство, Хазарский каганат. Кавказский регион подвергся воздействию ираноязычных племен (скифы, сарматы, киммерийцы, аланы), тюркских народов (хазары, татаро-монголы, половцы, гунны, болгары, тюрки-сельджуки, огузы и другие.), германских народностей (готы). В значительной степени на кавказские этносы повлияли славяне. Имеются подтверждения происхождения казачества на основе взаимодействия алан, тюркских и адыгских племен, славян [2]. В литературе отмечается также значительное культурное влияние греков на сармат и адыгов. В частности, известно, что в V в. К Боспорскому царству было присоединено древнее государственное образование адыгов – Синдика. В Боспорском царстве сарматы также получали высокие государственные должности [2].

Кавказская цивилизационная общность представляет собой итог взаимодействия весьма различных, а иногда даже противостоящих этносов (осетины-ингуши, казаки-горцы, и т.д.). На отдельных исторических этапах различные этнические общности Кавказа принадлежали к таким образованиям, как Византия, Крымское и Астраханское ханство, Персия, Османская империя, Русь, Арабский халифат, Мидия, Хазарский каганат. По мнению сторонников данного подхода, нельзя выделить один какой-либо этнос, особенности которого заложили основу кавказской общности: кавказские народы имели несколько цивилизационных центров. Во-первых, это Анатолия, во-вторых народы Предкавказья, которые испытывали на себе влияние Азии. Если к этому приплюсовать местный колорит, то

возможно будет, что эти составляющие послужили основанием кавказской цивилизации. В дальнейшем общности Кавказа в значительной степени формировались под воздействием Арабского халифата (через исламизацию), Кавказской Албании, Мидии, Персии, Урарту, монгольского нашествия, великого переселения народов, тюркских ханств и, конечно, русской цивилизации [2].

По мнению рассматриваемой группы ученых, в обособлении кавказской культуры большую роль играл также момент территориальной изоляции. Как отмечает Э. Т. Майборода, особенности природно-географической замкнутости, специфика дорожных сообщений не способствовали развитым экономическим, торговым и политическим связям между населением предгорий, равнин и гор. Даже представителя соседского населенного пункта территориальная обособленность делала «чужим». При такой изоляции любые влияния (религиозные, культурные или технические) сталкивались с большими трудностями [2]. Справедливо, что такая обособленность оказывала значительное влияние на этногенез, и в условиях горного рельефа роль данного фактора значительно возрастала. Однако, справедливо так же возражение, что такая изоляция имела место лишь в отдаленном прошлом, когда горный рельеф служил серьезным препятствием для межкультурных коммуникаций, вследствие чего их эффективность была очень низкой.

2) Вторая группа ученых высказывает мнение, что возникновению и развитию самобытной кавказской цивилизации послужило взаимодействие и взаимопроникновение этносов. Несмотря на различия народов Кавказа им свойственно значительное сходство историко-культурных признаков, позволяющих рассматривать Кавказ как уникальную культурно-историческую цивилизацию. Данной позиции придерживаются такие исследователи, как Р. Г. Абдулатипов, Б. Х. Бгажноков, В. Е. Давидович, К. Ф. Дзамихов, Т. У. Кцоева, А. А. Магомедов, Г. Х. Мамбетов, С. Х. Мафедзев, К. Х. Унежев, Д. Ю. Шапсугов и другие. В трудах этих ученых анализируются результаты археологических раскопок на территории Кавказа, лингвистические параллели языков, на которых изъяснялись кавказские народы, исследования в области этнографии. Все эти артефакты и свидетельства, по их мнению, доказывают существование феномена уникальной Кавказской Цивилизации.

Р. Г. Абдулатипов, Т. У. Кцоева и другие ученые выдвигают идею Кавказской Цивилизации как уникальной и единой общности. Так, подчеркивается данными авторами, в эпоху средних веков на территории Кавказа складываются государственные образования, представляющие собой вполне развитые политические системы, которые успешно функционируют на сложнейших ландшафтных территориях [2]. Сложные географические условия поспособствовали формированию и постоянному самовоспроизводству уникальных самобытных очагов единой Кавказской Цивилизации. В отличие от таких очагов во многих других регионах, на Кавказе сложился особый тип культуры и особый тип населения со схожими антропологическими чертами, сохранившие свою самобытность и сформировавшие общие черты нравственности, культуры, психологии.

Давидович В.Е. предложил свою систему признаков цивилизации, поддерживая, при этом, точку зрения Р.Г. Абдулатипова. Он попытался обозначить контуры, объединяющие скрепы, которые формируют многоконфессиональный, полиэтничный, разноязыкий Кавказ как самостоятельную цивилизационную общность. По мнению автора, правомерна постановка проблемы генерализующих цивилизационных признаков. В отличие от концепции разделения цивилизации и культуры (Н. Бердяев, О. Шпенглер и др.) В. Е. Давидович трактует цивилизацию в ином ракурсе: «Когда один или несколько народов, имеющих близкие культурные признаки, достигают определенной стадии в своем развитии и находят свой исторический маршрут, такую общность можно назвать цивилизацией» [3, с. 28]. Цивилизацию автор рассматривает как интегративную надэтническую систему, по отношению к которой этнокультуры выступают как элементы единого целого. По мнению В.Е. Давидовича, решение многих серьезных вопросов, мир и процветание народов Кавказа, возможно, прежде всего, через признание целостности Кавказской Цивилизации.

В свою очередь, абхазский ученый О.Н. Дамения, предлагает рассуждать не о единой кавказской цивилизации, а о единой кавказской *культурной идентичности*, которая еще не утрачена народами [4, с. 16]. Более того, в процессе трансформации культуры Кавказа эта идентичность не только не изменилась, но, в связи с нарастанием культурного взаимодействия, в большей мере осознается кавказскими народами. Как отмечает профессор Шапсугов Д. Ю., «...Мы приходим к выводу о реальности существования общих истоков Кавказской Цивилизации и ее связи с цивилизациями Средней Месопотамии, Сирии, Анатолии, Севера Европы, России» [5, с. 11]. В качестве одного из теоретических оснований единения народов Кавказа можно, на наш взгляд, рассматривать концепцию *цивилизационной идентичности*, предложенную Кондаковым И. В.

По его мнению, структура цивилизационной идентичности (применительно к любой цивилизации) включает в себя три основных компонента: во-первых, менталитет (выраженные формы самосознания); во-вторых, локалитет (как цивилизация соотносит себя с другими родственными цивилизациями); наконец, в-третьих, глобалитет (как цивилизация стремится спроецировать свои достижения на мировое сообщество и всемирную культуру) [6, с. 282].

Менталитет кавказских народов формировался под влиянием следующих феноменов:

- этикетные нормы кавказских народов, закрепленные в моральных кодексах. Кавказский социум слабо поддается стороннему влиянию и продолжает воспроизводить концепты своей самобытной культуры. Кавказский народ породил культурно-психологический консерватизм, уникальный по своей природе, который предполагает постоянную актуализацию исторической памяти народа и постоянное воспроизводство ее содержания на каждом новом витке истории;

- нормы адатного (обычного) права;

- традиционно высокий уровень религиозности населения.

Что касается локалитета, как известно, христианство и ислам определяли идеологию и культуру Кавказского мира. В главном векторе цивилизационных процессов обе религии сыграли важную роль. Была создана великая синкретическая культура (литература, музыка, зодчество) [7, с. 44].

Кавказская цивилизация и особый кавказский тип культуры сложилась в процессе сложного взаимодействия многочисленных народов, длительного сосуществования разного рода диалектов и языков, ислама, христианства, иудаизма, буддизма и традиционных верований. Формирование культуры на территории Кавказа происходило под влиянием культур античной Греции, эллинизма, Рима и Византии, Двуречья и Урарту, древнего и средневекового Ирана, традиций хазарского каганата и арабского халифата, Османской империи, ощущалось культурное влияние Индии и Китая. Она включает в себя все формы материальной культуры, этнические традиции общественного и семейного быта, наследие духовно-нравственной культуры населяющих Кавказ народов.

Так, примерно V в. Датируются многообразные признаки, которые подтверждают контакты алан и славян, участвовавших в развитии осетинского этноса, также повлиявших на культуру балкарцев, адыгов, карачаевцев, и ряда других народов Кавказа [2]. Взаимный культурный обмен подтверждается как лингвистическими параллелями, так и археологическими находками (предметы утвари, одежда и головные уборы, погребальные обряды). В 1979 г. Известный российский археолог А. Д. Резепкин в одном из курганов могильника Клады близ станицы Новосвободной в Адыгее обнаружил уникальную гробницу. Среди типичных для майкопской культуры предметов, захоронение включало в себя фигурки двух собачек. Хорошо известно значение такой находки как составляющей погребального обряда. Согласно сложившимся в древности верованиям, собаки отталкивают зло и являются помощниками душ умерших в потустороннем мире. Использование таких качеств собаки считалось особенно важным для оберега детей. В древности захоронения детей вместе с собаками имело место у эскимосов, на Гаваях. Яма, прикрытая скелетом двух собак, была обнаружена в могильнике Попово в Восточном Прионежье рядом с захоронением ребенка 7-9 лет. Подобные захоронения найдены в Забайкалье в комплексах Глазковского

некрополя неолитического периода [8]. Все это иллюстрирует социокультурное взаимовлияние народов Кавказа и других этносов.

Что касается глобалитета, то он характеризует вклад локальной цивилизации в мировую культуру, а также постулируемые ею общезначимые ценности, рассматриваемые в контексте глобализма [6, с. 282].

Касательно Кавказской Цивилизации, по Черноморскому побережью и в горах Западного Кавказа «рассыпаны» дольмены – уникальные древние монолиты. Строители дольменов, находясь в гармонии с природой, владели многими сакральными знаниями, а также математикой, астрономией, Золотым сечением. Строители дольменов, как подтверждают археологические находки, возможно, являются предками славян и других родственных народностей, которые использовали и используют глаголическую письменность – болгар, русских, чехов, поляков и других [9, с. 97].

Кавказ как сложный в этническом, языковом и религиозном отношении регион издавна населяют народности, которые отличаются друг от друга спецификой хозяйствования, традициями быта, обычаями, сложившимися в повседневной жизни. Такое многообразие развилось много веков назад и продолжает развиваться в продолжение многих столетий. Разнообразные отличия существовали и существуют часто даже внутри одной этнической группы. Формирование обычаев и традиций и внутри каждого населенного пункта было связано с обособленностью общин друг от друга. Сосуществование в условиях этнического, культурного, социального, разнообразия способствовало появлению у кавказских народов особых институтов, которые позволяли преодолеть сложившуюся обособленность и отчуждение этносов и локальных социумов. С их помощью получалось уладить противоречия, установить способы взаимообщения, наладить доверительные контакты и отношения между различными народностями и различными общностями внутри одного этноса. Этой цели служили такие формы искусственного родства как куначество, аталычество, побратимство, гостеприимство и другие разнообразные традиционные институты.

Институты, осуществляющие межэтническое сотрудничество народов Кавказа, позволили накопить богатый опыт взаимной терпимости, достойных компромиссов, разумного приспособления, разностороннего сотрудничества. Например, как отмечает Б. Х. Бгажников, у адыгских народов «благожелательность стоит в одном ряду с такими принципами поведения, как гостеприимство, почитание старших, почитание женщин, скромность. Мало того, она – условие реализации каждого из названных принципов» [8].

Подобного рода представления и нормы являются отражением ценностной ориентации представителей кавказских народностей, их нацеленности на толерантность. Толерантность – стремление к взаимообогащающим компромиссам, к преодолению несогласий и конфликтов, терпимость, доброжелательное отношение к окружающим. Человечество может избежать опасности самоистребления только на пути толерантности. Связи и контакты с окружающими людьми и обществами позволяет налаживать именно толерантность. В то же время обратная сторона толерантности помогает избежать излишнего внешнего влияния, сохранить собственную самобытность. В настоящее время, важно изучать опыт проявления толерантности и нетерпимости в конкретных регионах, обществах, культурах, а также меру их соотношения. Любое общество, неоднородное по культурным, этническим, религиозным признакам, может только при наличии определенной степени толерантности существовать стабильно. Толерантность позволяет увеличить способности этноса к адаптации в «чужой» среде.

Как видно из вышерассмотренных положений, Кавказская Цивилизация сформировала все три элемента цивилизационной идентичности, что позволяет позиционировать ее как самобытную уникальную самостоятельную Цивилизацию.

В заключение отметим, что оригинальным стереотипом поведения обладает каждый кавказский этнос. Однако их сходство очевидно при сравнении с моделями поведения некавказских народностей. Некое единство прослеживается при сравнении обычаев, традиционных укладов жизни, ментальных особенностей кавказцев и именно это единство отличает Кавказскую цивилизацию от других. Эти отличия априори признаются представителями

другой цивилизации. Исследование этнокультурного феномена Кавказской Цивилизации только начинается. В развитие рассмотренного направления запущен научно-исследовательский проект «Право Кавказской Цивилизации» в рамках которого, под редакцией доктора юридических наук, профессора Шапсугова Д. Ю. выпущено два сборника: «Право Кавказской Цивилизации» Ростов-на-Дону, Нальчик, 2014 год, выпуск 1 и «Право Кавказской Цивилизации» Ростов-на-Дону, 2016, выпуск 2. Предметом этих исследований являются проблемы взаимодействия Кавказской Цивилизации с иными народами и цивилизациями; проблемы возникновения, сущности, содержания, формы, механизмов реализации права народов Кавказа, цивилизационные характеристики политико-правовых и юридических институтов, отражающих их собственный опыт. Цель данного проекта – изучить основные тенденции развития данной уникальной Цивилизации, а его развитие требует дальнейших усилий ученых в рамках как гуманитарных, так и естественных наук.

Список источников

1. Бгажноков Б.Х. О первобытном зоо- и плантоцентризме Майкопских племен / Интернет-ресурс на yandex.ru. Дата обращения 30.04.2022.
2. Давидович В.Е. Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.
3. Дамениа О. Н. Кавказская культурная общность: миф или реальность? // Научная мысль Кавказа. 2002. № 2.
4. Дмитриев Д., Фиалковская С. Тайна дольменов Кавказа. М., 2012.
5. Истоки Кавказской Цивилизации. Ростов-на-Дону. 2016.
6. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV.
7. Метревели Р. Кавказская цивилизация в контексте глобализации. Стокгольм, 2009.
8. Право Кавказской Цивилизации. Ростов-на-Дону – Нальчик, 2014.
9. Тайсаев Д. М. Этногенез народов Кавказа. Нальчик, 2015.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1994.

References

1. Bgazhnokov B. H. *On the primitive zoo- and plantocentrism of the Maikop tribes*. Internet-resource on yandex.ru. [Accessed 30.04.2022]. (In Russ.)
2. Davidovich V. E. Does the Caucasian civilization exist? *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2000;(2). (In Russ.)
3. Damenia O. N. Caucasian cultural community: myth or reality? *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2002;(2). (In Russ.)
4. Dmitriev D., Fialkovskaya S. *The mystery of the dolmens of the Caucasus*. Moscow; 2012. (In Russ.)
5. *The Origins of The Caucasian Civilization*. Rostov-on-Don; 2016. (In Russ.)
6. Kondakov I. V. Civilizational identity of Russia: essence, structure and mechanisms. *Voprosy sotsial'noi teorii = Questions of social theory*. 2010;(IV). (In Russ.)
7. Metreveli R. *Caucasian civilization in the context of globalization*. Stockholm. 2009. (In Russ.)
8. *The Law of the Caucasian Civilization*. Rostov-on-Don – Nalchik; 2014. (In Russ.)
9. Taisaev D. M. *Ethnogenesis of the peoples of the Caucasus*. Nalchik; 2015. (In Russ.)
10. Huntington S. *Clash of civilizations*. Moscow, 1994. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. П. Саенкова – канд. юрид. наук, доц.

Information about the author

E.P. Saenkova – Candidate of Law, Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 14.06.2022. The article was submitted 27.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.

АРЕСТ КАК МЕРА ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Евгений Анатольевич Шаталов

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, penalize@rambler.ru

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка комплексного анализа законодательства первого пятилетия советской власти на предмет выявления особенностей нормативно-правового регулирования оснований и порядка применения ареста в советской России, содержания лиц, подвергнутых аресту в пенитенциарных учреждениях. В частности, для обсуждения предлагается авторская классификация арестов, применявшихся в период становления диктатуры большевиков, которая явилась результатом глубокого научного исследования и нормативных документов, и архивных материалов, содержащих сведения о правоприменительной деятельности органов советской власти как в центре, так и на местах.

Ключевые слова: арест, ВЧК, рабоче-крестьянская милиция, Петроградский ВРК, тюрьмы, декреты советской власти, нарушения законности

Для цитирования: Шаталов Е. А. Арест как мера принуждения в условиях становления советского государства и права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 56–61. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-56-61>

ARREST AS A MEASURE OF COERCION IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF THE SOVIET STATE AND LAW

Evgenii A. Shatalov

Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, penalize@rambler.ru

Abstract. This article attempts to comprehensively analyze the legislation of the first five years of Soviet power in order to identify the peculiarities of the legal regulation of the grounds and the procedure for applying arrest in Soviet Russia, and the detention of persons arrested in penitentiary institutions. In particular, for discussion, an author's classification of arrests used during the formation of the Bolshevik dictatorship is proposed, which was the result of a deep scientific study and regulatory documents, and archival materials containing information about the law enforcement activities of the Soviet authorities both in the center and on the ground.

Keywords: arrest, workers' and peasants' militia, prisons, decrees of Soviet power, violations of the rule of law

For citation: Shatalov E. A. Arrest as a measure of coercion in the conditions of the formation of the Soviet state and law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):56–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-56-61>

Доминирование карательных методов над иными способами регулирования общественных отношений стало вполне закономерным явлением в процессе узурпации власти и установления диктатуры воинственно настроенных большевиков [1, с. 17–57]. С первых дней вооруженного октябрьского переворота они безоговорочно делают ставку на устрашение политической оппозиции и сочувствующему ей населению. В первых актах советской власти

упоминается возможность применения самых суровых мер юридической ответственности к противникам революции. Среди них и «немедленная кара», «беспощадное осуждение военно-революционным судом»¹, расстрел на месте преступления, объявление врагом народа и изменником революции², и прочие репрессивные меры. Также в числе упоминаемых мер принуждения весьма часто, а то и повсеместно значится арест. Основанием применения ареста в первые дни октябрьской революции являлось участие в несанкционированных забастовках, юнкерском мятеже, антиреволюционная пропаганда, неисполнение распоряжений советской власти, государственная измена и т.п. [2, с. 173, 212–213; 3, 281, 282, 289; 4, с. 7, 31] Петроградский военно-революционный комитет также предписывал производить аресты лиц осуществляющих спекулятивную деятельность [3, с. 406].

Применение ареста в советской России имело разные цели. *Во-первых, применялся он как мера процессуального пресечения*, когда арестованные препровождались в тюрьмы Кронштадта и содержались там до решения военно-революционного суда как, к примеру, по делам о спекуляции и саботаже³. *Во-вторых, как мера изоляции представляющих опасность для советской власти лиц*. Так в одном из предписаний Петроградского ВРК от 30 октября 1917 года было указано, что ротмистр Кручинин А.П. препровождается под арест до соответствующего правительственного распоряжения о нем [3, с. 371].

В некоторых случаях лиц препровождали под арест с указанием «впредь до особого распоряжения» [5, с. 164–165]. В одной из резолюций ВЦИК прямо было сказано, что не подлежат освобождению из-под ареста лица, которые угрожают завоеваниям революции⁴.

Особо активно арест в качестве «экстренной меры»⁵ принуждения с дальнейшей изоляцией лиц применялся в период реализации политики «красного террора». Приказом от 2 сентября 1918 г. ВЧК объявила своим местным органам о необходимости производства арестов в отношении «представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров». Данную категорию арестованных лиц в качестве заложников ВЧК предписывала заключать на неопределенный срок в концентрационные лагеря с дальнейшим привлечением осужденных к труду [6, с. 14]. В отдельных губерниях арестованных «заложников городской буржуазии и деревенских кулаков» содержали в специально создаваемых для этого арестных домах ЧК [7, с. 93].

В-третьих, как мера уголовного наказания. В радиোগрамме «армейским организациям о борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» от 10 ноября 1917 г. председатель СНК В. И. Ленин открыто объявил о беспощадной борьбе с некоторыми видами противоправных деяний. За совершение таких преступлений как спекуляция, мародерство, казнокрадство контрреволюция, дезорганизация продовольственной работы виновных лиц надлежало подвергать аресту с заключением в кронштадтской тюрьме [4, с. 69–70]. Отметим, что здесь уже нет оговорки об аресте с последующим преданием суду виновных лиц, как в некоторых других, более ранних нормативных актах.

По общему правилу юридический термин – «заключение» в советской России означал этапирование лица в пенитенциарное учреждение, в отношении которого уже вступил в силу приговор суда, с последующим отбыванием уголовного наказания⁶. Поэтому речь

¹ См.: Обращение к рабочим, солдатам и матросам Петрограда о соблюдении революционного порядка // Деревенская беднота. 1917. 1 (14) ноября.

² См.: Приказ комиссара Комитета военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций О. Гацука о немедленном выходе на работу рабочих и служащих комитета // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 3 ноября 1917 г.

³ См.: Предписание СНК от 10 (23) ноября 1917 г. о принятии решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа. // Собрание узаконений. № 3. 1917. Ст. 33.

⁴ См.: Резолюция ВЦИК от 6 (19) ноября 1917 г. о продолжении переговоров с другими партиями // Известия. № 218. 7 ноября 1917.

⁵ Несколько слов о предотвращении белогвардейских и кулацких выступлений в деревне // Ежедневник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. № 2. 1918. С. 10.

⁶ Народный комиссариат юстиции своим постановлением № 1 от 24 января 1918 г. «О тюремных рабочих командах» уточнял, что заключенные в тюрьмах делятся на две группы: арестованные (подследственные) и арестованные, осужденные судами // СУ. № 19. Отдел 1. Ст. 284.

здесь идет именно о внесудебных формах репрессий, которые советская власть время от времени начинает применять к ее противникам [8, с. 21].

Уже в 1920 году практика по применению ареста во внесудебном порядке получает достаточно широкое распространение в деятельности советских органов государственной власти, в том числе и на местах. Так одним из постановлений томской уездной тройки по сбору обмундирования от 12 ноября 1920 года агент губернского продовольственного комитета Д.П. Гейман за хищение обмундирования был приговорен к аресту с применением принудительного труда сроком на 3 месяца¹.

В-четвертых, как ответная мера в международных отношениях. Реакцией на захват Бессарабии Румынией со стороны СНК были массовые аресты членов румынского посольства во главе с послом Диаманди. Они были арестованы в качестве заложников, которых надлежало содержать до тех пор, пока не будет решен вопрос об освобождении окруженных и арестованных русских войск на фронте [4, с. 310].

Любопытен и тот факт, что арест в органах советской власти применялся и *как мера дисциплинарного взыскания*. Например, в приказе Енисейской губернской ЧК значиться, что заведующие отделами имеют право применять арест по отношению к своим сотрудникам за небрежное и халатное отношение к должностным обязанностям сроком до 10 суток. В этом документе также подчеркивалось, что лицам, подвергнутым дисциплинарному взысканию, жалование за дни ареста не выплачивается².

Первоначально правом на производство ареста обладали практически все без исключения советские органы и должностные лица, представители общественности. Весьма точно по этому поводу высказывается А.В. Крыжан. Данный автор подчеркивает, что «арестовывать считали себя вправе любые властные органы, особенно, если они носили чрезвычайный характер. В этом отношении характерна деятельность продовольственных комитетов» [9, с. 19].

Председатель СНК В.И. Ленин в своем обращении открыто призывал население производить аресты и предавать революционному суду всякое лицо, которое «посмеет вредить народному делу»³.

Часть лиц, подвергшихся аресту, содержалась в тюрьмах, некоторые в помещении того органа, который произвел их арест [2, с. 29]. Здесь следует отметить, что, в первые годы становления власти большевиков, в России фактически отсутствовали специальные учреждения для содержания лиц, находящихся под стражей, лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы на определённый срок [10, с. 13].

Регистрация арестованных, препровождаемых в пенитенциарные учреждения, производилась не всегда систематично и своевременно. Петроградский ВРК неоднократно настоятельно требовал от учреждений и должностных лиц организовать учет арестованных и систематически предъявлять информацию в форме справок «... с точным указанием, где каждый арестованный в данный момент находится под стражей» [3, с. 310, 325].

Бесконтрольность карательной деятельности, репрессивное законодательство повлекло за собой массовые злоупотребления и грубейшие нарушения, дискредитировавшие советскую власть в лице народа. В одном из протоколов заседаний ВЧК от 1918 года подчеркивалось, что в московских тюрьмах наблюдались и наблюдаются массовые беспорядки, чрезмерно высокая загруженность, в некоторых из них находятся арестованные «старым правительством, и их дела еще не рассмотрены» [11, с. 189].

Справедливости ради следует заметить, что некоторые шаги по установлению контроля за производством арестов все-таки предпринимались, однако де-факто эффект их был незначительным. Так в начале ноября 1917 г. Петроградский ВРК с целью недопущения полной дезорганизации правоприменительной деятельности революционных органов вводит запрет на производство их должностными лицами арестов без наличия соответствующего ордера [12, с. 11].

¹ Государственный архив Томской области. Ф. Р-202. Оп-2. Д. 9. Л. 49.

² Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

³ См.: Обращение Председателя СНК к населению о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах от 5 (18) ноября 1917 г. // Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 48-50.

Вслед за этим 10 ноября 1917 г. ВРК издает инструкцию, которая закрепила полномочия на производство арестов преимущественно за своими комиссарами. В этом документе было сказано, что производство арестов комиссарами ВРК допускается только в относительно определенных случаях «нарушителей революционного порядка и явных контрреволюционеров» [13, с. 39]. В дивизиях, бригадах и полках действующей армии комиссарам местных ВРК дозволялось производить аресты только в самом крайнем случае, когда это «единственное средство». При этом указанные должностные лица должны были не позднее 12 часов после ареста доложить об этом в военно-революционный комитет¹.

После упразднения ВРК некоторые его нормативные акты, регламентировавшие процессуальные основы производства арестов утратили силу. Данный круг вопросов теперь регулировался самостоятельно внутри каждого ведомства, которое обладало правом на производство арестов. По мнению Кобелевой Е. А., это объясняется тем, что руководство советского государства и РКП(б) не преследовали цели ставить силовые структуры в жесткие рамки, которые использовались для давления на политических противников [14, с. 17].

Главным образом этими ведомствами были ВЧК и НКВД, которые продолжили осуществлять охранительные функции принадлежавшие некогда Петроградскому ВРК. В одном из постановлений ВЧК от 22 марта 1918 г. было продекларировано, что право на производство всех арестов по делам о контрреволюции, спекуляции, злоупотребление по должности принадлежит исключительно местным ЧК [15, с. 103]. Советской милиции соответственно принадлежало право производить аресты в рамках расследования дел об общеуголовных преступлениях. Показательным в этом отношении является циркуляр начальника томской уездной милиции от 13 октября 1920 г., в котором устанавливался запрет на производство сотрудниками органов внутренних дел арестов по делам «политического характера». Согласно этому документу сотрудники милиции обязаны были «явным или тайным образом» собирать информацию, материалы о контрреволюционной деятельности в последующем направлять в губернскую ЧК, которая и принимает решение об аресте причастных к такой деятельности лиц².

Местные органы ВЧК имели право применять арест для пресечения и предупреждения «всякого рода контрреволюционных выступлений, погромов и черносотенных беспорядков». В инструкции от 1 декабря 1918 г. принятой на II Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий было сказано об аресте, который уездные ЧК в совокупности со штрафом могли применять в административном порядке сроком до 3 месяцев. Продление сроков содержания лиц под арестом, уже возможно было только с согласия руководящего состава губернской ЧК. В этом же документе отдельной статьей был прописан порядок производства арестов органами ЧК в отношении советских и партийных работников. В случае ареста данных лиц чекисты обязаны были не позднее 24 часов извещать об этом органы и учреждения где указанные лица служили [16, с. 80–91].

С целью осуществления функций контроля за соблюдением норм ведомственных актов о порядке производства арестов, решения иных процессуальных вопросов органами ЧК в их состав входили делегаты от светских органов власти и партийных комитетов [17, с. 569–571]. Однако, не смотря на эти меры в оперативно-служебной деятельности ЧК выявлялись грубейшие нарушения декретов советской власти. Об этом упоминается в приказе Президиума ВЧК от 28 февраля 1920 г. «О строгом соблюдении советских законов». Критике со стороны ВЧК подверглась именно деятельность ее местных органов в части информирования советских учреждений об аресте их сотрудников. Допуская подобные нарушения, органы ЧК «лишают возможности подготовить на место арестуемых других работников, что совершенно расстраивает работу учреждения» [18, с. 91–92].

В протоколе заседания ревкома Иркутской губернии от 15 июня 1920 г. по этому поводу сообщалось, что особый отдел ВЧК 5-й армии бесперывно производит аресты должностных лиц, без соблюдения необходимых условий, предусмотренных в декретах, без

¹ См.: Инструкция бюро ВРК 17-го армейского корпуса об организации дивизионных, бригадных и полковых военно-революционных комитетов и учреждений должности комиссара от 25 ноября 1917 г. [13, с. 193].

² Государственный архив Томской области. Ф. Р-425. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

предъявления «инкриминирующего характера (материала), ... арестованное лицо большей частью не успеваает даже сдать дела своим заместителям»¹.

В одном из докладов заведующего отделом рабоче-крестьянской инспекции в Иркутской губернии сообщалось, что при обследовании мест заключения «видно: из общего числа 536 заключенных числящихся за ГубЧК, не допрошено ни разу; 1/3 всего состава в течение 2-3 месяцев и почти 1/2 не предъявлено обвинение, многие сидят без приговора 4-5 месяцев»².

Было бы несправедливо акцентировать внимание только на многочисленных нарушениях, допускавшихся органами ЧК при производстве арестов. Подобные недостатки имели место и в деятельности рабоче-крестьянской милиции. Из материалов Балашовского уездного исполкома в Саратовской губернии следует, что сотрудники милиции производят аресты и «не записывают арестованных» в соответствующую книгу, отбирают у арестованных крупные суммы денег, аресты производят без надлежащих на то оснований [19, с. 37].

Резюмируя все вышесказанное, хотелось бы отметить, что арест в период становления и организации публичной власти большевиков, являлся одной из самых распространенных мер принуждения, применявшейся к лицам, совершившим противоправные деяния и подозреваемым в их совершении. Но не смотря на активную и широкую практику применения этой меры с процессуальной стороны она не получила должной законодательной регламентации. Советские нормативно-правовые акты лишь устанавливали возможность применения ареста в том или ином случае, но не содержали указания в качестве какой меры принуждения.

В условиях господства революционной целесообразности над законом, арест по усмотрению сотрудников органов советской власти применялся в зависимости от военной, политической обстановки на той или иной территории государства и как мера уголовно-процессуального принуждения и уголовного наказания, дисциплинарного взыскания и даже как способ изоляции лиц в пенитенциарные учреждения по классовому принципу.

Список источников

1. Борисов Г. Диктатура пролетариата и социально-философское обоснование. Петербург, 1920.
2. Военно-морской Революционный комитет. Сборник документов. Ленинград, 1975.
3. Петроградский ВРК. Документы и материалы. Т. 1. М., 1966.
4. Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957.
5. ВРК действующей армии: 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1977.
6. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 14.
7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД 1918–1939. Документы и материалы в 4-х томах. Т. 1. 1918–1922. М., 1998.
8. Емельянов В. Н. История создания и правовое обеспечение деятельности политической юстиции Башкирской АССР в 1917-1941 годах: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
9. Крыжан А. В. Становление и развитие местных органов советской власти. 1917–1922 гг. (на материалах Курской губернии): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Курск, 2010.
10. Пименов К. А. Советская пенитенциарная система на Урале в 1817-1930-е гг. (историко-правовое исследование): автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
11. Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007.
12. Петроградский ВРК. Документы и материалы. Т. 2. М., 1966.
13. Военно-революционные комитеты действующей армии: 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1977.
14. Кобелева Е.А. Место и роль органов ЧК в процессе становления советского государства. 1918 – начало 1922 гг. (на материалах Пермского Прикамья): автореф. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005.

¹ Государственный архив Иркутской области. Ф. 42. Оп. 1. Д. 111. Л. 36.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 71. Л. 1.

15. Из истории ВЧК (1917-1922 г.): сборник документов. М., 1958.
16. ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. М., 1995.
17. Декреты советской власти. М., 1968. Т. IV.
18. Нормативно-правовые акты об организации и оперативно-служебной деятельности органов ВЧК: хрестоматия / Сост. Е.А. Шаталов. Абакан, 2011.
19. Саратовская губернская милиция: Документы и материалы (октябрь 1917-май 1928) / Сост. А. В. Афанасьев. Саратов, 2002.

References

1. Borisov G. *Dictatorship of the proletariat and socio-philosophical justification*. Peterburg; 1920. (In Russ.)
2. *Naval Revolutionary Committee*. Collection of documents. Leningrad; 1975. (In Russ.)
3. *Petrograd VRK*. Documents and materials. Т. 1. Moscow; 1966. (In Russ.)
4. *Decrees of Soviet power*. Т. 1. Moscow; 1957. (In Russ.)
5. *Military Revolutionary Committee of the Army: October 25, 1917 – March 1918*. Moscow, 1977. (In Russ.)
6. *Gulag (General Directorate of Camps)*. 1918-1960. Comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow; 2000. (In Russ.)
7. The Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD 1918-1939. Documents and materials in 4 volumes. Т. 1. 1918–1922. Moscow; 1998. (In Russ.)
8. Emelyanov V. N. The history of the creation and legal support of the activities of political justice of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1917-1941: author.... dis. cand. jurid. sciences. Volgograd, 2006. (In Russ.)
9. Kryzhan A. V. Formation and development of local bodies of Soviet power. 1917-1922 (based on materials from the Kursk province): author.... dis. Ph.D. History of Sciences. Kursk, 2010. (In Russ.)
10. Pimenov K. A. *Soviet penitentiary system in the Urals in the 1817-1930s. (historical and legal research)*: author.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2010. (In Russ.)
11. *Archive of the VChKa*: Collection of documents. Moscow; 2007. (In Russ.)
12. *Petrograd VRK. Documents and materials*. Т. 2. Moscow; 1966. (In Russ.)
13. *Military revolutionary committees of the army: October 25, 1917 - March 1918*. Moscow; 1977. (In Russ.)
14. Kobeleva E.A. *The place and role of the ChK organs in the process of formation of the Soviet state. 1918 – early 1922 (based on materials from Perm Prikamye)*: author.... Ph.D. History of Sciences. Perm; 2005. (In Russ.)
15. *From the history of the ChK (1917-1922): a collection of documents*. Moscow; 1958. (In Russ.)
16. *VCHK-GPU. Documents and materials*. Moscow; 1995. (In Russ.)
17. *Decrees of Soviet power*. Moscow; 1968. Т. IV. (In Russ.)
18. *Regulations on Organization and Operational Activities of ChK Bodies: Textbook*. Comp. E.A. Shatalov. Abakan; 2011. (In Russ.)
19. *Saratov provincial police: Documents and materials (October 1917-May 1928)*. Comp. A.V. Afanasyev. Saratov, 2002. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Шаталов – канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the author

Shatalov E. A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of Department of Theory and History of the State and Law of Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 28.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 62–69
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(2):62–69

Проблемы конституционного и международного права

Научная статья

УДК 341

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-62-69

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Лариса Ивановна Волова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, volova-li@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается сущность цивилизационного подхода к применению важнейших институтов международного права. В ней анализируются проблемы взаимодействия европейской и восточно-азиатской цивилизаций и международного права. Показана особенность цивилизационного подхода к оценке основных институтов международного права. Автором дана оценка практики применения важнейших институтов международного права в государствах европейской и восточно-азиатской цивилизаций. Сделаны выводы о различиях в использовании определённых институтов и в деятельности некоторых институциональных структур. Выделены положительные качества этих процедур для восприятия другими государствами, в частности, Россией.

Ключевые слова: диалог цивилизаций, институты международного права, цивилизационный подход, институции и форумы стран Восточной Азии, движение «снизу вверх», движение «сверху вниз», гуманизм

Для цитирования: Волова Л. И. Влияние фактора взаимодействия цивилизаций на сотрудничество государств в сфере международного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 62–69. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-62-69>

Problems of Constitutional and International Law

Original article

THE INFLUENCE OF THE FACTOR OF INTERACTION OF CIVILIZATIONS ON THE COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF INTERNATIONAL LAW

Larisa I. Volova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, volova-li@yandex.ru

Abstract. The article reveals the essence of the civilizational approach to the application of the most important institutions of international law. It analyzes the problems of interaction between European and East Asian civilizations and international law. The peculiarity of the civilizational approach to the assessment of the main institutions of international law is shown. The author evaluates the practice of applying the most important institutions of international law in the states of European and East Asian civilizations. Conclusions are drawn about the differences in the use of certain institutions and in the activities of some institutional structures. The positive qualities of these procedures for the perception of other states, in particular, Russia, are highlighted.

Keywords: dialogue of civilizations, institutions of international law, civilizational approach, institutions and forums of East Asian countries, movement "from bottom to top", movement "from top to bottom", humanism

For citation: Volova L. I. The influence of the factor of interaction of civilizations on the cooperation of states in the field of international law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):62–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-62-69>

Под понятием «цивилизация» исследователи имеют в виду определенную ступень в историческом развитии географических регионов земного шара, основу которой составляет формирование социальных связей людей, объединяемых в сообщества как единую целостность. Сформировавшиеся сообщества создают нормы поведения, регулирующие весь комплекс отношений между людьми в сообществе и самого сообщества с другими подобными структурами. В каждом из таких сообществ людей накапливаются духовные и поведенческие ценности, разделяемые большинством из них, которые они намерены сохранять и защищать. При этом очень важно добиваться того, чтобы возникшие сообщества с уважением относились к духовным ценностям и правилам поведения друг друга, находили возможность устанавливать связи между собой, переходящие в сотрудничество, а также разрабатывать совместно приемлемые нормы поведения для всех, отражающие взаимные интересы и обеспечивающие общий правопорядок.

Одним из главных механизмов для реализации и защиты ценностей цивилизации является международное право, обладающее необходимыми правовыми инструментами для этого. Нормы международного права представляют собой правила поведения, которым в идеале должны следовать государства всех цивилизаций, взаимодействуя друг с другом во взаимных интересах, хотя на практике бывает иначе.

Как справедливо замечает Зазаева Н.Б., «правовая обязанность включает в себя добровольное подчинение государств понимаемым ими и принимаемым объединяющих их обязательств» [1, с. 10].

Государства в лице своих органов выступают в качестве гаранта государственной безопасности, личной и общественной безопасности граждан и созданных ими объединений и структур, а также осуществляют законотворческую деятельность, создавая и развивая своё законодательство, а также разрабатывая нормы международного права.

Для этого государства в интересах национальной безопасности и обеспечения правопорядка определяют для себя пределы использования принуждения и силы во внутрисоциальных и международных отношениях. На этот процесс оказала влияние глобализация, которая привела к интенсификации межгосударственных связей и в первую очередь в экономической и информационной сферах, способствовала активизации процесса заимствования государствами институциональных, технологических, нормативных моделей у других государств и цивилизаций, глобализация повлияла также на обострение конкуренции между государствами в кардинально меняющемся миропорядке.

В современном мире общечеловеческие ценности, заложенные в нормах международного права, должны признаваться в качестве общецивилизационных стандартов. Задачей международного права и стандартов цивилизаций должно быть сближение интересов государств и государственных политик и содействие налаживанию диалога между цивилизациями.

Исследователями точно не установлено, сколько цивилизаций существует в мире в настоящее время, они обращают внимание лишь на их множественность [2, с. 36]. Примечательно, что в качестве общецивилизационных стандартов они признают базовые основы и основные принципы международного права.

Инициатором организации движения за диалог между цивилизациями стал тогдашний президент Ирана М. Хатами еще в 1998 г., данная инициатива была поддержана и в рамках ООН на заседании Генеральной Ассамблеи ООН специально обсуждался вопрос о диалоге между цивилизациями.

С докладом 9 ноября 2000 г. выступил Генеральный секретарь ООН. 2001 г. был объявлен годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН¹. А в ноябре 2001 г. Генеральной Ассамблей ООН был принят документ под названием «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями», который определил диалог цивилизаций как «процесс, идущий

¹ Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями. Принята резолюцией 56/6 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 ноября 2001 г. Организация Объединенных Наций. – URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dac_agenda.shtml

внутри цивилизаций и на их стыке, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога»¹.

В 2002 г. все также под эгидой ООН был издан сборник «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями», названный авторами манифестом новой парадигмы глобальных отношений. По их мнению, установление диалога цивилизаций возможно на основе общего понимания необходимости усиления заинтересованности всех в будущем планеты.

В государствах восточного цивилизационного типа роль государства в управлении экономикой усилена, правовые режимы торговли более жесткие, в системе общественных ценностей преобладает все коллективное, государственное.

Как известно, первые цивилизации возникли на Востоке: Древний Китай, Древняя Индия. Позднее возникли цивилизации – империи в Европе, Азии, на Среднем Востоке.

Классическое международное право создавалось странами Запада, к тому же международно-правовая доктрина формировалась прежде всего в странах Европы, поскольку в них наиболее сильны были зачатки международно-правового сознания, в них формировались принципы, отражающие «европейские особенности».

Источниками международного права признавались обычаи, договоры, а позже нормы «естественного права» были признаны в качестве самостоятельного источника.

Главными в международном праве стали нормы, регулирующие правоотношения, касающиеся войны и мира, суверенитета и равноправия государств, дипломатических отношений и порядка проведения международных конференций.

Под влиянием законодательства западных стран международное право легализовало деление мира на «цивилизационные» и «нецивилизационные» народы. При такой ситуации взаимодействие государств европейской цивилизации и заморских территорий приняло форму эксплуатации, неэквивалентного обмена продукцией и товарами, получением односторонней выгоды странами Европы. Международное право в основном развивалось под воздействием стран Запада, благодаря доминированию США.

К признакам отнесения государств к одной цивилизации можно отнести: принадлежность к одному континенту, географическому району или интеграционному объединению, наличие у государств общих ценностей и интересов [3, с. 11]. Являясь мостом между Европой и Азией, Россия сама по себе является самостоятельной цивилизацией, со своей исторической территорией и судьбой, с присущей ей иерархией идеалов и ценностей, со своими традициями и особенностями менталитета граждан [4, с. 95].

Российский исследователь Дугин А.Г. называет Россию евразийским государством-цивилизацией [5, с. 35]. Учитывая это, профессор Шумилов В.М. считает, что «России следует противопоставить «международному праву Запада» формирование «международного права Востока» [4, с. 107].

Становление основ этой новой международно-правовой системы началось, и, хотя идет не так быстро, но этот процесс продолжается путем разработки норм международного права в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС и других структур.

Уже постепенно формируется многополярный мир, основанный на взаимодействии основных из действующих цивилизаций без диктата стран Запада и навязывания ими своих ценностей силовым путем. Принципиально важно укрепление сотрудничества России именно с цивилизацией государств Восточной Азии по широкому кругу отношений и на равноправной основе.

Сама ситуация требует поворота России на Восток, поэтому необходимо интенсифицировать этот процесс. России целесообразно ориентироваться на могущественную региональную державу, на крупнейшего торгового партнера – Китай, учитывая единую естественную географическую принадлежность обоих государств, наличие исторических, культурно-политических связей, общих ценностей, неприятия давления США и стран Западной Европы.

---

¹ Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями...

Международное право в силу собственной природы является правом, признаваемым и соблюдаемым государствами разных цивилизаций, поскольку оно обладает инструментами восприятия идеалов и интересов государств разных цивилизаций, в этом состоит его истинное предназначение.

Универсальное международное право развивается на основе диалога между цивилизациями, что должно обеспечить его жизнеспособность [6, с. 142–143].

Цивилизационный подход представляет возможность переосмыслить сущность международного права в связи с новыми историческими условиями [7, с. 52–53].

В настоящий очень сложный период Россия задумывается о повороте на Восток, о политическом и экономическом сближении с государствами Азиатского континента, поскольку нашей стране приходится противостоять США и коллективному Западу, проводящим враждебную политику по отношению к самой стране и нашему народу и продолжающими накладывать на российскую экономику беспрецедентные санкции.

Российское руководство осознает, что противостоять такому давлению может только сильное, единое, сплоченное, экономически стабильное государство, основанное на исторических, духовных, культурных, религиозных и цивилизационных ценностях, сочетающее в себе эффективно действующую государственную власть и сплочённое гражданское общество.

Руководствуясь этим, Россия, избравшая путь самостоятельного проведения своей внешней и внутренней политики, демонстрирует укрепление стратегического партнерства, а в перспективе и союза с Китаем, а также активизации политического и экономического сотрудничества с Индией и рядом других азиатских стран, близким нам по цивилизационному подходу и подходу к международному праву. Мы находимся с этими государствами в едином пространстве – Евразии и нас объединяют глубокие исторические и цивилизационные связи.

Россия выступает за мирное, безопасное, устойчивое экономическое развитие мирового сообщества в целом, за многополярный мир и новый более справедливый миропорядок.

Необходимость сохранения своей безопасности, отстаивание своих геополитических интересов с неизбежностью привело Россию к поиску новых партнеров из своей и близких по интересам и ценностям цивилизаций. Такой шаг может помочь сохранению стабильности международного права и дальнейшему его развитию.

Россия как евразийское государство вполне успешно может интегрироваться в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), который является третьим по значению центром экономической интеграции в мире. Но именно в нем наиболее сильны и заметны межцивилизационные противоречия и различия в интересах между развитыми и развивающимися странами.

Соответственно также отличаются друг от друга доктринальные подходы ученых к формам экономического сотрудничества государств и к интеграции в целом, а также разнятся внешнеполитические и правовые позиции заинтересованных государств [8, с. 245].

На сегодняшний день стало понятно, что в XXI веке экономическое развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона в значительной степени будет определять и уже определяет основные направления развития и пути эволюции мировой экономики. Это связано в том числе и с тем, что в АТР активно функционируют международные организации и иные институты, деятельность которых направлена на достижение эффективного экономического сотрудничества государств данного региона и получение высоких показателей в экономике.

Особую роль среди них играют такие известные организации государств Восточной Азии, как АСЕАН и АСЕАН Плюс Три (АПТ).

На практике нужно учитывать различия между европейской и азиатской цивилизациями [9, с. 153].

Так, принципы внутренней организации и деятельности институций Восточной Азии заметно отличаются от тех, которые положены в основу функционирования европейских международных организаций и интеграционных объединений [2, с. 190; 6, с. 143].

Учитывая эти несоответствия и желая изменить ситуацию, США и страны Западной Европы требуют от государств Восточной Азии «не бежать от легализации» и встать на путь

традиционного для этих государств регулирования взаимного сотрудничества, основанного на принципе субординации, т.е. подчинении государств решениям, принятым органами тех или иных институций, на базе юридически обязывающих соглашений, а не политических актов, как это имеет место в институциях государств Восточной Азии.

В отличие от практики европейских стран, государства Восточной Азии продолжают придерживаться чаще всего иного, но от того не менее эффективного способа организации экономического сотрудничества в рамках создаваемых структур, основанного не на субординации, а на консенсусе (всеобщем согласии) принятия решений всеми государствами-участниками. Такую систему управления и организации работы форума ряд исследователей определяют как «управление без правительства».

Изучение и анализ практики организации и проведения так называемых форумов стран Восточной Азии важно по следующим основаниям: 1) их опыт будет полезен для использования государствами других регионов; 2) четкое понимание стратегии развития, используемой в нынешних условиях странами Восточной Азии, очень необходимо России именно сейчас для налаживания экономического сотрудничества со странами этой цивилизации, поскольку нашей стране в обстановке давления и беспрецедентных санкций со стороны США и коллективного Запада необходимо развивать восточное направление своей внешней политики, в первую очередь в экономической сфере, с тем, чтобы в итоге занять достойное место на азиатских рынках.

Форумы стран Восточной Азии не соответствуют признакам международных межправительственных организаций, обладающих международной правосубъектностью и правом, предоставленным им государствами-членами, разрабатывать и принимать акты, в том числе юридического характера. В отличие от этого форумы стран Азии по своим признакам не следует относить к субъектам международного права. К тому же, принимаемые на их заседаниях акты с формальной точки зрения являются актами самих государств-членов, а не органов, созданных форумами. Именно поэтому такие образования как форумы стран Азии представляют собой подходящие площадки для выработки и принятия совместных решений их государствами-участниками, а не международными организациями, обладающими установленными в их уставах полномочиями.

По нашему мнению, есть несколько оснований для этого. Во-первых, международно-правовые механизмы и институты в меньшей степени встроены в практику взаимодействия государств в этом регионе, чем в США и западных странах. Во-вторых, существенные различия в подходах к решению международных проблем, имеющие место между самими странами Азии, не способствуют созданию ими правосубъектных организаций и принятию юридически обязывающих решений. В-третьих, государствам Азии присуща особая сдержанность, осторожность в высказываниях, стремление от молчаться и не раскрыть публично свою позицию по спорному вопросу. Достаточно сказать, что документы, подписываемые руководителями России и Китая после встреч на официальном уровне, именовались «декларациями».

Примечательно, что страны Азии очень дорожат своим суверенитетом и опасаются его ограничения и потери независимости. Они близко к сердцу принимают любое вмешательство в их внутренние дела.

У государств Азии имеются различные возможности по продвижению вперед идеи интеграции в рамках региона, к тому же они имеют разные представления о том, какими должны быть ее конечные цели.

Все вышесказанное дает основание полагать, что в ближайшее время не ожидается ускорение процесса укрепления институционального механизма форумов государств Восточной Азии. Пока не имеется ни объективных, ни субъективных оснований для значительных изменений самой природы и организационных форм форумов государств Восточной Азии, они остаются лишь приемлемыми для государств-участников площадками для обсуждения стратегических и тактических проблем и принятия, как правило, путем консенсуса политических документов, отражающих интересы всех участников.

Кроме того, следует учитывать тот факт, что несмотря на то, что западные государства определяют форумы стран Восточной Азии как «институты без легализации», они характеризуются высоким качеством организационных структур, обеспечивающих все условия для согласованного взаимодействия государств-участников с целью достижения поставленных задач. В рамках форумов Восточной Азии можно выделить три основных уровня функционирования должностных лиц государств-участников, на каждом из которых решаются особые задачи.

На первом уровне определяется стратегия работы самого форума, организуются ежегодные саммиты лидеров государств-участников, на которых принимаются декларации и заявления, определяющие задачи и направления деятельности государств-участников в рамках форумов, а также меры по реализации принятых документов.

Второй уровень можно определить как уровень «оперативного управления» процессами, происходящими в группах стран, а также управления проектами, реализуемыми в рамках форумов. На этом уровне организуются встречи министров экономики стран-участников, важнейшей задачей которых признается определение приоритетных форм сотрудничества, обсуждение и одобрение новых совместных экономических проектов и определение мер контроля за их реализацией.

Третий уровень может быть обозначен как уровень проведения исследований и их претворения в жизнь, в рамках которого организуются встречи старших должностных лиц, ответственных от государств за реализацию проектов и программ по конкретным формам сотрудничества.

Важнейшей особенностью организационной процедуры форумов стран Восточной Азии является широкое использование в их рамках возможностей негосударственных субъектов права с целью более успешной выработки общей позиции государств-участников и принятия перспективных решений, этому способствует использование потенциала не только государственных правительственных структур, но и интеллектуального потенциала частных исследователей и частных организаций, не связанных формальными отношениями со своим руководством и не обязанных руководствоваться политической целесообразностью и государственными интересами.

В западных странах такой подход не применяется, хотя при его использовании повышается эффективность, практическая значимость и исполняемость принимаемых решений и одобряемых проектов.

Положительным результатом взаимодействия стран Восточной Азии в рамках региональных институций стало создание хорошо структурированной системы органов таких структур и четкий порядок одобрения и реализации предлагаемых государствами-участниками проектов и вносимых инициатив.

Любой подобный проект или инициатива, чтобы быть принятыми, должны пройти через каждый из трех уровней обсуждения и получить одобрение всех участников.

Эта модель преобразования «идеи одного» в «согласованную идею многих», в разработку которой были включены и негосударственные участники, в значительной степени влияет на улучшение качества проекта или инициативы и повышение эффективности их реализации.

Оценивая организационную работу форумов государств Восточной Азии, необходимо брать во внимание тот факт, что она определяется потребностью самих государств-участников в этих форумах и спецификой их взаимоотношений в их рамках.

Анализ процедуры проведения форумов государств Восточной Азии, позволяет сделать вывод, что их государства-участники пока не готовы к такому переходу от разработки политических актов к заключению международных договоров по регулированию основных форм сотрудничества на региональном и универсальном уровне. Они продолжают функционировать путем организации заседаний рабочих групп, проведения различного вида встреч, на которых принимаются их итоговые документы, именуемые декларациями, не обладающими юридической силой, что доказывает нежелание участников форумов пока легализовать свои отношения в рамках соответствующих структур.

Модель организации деятельности в виде созыва форумов может быть определена как движение «снизу-вверх», отличающееся тем, что на первом этапе на низшем уровне в течение достаточно длительного времени производится согласование позиций государств-участников по заранее определенным проблемам и предпринимаются первостепенные действия по их решению. И лишь после этого нарабатывается практика по данному этапу. И только после анализа этой практики в случае необходимости государства-участники создают институциональные структуры, разрабатывают нормативные и организационные механизмы, способные повысить эффективность и углубить их сотрудничество в конкретных областях, в первую очередь в экономической сфере.

Одним из особенностей рассматриваемой структуры является широкое использование в ее рамках формы принятия решений путём консенсуса, т. е. достижения согласия всех участников, которая особенно подходит для достижения согласованных решений по самым сложным проблемам, позволяет достигать компромиссов в особо трудных ситуациях.

Рассмотренный выше подход в значительной степени отличается от подхода европейских государств и США, которые в отличие от восточноазиатских стран открыто проявляют свою поддержку легализации взаимных отношений и созданию формальных процедур. Модель их действий в рассматриваемой сфере может быть определена как движение «сверху вниз», характеризующееся тем, что в нем первостепенное значение отводится учреждению на высшем уровне вертикально структурированных институциональных структур и принятию правовых актов, обладающих юридической силой.

Только после этого и в соответствии с принятыми нормативными актами уполномоченные лица предпринимают действия по реализации одобренных проектов.

При этом полномочия между всеми структурами и их официальными лицами четко распределяются, чтобы не было параллелизма в их работе. Присущие форумам государств Восточной Азии организационный и нормотворческий механизмы дают возможность весьма успешно решать стоящие перед этими группами государств задачи, они соответствуют достигнутому уровню и характеру взаимоотношений государств-участников.

Используя набор разноуровневых методов и средств согласования воле государств-участников форумов, эти механизмы позволяют достаточно результативно пройти путь «снизу вверх» и выработать решения, отражающие интересы всех участников.

В заключение необходимо сформулировать следующие выводы: 1) диалог цивилизаций является основой формирования гуманного мироустройства, базирующегося на фундаменте принципа гуманизма; 2) основаниями для диалога цивилизаций должны быть универсальные, представляющие общий интерес, области международных отношений, в рамках которых возможно снимать различия в подходах к решению данных проблем между цивилизациями и возможно достигать консенсус между представителями различных цивилизаций; 3) опираясь на цивилизационный подход, Российской Федерации в сложившихся условиях целесообразно активизировать со странами азиатской цивилизации взаимовыгодные экономические отношения, в первую очередь взаимную торговлю, укрепить интеграционные связи с учетом особенностей форм их взаимодействия друг с другом, о которых говорилось выше.

Список источников

1. Зазаева Н. Б. Право как составляющая цивилизации // *Философия и общество*. 2007. № 2 (46). С. 10–18.
2. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями / Под ред. С. П. Капицы. М.: Логос, 2002. 192 с.
3. Скуратовская К. Г. Цивилизационные подходы в современных практиках международных отношений // *Известия Иркутского государственного университета*. 2015. Т. II. С. 45–51.
4. Шумилов В. М. Россия и Запад в контексте международного права и цивилизационного подхода // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2014. № 10. С. 93–110.
5. Дугин А. Г. Проект «Евразия». М.: Эксмо, Яуза, 2004. 400 с.

6. Захаров Т. В. Международное право в условиях множественности цивилизаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2020. №1. С. 142-151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-pravo-v-usloviyah-mnozhestvennosti-tsivilizatsiy>
7. Onuma P. Y. *International law in a transcivilization world*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2017. 711 p.
8. Капур Д. Диалог цивилизаций на пути к формированию философии гуманного мироустройства / Диалог цивилизаций и международные отношения в условиях глобализации: монография. М.; Н. Новгород: Бейрут, 2008. 247 с.
9. Anghie A. *Editorial Preface // Asian journal of international law*. Cambridge, 2019. Vol. 9. № 1. P. 153-154.

References

1. Zazaeva N. B. Law as a component of civilization. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 2007;2(46):10-18.
2. *Breaking barriers. Dialogue between civilizations*. (Ed.) S.P. Kapitsa. Moscow: Logos; 2002. 192 p. (In Russ.)
3. Skuratovskaya K. G. Civilization approaches in modern practices of international from relations. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Irkutsk State University*. 2015;(II):45-51. (In Russ.)
4. Shumilov V. M. Russia and the West in the context of international law and a civilizational approach. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2014;(10):93-110. (In Russ.)
5. Dugin A. G. *Project "Eurasia"*. Moscow: Eksmo, Yauza; 2004 400 p. (In Russ.)
6. Zakharov T. V. International law in the context of a plurality of civilizations. *Social and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and Law: Abstract Journal*. 2020;(1):142-151. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-pravo-v-usloviyah-mnozhestvennosti-tsivilizatsiy> (In Russ.)
7. Onuma P. Y. *International law in a transcivilization world*. Cambridge: Cambridge univ. press; 2017. 711 p.
8. Kapoor D. Dialogue of civilizations on the way to the formation of the philosophy of humane world order. In: *Dialogue of civilizations and international relations in the context of globalization: monograph*. Moscow – N. Novgorod: Beirut; 2008. 247 p. (In Russ.)
9. Anghie A. *Editorial Preface // Asian journal of international law*. Cambridge, 2019;9(1):153-154. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. И. Волова – докт. юрид. наук, проф. ЮФУ, Заслуженный работник высшей школы РФ.

Information about the author

L. I. Volova – Doctor of Law, Professor of Southern Federal University, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.05.2022; одобрена после рецензирования 31.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.
The article was submitted 17.05.2022; approved after reviewing 31.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ ВЕНЕСУЭЛЫ

Алексей Валерьевич Шидловский

Ростов-на-Дону, Россия, alexey.szydlowski@gmail.com

Аннотация. Вопрос об избирательных правах граждан является чрезвычайно важным и требует постоянного изучения ситуаций и проблем, связанных с особенностями их реализации. Все эти проблемы многообразны, а их специфика всегда обусловлена особенностями избирательной системы конкретной страны. Так, например, в одних странах наиболее актуальны проблемы, связанные с соблюдением прав коренных народов и участием их в политической жизни, в других актуальны проблемы, связанные с обеспечением гендерного равенства и функционированием политических партий. В зависимости от стран варьируются и способы решения проблем, связанных с надлежащей реализацией гражданами избирательных прав. Так, в странах Латинской Америки, к которым относятся и Венесуэла, эффективным механизмом, позволяющим одновременно развивать демократию в целом и избирательную систему в частности, являются органы электоральной юстиции. Вместе с тем, анализ особенностей избирательного процесса в Венесуэле показал, что электоральная юстиция в стране – это вовсе не элемент демократических выборов, а камень преткновения между оппозицией и последователями чавизма, характеризующаяся тем, что демократические принципы свободы и справедливости грубо и систематически нарушаются, а выборы фактически стали инструментом авторитарного правления, который даже спустя восемь лет после смерти его основателя продолжает господствовать в стране.

Ключевые слова: электоральная юстиция, Венесуэла, избирательное право, чавизм, демократические принципы, избирательный процесс

Для цитирования: Шидловский А. В. Электоральная юстиция Венесуэлы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 70–74. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-70-74>

Problems of Constitutional and International Law

Original article

ELECTORAL JUSTICE OF VENEZUELA

Alexey V. Szydlowski

Rostov-on-Don, Russia, alexey.szydlowski@gmail.com

Abstract. The issue of citizens' electoral rights is extremely important and requires constant study of situations and problems related to the peculiarities of the implementation of such rights. The above-mentioned situations and problems are diverse, and their specificity is always due to the peculiarities of the electoral system of a particular country. For example, in some countries, the most urgent problems are related to the observance of the rights of indigenous peoples and their participation in political life, in others, problems related to ensuring gender equality and the functioning of political parties are relevant. Depending on the countries, the ways of solving problems related to the proper implementation of the electoral right by citizens also vary. Thus, in the countries of Latin America, which includes Venezuela, the electoral justice bodies are an effective mechanism for simultaneously developing democracy in general and the electoral system in particular. At the same time, the analysis of the peculiarities of the electoral process in Venezuela showed that electoral justice in the country is not at all an element of democratic elections, but a stumbling block between the opposition and the followers of Chavismo, characterized by the fact that the democratic principles of freedom and justice are grossly and systematically violated, and the elections have actually become an instrument of authoritarian rule, and even 8 years after the death of its founder, continues to dominate the country.

Keywords: electoral justice, Venezuela, electoral law, Chavismo, democratic principles, electoral process

For citation: Szydlowski A. V. Electoral justice of Venezuela. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):70–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-70-74>

Венесуэльская демократия возникла в результате длительного процесса политического обучения страны на своих ошибках и желании как можно быстрее сделать общество демократическим. Так, уроки, полученные в результате провала демократического эксперимента, проведенного партией «Демократическое действие» (Acción Democrática) в 1945-1948 годах, заложили базу для заключения в 1958 году соглашения о признании выборов между основными партиями страны, также известного как пакт Пунтофихо. Данный Пакт стал своего рода письменной гарантией того, что подписавшие его стороны будут уважать будущие результаты выборов, и, что самое главное, предотвращать однопартийную гегемонию [1].

После подписания вышеназванного Пакта в Венесуэле началась так называемая эпоха политической стабильности, а лидеры страны в это время были особенно склонны прислушиваться к урокам о разрушительных последствиях однопартийности. Кроме партии «Демократическое действие» в стране наиболее важной группой была «Социал-христианская партия» (COPEI), убеждения которой сводились к тому, что политическая стабильность зависит исключительно от антидемократических сил, таких, как левые партизаны и правые милитаристы, которые совершали нападения. Хотя этот режим стабильности повлек за собой нарушения прав человека, демократия в стране в итоге действительно восторжествовала.

Преимущество венесуэльской демократии основывалась на доходах от нефти. При этом как политическая стабильность, так и зависимость от нефти возросли после национализации отрасли в 1974 г. В 1970-х гг. как «Демократическое действие», так и «Социал-христианская партия», были преобладающими партиями, набирая на выборах более 80 процентов голосов. Остальные же голоса распределялись между небольшими группами ультрарадикальных левых партий, яростно бросающих вызов правительству страны. Эта исключительная политическая стабильность в регионе, страдающем от авторитарных режимов, была основана на массовом распределении нефтяной ренты. Однако к 1980-м гг. цены на нефть резко упали, а внешний долг Венесуэлы резко возрос [2]. В 1983 г. правительство обесценило боливар, что стало началом эпохи, в которой избиратели среднего класса, как и политическая база обеих некогда властвующих партий, постепенно отстранилась от избирательного процесса из-за экономического кризиса, усугубляемого вопиющей коррупцией.

Политическая неудовлетворенность демократической политикой Венесуэлы стала очевидной благодаря снижению явки на выборах в период с 1983 г. до момента избрания в 1988 г. Карлоса Андреса Переса президентом. Вскоре после его инаугурации повышение розничных цен на бензин и транспортных тарифов вызвало массовые протесты, грабежи и насилие, основная масса которых приходилась на столицу страны Каракас. Сотни людей погибли от рук сил безопасности страны, однако даже две попытки государственного переворота в 1992 г. не привели к свержению правительства. Разрушительными лишь были политические последствия таких переворотов. К. Пересу в 1993 году Конгрессом был объявлен импичмент в ходе спорного процесса в 1993 году. В том же году наступил критический для страны момент, когда Рафаэль Кальдера, бывший лидер партии COPEI, победил на президентских выборах при поддержке коалиции, действующей вне системы партии «Демократическое действие». После своего избрания Р. Кальдера помиловал лидера оппозиции и зачинщика попытки государственного переворота в феврале 1992 г. Уго Чавеса, победившего на выборах 1998 года. Именно с момента избрания У. Чавеса в Венесуэле началась новая демократическая эпоха, особую роль в которой сыграли органы электоральной юстиции [1, 3].

После своего избрания У. Чавес заявил о народном мандате на конституционную реформу, а Верховный суд Венесуэлы санкционировал выборы в учредительное собрание. 15 декабря 1999 года при среднем проценте явки избирателей на референдуме более чем с 95 процентами голосов была ратифицирована новая конституция страны. На следующих выборах в 2000 году У. Чавес был переизбран с 59,8 процентами голосов.

Однако такой исход событий не устраивал почти половину населения страны, поэтому после выборов президента продолжались протесты, кульминацией которых стала всеобщая забастовка, начавшаяся в декабре 2002 г. Забастовка длилась более двух месяцев и практически полностью «задушила» экономику страны, при этом одновременно добиться свержения президента не удалось, а тактика оппозиции была дискредитирована.

В августе 2004 г. У. Чавес одержал очередную победу на референдуме, набрав почти 60 процентов голосов. Оппозиционные партии решили бойкотировать парламентские выборы 2005 г., заявив о недостатках в списках избирателей и системе сканирования отпечатков пальцев, которые поставили под угрозу голосование и его секретность.

Однако, никаких действий по разрешению спорной ситуации органами электоральной юстиции страны предпринято не было, а президент в свою очередь передал почти монопольный контроль над Национальным собранием правящей коалиции до конца 2010 года. На президентских выборах в декабре 2006 г. У. Чавес убедительно выиграл еще один срок на этом посту, набрав около 63 процентов голосов при голосовании, в котором явка составила 75 процентов. В 2009 г. после конституционной поправки о возможности неограниченного количества раз переизбираться на все государственные должности политический режим Венесуэлы стал более авторитарным – демократические принципы свободы и справедливости глубоко и систематически стали нарушаться, а выборы превратились в инструменты авторитарного правления [2, 4–5]. Правительство контролировало избирательный орган и манипулировало избирательным законодательством, а финансирование партий и избирательных кампаний было крайне непрозрачно, при этом правительство незаконно и неэффективно использовало государственные ресурсы для политических кампаний.

Доверие к венесуэльской избирательной системе возросло лишь с триумфом оппозиции в Национальном собрании страны в 2015 г., однако именно с этого момента начался ожесточенный институциональный конфликт, который практически распустил парламент. С тех пор, как оппозиционное большинство попало в Парламент, Парламент не смог выполнить свой мандат в полном объеме, а его функции стали предметом спора между Национальным учредительным собранием, избранным на выборах, и Конституционной палатой Верховного Суда Венесуэлы (далее – Конституционная палата), которая продемонстрировала свое подчинение режиму У. Чавеса, также называемому чавизмом.

В действительности же действия Конституционной палаты можно назвать узурпацией функций законодательной власти, которые не входят в ее компетенцию. Так, согласно ст. 2 Закона Венесуэлы о Верховном суде, Верховный суд является частью системы правосудия, высшим руководящим органом судебной системы и пользуется функциональной, финансовой и административной автономией. В качестве руководителя судебной системы и самого высокого представителя он отвечает за руководство и управление судебной системой, включая составление и исполнение ее бюджета, а также за инспекцию и надзор за деятельностью судов Республики и государственных защитников в соответствии с Конституцией Республики и законами¹. Перечень полномочий Верховного суда Венесуэлы вполне конкретен.

К аналогичному выводу приходят и эксперты местного уровня, отмечая, что вмешательство Конституционной палаты возросло до такой степени, что она уже не только узаконивает то, что делает исполнительная власть, но и непосредственно становится репрессивной рукой режима, заключая в тюрьму и преследуя оппозиционеров без должного процесса или права на защиту, прямо нарушая основные демократические принципы и не выполняя истинные функции органа электоральной юстиции [6].

Такая ситуация с защитой избирательных прав в Венесуэле и организацией избирательного процесса в стране в целом видится весьма странной с учетом того, что данное государство является федеративной республикой с пятью ветвями власти: исполнительной, законодательной, судебной, гражданской и избирательной ветвями. Исполнительную власть представляет Президент, который является одновременно Главой государства и Правительства. Он избирается простым большинством голосов или голосованием после первого голосования, прямым и всеобщим голосованием. Законодательный орган – Национальное собрание, первоначально был двухпалатным органом в соответствии с Конституцией Венесуэлы 1961 г. Он стал однопалатным органом в составе 165 представителей с момента ратификации Конституции в 1999 г., а затем с 2016 г. в составе 167 представителей.

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://transparencia.org.ve/project/ley-organica-del-tribunal-supremo-de-justicia/> (дата обращения 14.08.2021 г.)

Члены избираются всенародным голосованием в соответствии с пропорциональным представительством на пятилетний срок, при этом три места зарезервированы для представителей коренных народов. Судебную власть возглавляет Верховный суд, включающий в себя 32 магистрата, составляющих судебную систему, каждый из которых избирается Национальным собранием для одного 12-летнего срока.

Избирательная ветвь власти – это Национальный избирательный совет, который отвечает за проведение выборов на всех уровнях. Он организует и контролирует все, что связано с выборами государственных должностных лиц путем всеобщего, прямого и тайного голосования. Его члены избираются Национальным собранием на семилетний срок. При этом конституционными предписаниями на Национальный избирательный совет возложена также ответственность за надзор и контроль за избирательными процессами в стране.

Конституция Венесуэлы также предоставила вышеназванному органу административную и финансовую автономию от других ветвей власти. Основные обязанности Национального избирательного совета включают в себя: разработку избирательного законодательства и директив по финансированию и рекламе кампаний; введение санкций при нарушении избирательных прав по мере необходимости; аннулирование выборов или объявление их недействительными; проведение и организацию выборов и прочие полномочия в части избирательного процесса, определенные положениями соответствующего законодательства. Исходя из вышеобозначенных полномочий Национального избирательного совета, возникает объективный вопрос – исходя из каких правовых оснований вопросы организации выборов, рассмотрение избирательных споров, а также вопросы отстранения кандидатов в выборы решает Верховный суд [7]?

Достаточно ярким примером вопиющего нарушения органами электоральной юстиции Венесуэлы избирательных прав (вместо их защиты) является подготовка к выборам 2020 года. Так, 2 июля 2020 года Верховный комиссар Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по правам человека Мишель Бачелет завершила на 44-й сессии Совета по правам человека, что в Венесуэле нет прогресса в направлении заслуживающего доверия и демократического избирательного процесса, и вновь призвала к необходимости проведения политических переговоров. Тем не менее, данная позиция не была воспринята внутри страны, поскольку партии, которые называются в Венесуэле оппозиционными и входят в Президиум национального диалога, поддержали венесуэльскую избирательную систему, несмотря на все ее недостатки¹.

В дополнение к критике ООН ряд стран и организаций, среди которых, например, контактная группа Европейского Союза по Венесуэле, отвергли действия Конституционной палаты в отношении избирательного процесса. Кроме того, ряд стран международного сообщества предупредили, что они не признают выборы, которые не являются легитимными и справедливыми.

Отсюда сразу возник вопрос о том, что если избирательный процесс направлен на демократическую легитимацию власти чавизма в Венесуэле, отмену международных санкций и восстановление доверия к выборам, то почему государство не действует так, как предписано законами, и не позволяет оппозиции в полной мере участвовать в избирательном процессе?

Верховный суд Венесуэлы приостановил 07.07.2020 правление партии Народная Воля во главе с оппозиционером Леопольдо Лопесом, а месяцем ранее, 15 и 16 июня 2020 года, принял аналогичные меры в отношении двух других основных оппозиционных партий – Демократической (Социал-демократической) и Первой справедливости (центральной).

Такие действия Верховного суда Венесуэлы стали ответом на предвыборный бойкот выборов, запланированных на 6 декабря 2020 года основными партиями, выступающими против социалистического правительства Николаса Мадуро. В рамках запланированного бойкота одиннадцать оппозиционных политических партий объявили, что не будут

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.dw.com/es/supremo-venezolano-suspende-la-directiva-del-partido-que-impulsó-a-juan-guaidó/a-54084805> (дата обращения 14.08.2021 г.)

выступать против голосования в законодательных органах, назвав их «фарсом»¹. Однако, мнение оппозиции никак не поменяло сложившуюся ситуацию.

Подводя итог, отметим, что электоральная юстиция Венесуэлы, первоначально созданная как необходимый элемент демократических выборов, в конечном итоге стала камнем преткновения между оппозицией и последователями чавизма, характеризующегося тем, что демократические принципы свободы и справедливости грубо и систематически нарушаются, а выборы фактически стали инструментом авторитарного правления, который даже спустя восемь лет после смерти его основателя продолжает господствовать в стране.

Список источников

1. Алексеева Т. А., Гореславский С. С. Политика Венесуэлы по повышению обороноспособности: ВТС, нефтяной фактор и геополитические дивиденды // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 497–516.
2. Сравнительное конституционное право / [В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин, М. А. Никифорова и др.; Редкол.: В. Е. Чиркин (отв. ред.) и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. - М.: Изд. фирма «Манускрипт», 1996. 728 с.
3. Усова В.А. Смешанная несвязанная избирательная система и электоральный авторитаризм // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. №1. С. 19–34.
4. Поняев И. М. Политические трансформации в процессе конфликта двоевластия в Венесуэле // PolitBook. 2019. №4. С. 162–178.
5. Сопов Д. К. Политический кризис в Венесуэле и пути его разрешения // E-Scio. 2021. №1 (52). С. 113–121.
6. Humberto Briceño León, Olga Ávila y Verónica Zubillaga, —Los grupos de raza subjetiva en Venezuela,|| Cambio Demográfico y Desigualdad Social en Venezuela al Inicio del Tercer Milenio (Caracas: KAS, INE, UNFPA, 2005): 251-263.
7. Ивановский З. В. Внешняя и внутренняя политика Венесуэлы в условиях кризиса // Латиноамериканский исторический альманах. 2014. Т. 14. № 14. С. 219–245.

References

1. Alekseeva T. A., Goreslavsky S. S. Venezuelan policy to increase defense capability: military-technical cooperation, oil factor and geopolitical dividends. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International relations.* 2018.;18(3):497–516. (In Russ.)
2. *Comparative constitutional law* [V. E. Chirkin, Yu. A. Yudin, M. A. Nikiforova and others; Ed.: V.E. Chirkin (ed.), etc.]; Grew up. Acad. sciences, in state and law. Moscow; 1996. 728 p. (In Russ.)
3. Usova V. A. Mixed unrelated electoral system and electoral authoritarianism. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya = Bulletin of Perm University. Series: Political Science.* 2021;(1):19–34. (In Russ.)
4. Ponyaev I. M. Political transformations in the process of conflict of dual power in Venezuela. *Polit-Book.* 2019;(4):162–178. (In Russ.)
5. Sopov D.K. Political crisis in Venezuela and ways to resolve it. *E-Scio.* 2021;1(52):113–121. (In Russ.)
6. Humberto Briceño León, Olga Ávila y Verónica Zubillaga, —Los grupos de raza subjetiva en Venezuela,|| Cambio Demográfico y Desigualdad Social en Venezuela al Inicio del Tercer Milenio (Caracas: KAS, INE, UNFPA, 2005): 251-263. (in Spanish)
7. Ivanovskii Z. V. Foreign and domestic policy of Venezuela in a crisis. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh = Latin American Historical Almanac.* 2014;14(14):219–245. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Шидловский – электоральный эксперт в реестре международных наблюдателей.

Information about the author

A. V. Szydłowski – Electoral expert in the register of international observers.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.05.2022; одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 08.06.2022. The article was submitted 24.05.2022; approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 08.06.2022.

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.dw.com/es/supremo-venezolano-suspende-la-directiva-del-partido-que-impulsó-a-juan-guaidó/a-54084805> (дата обращения 14.08.2021 г.)

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 75–80
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(2):75–80

Проблемы уголовного права и процесса

Научная статья
УДК 343.85
doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-75-80

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ОТ ПРОБЛЕМ К ПУТЯМ РЕШЕНИЯ

Сергей Анатольевич Алтухов^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ser-altuhov@yandex.ru

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье на основе действующих правовых механизмов и практики оказания социальной, правовой и иной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, рассмотрены проблемные аспекты института ресоциализации в контексте изменений уголовной и уголовно-исполнительной политики России, обоснованы пути и способы решения указанных проблем с учетом передового отечественного и зарубежного опыта.

Ключевые слова: преступление, наказание, лишение свободы, рецидив, ресоциализация, пробация

Для цитирования: Алтухов С. А. Ресоциализация освобожденных из мест лишения свободы: от проблем к путям решения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 75–80. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-75-80>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

RESOCIALIZATION OF THOSE RELEASED FROM PRISON: FROM PROBLEMS TO SOLUTIONS

Sergey A. Altukhov^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ser-altuhov@yandex.ru

²Rostovsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. Based on the existing legal mechanisms and practice of providing social, legal and other assistance to persons released from prison, the article examines the problematic aspects of the institute of resocialization in the context of changes in the criminal and penal policy of Russia, substantiates ways and means of solving these problems taking into account advanced domestic and foreign experience.

Keywords: crime, punishment, imprisonment, recidivism, resocialization, probation

For citation: Altukhov S. A. Resocialization of those released from prison: from problems to solutions. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):75–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-75-80>

Проблема преступности и рецидивной ее части для России всегда была одной из актуальных, однако в последние годы наблюдается весьма противоречивая картина их тенденций. Преступность (в статистическом варианте) снижается, а рецидивная преступность – растет! Доля преступлений, совершенных лицами с криминальным прошлым в 2021 г. достигла 60 %, а треть всех выявленных преступлений совершена ранее судимыми (33,6%), которые составляют уже более половины (51,7%) от выявленных лиц, ранее совершавших

преступления. Почти 4% из них совершили деяния при опасном и особо опасном рецидиве¹. И это только цифры, статистика. Еще хуже дело обстоит в реальной жизни.

Государство, пытаясь минимизировать последствия очередного экономического и финансового кризиса, вызванного в том числе последствиями пандемии коронавируса, предпринимает усилия сэкономить средства бюджета страны. Так, принятая Правительством РФ очередная Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года предусматривает соответствующие ориентиры, цели и направления по их достижению, в числе которых просматривается тенденция сокращения числа «сидельцев» - к концу 2030 года таковых должно быть 250 тыс. человек (в худшем случае – 300 тыс.). Добиться этой цели несложно, к то же опыт уже есть – реализация предыдущей Концепции, согласно которой нужно было свести к минимуму количество осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях до 500 тыс. С учетом объективной криминологической ситуации в стране это было сделать не реально, но проводимая политика гуманизации ответственности и наказания сделала свое дело – на 1 марта 2022 года число осужденных в ИУ составило 466,6 тыс., т.е. за 10 лет с 2010 года уголовно-исполнительная система была «разгружена» почти на 400 тыс. человек²!

Нужно признать, что в места лишения свободы попадает далеко не лучшая прослойка преступников, значительная часть которых после освобождения снова совершает преступления. И в этой связи хотелось бы понять, почему?

Казалось бы, сами разработчики первой Концепции справедливо указывали на повышение общественной опасности лиц, совершающих преступления, тяжести посягательств (80 % заключенных были виновны в тяжком или особо тяжком преступлении), что сказывалось на росте числа лиц, к которым суд применял более суровые виды наказаний, в том числе лишая их свободы. Как следствие, наблюдалась проблема переполняемости лимита осужденных и подследственных в СИЗО и ИВС. Однако после реализации различных по уровню и содержанию мер эта проблема была решена более чем успешно – в СИЗО и тюрьма лимит наполняемости сократился с 2010 по 2020 гг. на 40 тыс. мест, стали закрываться и ликвидироваться исправительные учреждения (а в скором времени закроется почти 100 таких учреждений³). Иными словами, осужденным стало просторнее, но цели наказания – исправление осужденных и предупреждение совершения ими преступлений – достичь не удастся.

Стоит отметить, что более половины от общего числа осужденных судимы несколько раз. Однако не каждым из них движет только лишь холодный расчет. Чаще всего рецидив становится следствием неэффективной адаптации, связанной с нестабильной экономической ситуацией в стране, высоким уровнем безработицы, низкими доходами даже законопослушных граждан, а наркотическая и алкогольная зависимость, отсутствие необходимых знаний и трудовых навыков у осужденного, в купе с нежеланием некоторых трудиться и приводят бывших осужденных снова на скамью подсудимых.

Применением наказания и вынесением приговора невозможно решить эту проблему. Она намного глубже и требует более детального анализа. Так, например, перед освобождением из исправительного учреждения с осужденным должен поработать психолог, но на практике, он, как правило, лишь подписывает документы о якобы проведенной работе.

Помимо этого, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25 декабря 2006 г. № 800 «О размере единовременного денежного пособия», которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы» при освобождении выдается единовременное пособие в размере 850 рублей. Процедура выдачи единовременного пособия является больше формальностью, но оно должно хоть на несколько дней не дать

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/27024130/> (дата обращения: 03.02.2022).

² Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/kratkaya%20har-ka%20uis/> (дата обращения: 13.04.2022).

³ В России закрывается почти 100 колоний строгого и общего режим. [Электронный ресурс]. URL: <https://versia.ru/v-rossii-zakryvaetsya-pochti-100-kolonij-strogogo-i-obshhego-rezhim> (дата обращения: 14.04.2022).

возможность умереть с голода¹. Кстати, последние изменения в данное Постановление были внесены в 2012 г., тогда как цены на товары и услуги теперь сильно отличаются.

Предполагалось также, что средства, которые станут начальным капиталом осужденного на свободе, он может заработать при отбывании наказания, а заработная плата таких лиц должна быть не меньше прожиточного минимума. В 2022 году эта сумма составила 13890 рублей². Однако получить ее вряд ли удастся, даже выполняя или перевыполняя норму выработки, поскольку из причитающейся суммы осужденного вычитается до 75% его заработка за содержание в колонии³.

Одна из главных проблем ресоциализации бывших заключенных – это потеря ими социально-полезных связей с обществом. Места изоляции сильно меняют человека, и в первую очередь, психологически [1]. Попадая туда, человек вынужден подстраиваться под новые правила, четко им следовать. При этом изолирование человека от общества на пять и более лет влечет за собой необратимые изменения в его психике⁴. В последующем он просто не способен вернуться к обычной жизни, что лишь добавляет сложностей в процесс ресоциализации.

Успешной ресоциализация может быть лишь в случае попадания лица, отбывшего наказание, в социально-позитивную среду, в которой должна быть создана приемлемая позитивная обстановка и доброжелательное окружение. В этой связи импонирует французский опыт пробации и помещения бывшего заключенного в ту среду, в которой нет рядом таких же, как он. Например, в комнате хостела из 3-4 человек вместе с освободившимся из мест лишения свободы часто живут обычные люди (студенты, работники предприятий и организаций) [2].

К сожалению, после освобождения человек оказывается один на один с миром, в котором за годы заключения многое изменилось. Если у него не осталось никого за пределами колонии, кто мог бы помочь, то вариантов для успешной адаптации у него не так много. В таком случае высока вероятность, что человек снова совершит преступление и попадет в места лишения свободы, как это случилось с первым пожизненно осужденным – Анваром Масалимовым, которого в 2018 году освободили условно-досрочно. Никакого жилья у него не осталось, никого из близких тоже. Не найдя работу и жилье, он задержался у одного человека, с которым только и делал, что распивал спиртные напитки. После очередного пьяного скандала он убил соседа по квартире, нанеся удары ножом, и снова оказался за решеткой⁵.

Могла бы изменить эту проблему более активная работа правозащитных организаций. Так, например, в течение длительного времени эффективную помощь освободившимся заключенным оказывал «Благотворительный фонд помощи осужденным и их семьям» (более известный по названию главного проекта «Русь сидящая»). Однако в мае 2018 г. Минюст признал «Русь сидящую» иностранным агентом, поскольку юридические клиники, оказывавшие бесплатную юридическую помощь, частично финансировались Еврокомиссией.

На сегодняшний день, в российском реестре «иностранцев» свыше 70 правозащитных и благотворительных организаций. Статус иностранного агента накладывает на организацию, которой присвоили такой статус, обязанность везде указывать, что она иностранный агент, проводить аудиты, подавать отчеты в вышестоящие органы. Любое нарушение влечет за собой наказание в виде штрафа и(или) ликвидацию такой организации. Такая политика по отношению к организациям, в том числе тем, кому оказывают финансовую помощь из-за рубежа (НКО), делает их деятельность практически невозможной.

¹ Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2006 г. (ред. от 03.11.2011) №800 «О размере единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы» // Российская газета. 2006. 31 декабря.

² Федеральный закон от 06.12.2021 № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Search/Period/president?type=daily> (дата обращения: 12.04.2022)

³ Во сколько обходится содержание заключенного [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/prison/> (дата обращения: 12.04.2022)

⁴ Как тюрьма меняет людей? Психология заключенных [Электронный ресурс]. URL: <https://seenroutine.ru/2020/05/kak-tjurma-menyaet-ljudej-psihologiya-zakljuchennyh/> (дата обращения: 03.02.2022).

⁵ Убийцу, осужденного пожизненно, впервые выпустили на свободу. И он снова сел [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26823/3860569/> (дата обращения: 03.02.2022).

Обращение к французскому опыту показывает, что перед тем, как человек освобождается от наказания, к нему начинают поступать предложения от различных правозащитных организаций в части его сопровождения уже после освобождения. Все это происходит под контролем государства. Стоит отметить, что в составлении программы обучения, активное участие принимает сам бывший заключенный. Юридически соглашение между правозащитной организацией и пока еще заключенным представляет собой некую сделку, согласно которой лицо берет на себя обязательства, нарушение которых может существенно ограничить его права. Нечто подобное (индивидуальную программу ресоциализации) хотят реализовать и у нас с учетом подготовленного Минюстом России законопроекта «О пробации»¹.

При поиске работы, куда бы ни взяли бывшего заключенного, также возникает много трудностей. На официальную работу их берут крайне редко. Ранее при приеме на работу бывшие заключенные пытались скрыть информацию о судимости, но сейчас это сделать невозможно, поскольку справка об отсутствии судимости стала необходимым условием для приема на работу любого человека, к тому же служба безопасности предприятия может проверить эту информацию. Таким образом, информация о судимости служит с одной стороны своеобразным «фильтром», а, во-вторых, преградой бывшего осужденного устроиться на работу.

Сегодня государство предоставляет льготы предприятиям, которые берут бывших осужденных, но эта практика, к сожалению, не является повсеместной, что также требует принятия соответствующего решения на уровне Правительства РФ.

Вместо совместной работы с общественными организациями, часть которых уже является иностранными агентами, государство взялось самостоятельно заниматься судьбой бывших заключенных [3]. Речь идет о создании сети центров пробации по всей стране под началом Минюста и ФСИН. Планируется обучить даже сотрудников по специальной программе. Такие центры должны содействовать развитию более гуманного отношения к бывшим заключенным, а также пробудить в них важные человеческие качества (совестливость, доброту, человечность и т.д.). Институт пробации призван помочь каждому осужденному. Уже на выходе из колонии человек должен будет иметь при себе паспорт, медицинскую страховку и все то, что у есть у каждого гражданина. Также ему выдадут пошаговое руководство с информацией, куда он может обратиться в той или иной ситуации. Но эти центры очевидно начнут функционировать не скоро. В соответствии с новой Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ только к концу 2024 г. должна быть сформирована правовая база и механизмы реализации данного института (раздел XVI. Создание и развитие системы пробации), а оказывать содействие лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в занятости и бытовом устройстве начнут до 2030 г. В свете последних событий в ряде ИУ, а также возможного реформирования ФСИН, заниматься бывшими осужденными будет некому.

В этой связи нам представляется крайне важным поставить на новый более качественный уровень просветительскую и разъяснительную работу как с рассматриваемым контингентом лиц, так и с различными субъектами профилактики, иными заинтересованными лицами и организациями, специалистами реабилитационных центров. Но это всегда требует серьезного ресурсного и финансового обеспечения.

Учитывая, что основная часть таких центров и фондов относится к самофинансируемым и самокупающимся организациям, следует разработать и предусмотреть возможность оказания помощи со стороны государства в особенности тем из них, которые имеют высокие показатели и результаты в организации работы по социальной реабилитации бывших осужденных. Это может быть организовано и в рамках грантовой поддержки. Хотя в других странах разработаны, функционируют и уже отчасти оправдали себя законодательно установленные механизмы социальной помощи таким лицам. Так, например, в соответствии с Законом Республики Узбекистан «О социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания из пенитенциарных учреждений» (2007 г.)² бывшие заключенные могут

¹ Проект федерального закона «О пробации». [Электронный ресурс]. URL <https://regulation.gov.ru/projects#departments=30&nра=126333> (дата обращения: 13.04.2022).

² Закон Азербайджанской Республики от 31 мая 2007 года №353-III «О социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания из пенитенциарных учреждений». [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=17629. (дата обращения: 03.02.2022).

получить временное жилье на весь срок социальной адаптации (до 12 месяцев), который могут в исключительных случаях продлить. Этим же законом предусмотрена выдача таким лицам единовременного пособия в размере 4-кратного МРОТ, что составляет 720 манатов, что по сегодняшнему курсу составляет 47 311 руб.¹ При этом там получают такие выплаты все, кто освобожден, независимо от того, какой срок он отбывал, за что, и на каком основании был освобожден! Кстати, в Республике Беларусь единовременное пособие таким лицам составляет 5 базовых величин или 160 белорусских рублей, что эквивалентно 5245 российским рублям на сегодня.

Более того, в целях устранения криминогенных факторов и сложных жизненных ситуаций в связи с отсутствием работы необходимо организовать для таких субъектов культурно-просветительские мероприятия, бесплатные курсы дополнительной профессиональной подготовки, что в целом может быть реализовано с учетом соответствующих «дорожных карт».

В мае 2021 г. экс-руководитель ФСИН России А. Калашников заявил, что только один из двух освобожденных из мест лишения свободы трудоустраивается². А это означает, что у каждого второго при отсутствии законных источников дохода возникает потребность прежде всего материального характера, которая рано или поздно выступит в качестве мотива преступного поведения и рецидива. Не допустить это – задача не из легких, но попытки решить ее уже были, а в некоторых регионах более чем успешно (например, в Татарстане), где на региональном уровне предприятиям, которые брали на работу бывших заключенных предоставляли налоговые и иные льготы. Доступные для анализа официальные данные службы занятости свидетельствуют о том, что из более 200-250 тыс. ежегодно освобождающихся из мест лишения свободы только 30 тыс. обращаются в эту службу, которая помогает трудоустроиться лишь 70% из них. Так, за 2020 г. 33,5 тыс. освобожденных из мест лишения свободы и осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, обратились в центры занятости населения, в том числе 11,3 тыс. трудоустроены, почти 11,5 тыс. граждан получили услуги по профориентации³.

По нашему мнению, следует практиковать и развивать сети юридических клиник при высших учебных заведениях юридических вузов, где бывшим заключенным могут оказать бесплатную юридическую помощь.

Весьма важной проблемой на пути ресоциализации бывших осужденных является обеспечение надлежащего контроля и надзора за поведением таких лиц, ибо значительная их часть имеет не только криминальное прошлое, но и высокую общественную опасность, обусловленную стойкой антисоциальной направленностью, зависимостью от алкоголя и наркотиков. Отчасти эта проблема решается усилиями сотрудников органов внутренних дел, в особенности участковыми уполномоченными, которые в 2021 г. обеспечивали надзор за 118 тыс. поднадзорных, которые продолжают допускать нарушения установленных для них ограничений (300 тыс. таких нарушений выявлено за год). Возможность повлиять на поведение таких субъектов есть – сотрудники по фактам допускаемых поднадзорными нарушений собирают материалы и направляют их в суды для введения для них дополнительных запретов, в том числе увеличения срока административного надзора (таких обращений в 2021 г. было 35 тыс.)⁴.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что проблемы ресоциализации бывших заключенных достаточно сложны и многочисленны, а их решение нередко упирается в материальные ресурсы, а также сложности и недостатки организационного и правового регулирования. Поэтому назрел вопрос о создании в системе исполнения наказания службы пробации, что собственно поддержал и глава государства в конце января 2022 г.⁵

¹ Курс 1 азербайджанского маната в рублях на 16.03.2022 г. Режим доступа: URL: <https://finance.rambler.ru/calculators/converter/1-AZN-RUB/> (дата обращения: 16.03.2022).

² Проблемы с трудоустройством испытывает половина бывших заключенных. [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.ru/news/problemy-s-trudoustroystvom-ispytyvaet-polovina-byvshikh-zaklyuchennykh>

³ Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2020 год. М.: МВД России, 2021. С. 16.

⁴ Расширенное заседание коллегии МВД России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminty_meetings/67795 (дата обращения: 03.04.2022).

⁵ Там же.

Нужно заметить, что предлагаемая модель probation будет несколько отличаться от зарубежных аналогов, где под ее содержанием понимается осуществление контроля и оказание помощи тем, осужденным, которых не помещают в колонию или тюрьму, а «испытывают» с помощью соответствующих мер ограничения и социальной помощи. В России же такая служба основную задачу по реабилитации и социальной адаптации будет решать с теми, кто отбыл наказание или еще его отбывает. Поэтому, как нам представляется указанная служба кроме основных задач, связанных с трудоустройством, обучением, переподготовкой, решением жилищно-бытовых вопросов должна решать и другие:

- обеспечение примирительных процедур с потерпевшим с целью заглаживания ущерба;

- психологическую коррекцию поведения бывших заключенных;

- социальный патронаж;

- электронный мониторинг и наблюдение перемещений лиц, находящихся под административным надзором;

- контроль за состоянием здоровья, в особенности путем систематической сдачи анализов на наркотики и т.д.

Указанный комплекс мер во взаимодействии с правильно организованной и эффективной системой средств исправления осужденных при отбытии им наказания в виде лишения свободы должны обеспечить отрицательную динамику рецидивной преступности.

Список источников

1. Алтухов С. А., Демченко А. И. Сущность ограничения свободы: опыт России и зарубежных стран / В сб.: Правовое образование. Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 2018. С. 254–256.

2. Яшина А. А. Правовой анализ института реабилитации и возмещения вреда, причиненного необоснованным уголовным обвинением во Франции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2 (18). С. 44–50.

3. Алтухов С. А., Красавина К. А. Опыт службы probation в Республике Казахстан и перспективы развития института probation в Российской Федерации // Правовое образование: сборник научных статей / Под общ. ред. Магомедова Б. М., Сизько И. А., Ростов-на-Дону, 2018. С. 35–37.

References

1. Altukhov S. A., Demchenko A. I. The essence of restriction of freedom: the experience of Russia and foreign countries, In: *Legal education. Collection of scientific papers*. Rostov-on-Don; 2018:254–256. (In Russ.)

2. *Yashina A. A. Legal analysis of the Institute of Rehabilitation and Compensation for Damage caused by unjustified criminal charges in France. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*. 2011;2(18):44–50. (In Russ.)

3. Altukhov S. A., Krasavina K. A. Experience of probation service in the Republic of Kazakhstan and prospects of development of the probation institute in the Russian Federation. In: *Legal education: collection of scientific articles*. Under the general editorship of Magomedov B. M., Sizko I.A., Rostov-on-Don; 2018:35–37. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Алтухов – канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС; доц. кафедры уголовного права и криминологии, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ.

Information about the author

S. A. Altukhov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Rostovsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 04.05.2022; accepted for publication 05.05.2022.

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ирина Ивановна Короленко¹, Татьяна Гайковна Чебоньян²

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Гайковна Чебоньян, chebonyan@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме домашнего насилия и его месту в административном и уголовном процессе. Затрагивается табуированность и гендерная сторона проблемы домашнего насилия, а также, как это влияет на общество в целом. В статье приведена статистика по домашнему насилию от зарубежных организаций и исследователей, российских правозащитников и СМИ.

Ключевые слова: домашнее насилие, насилие над женщинами, закон, декриминализация, насилие, абьюз, уголовный процесс, уголовное право, административный процесс, административное право, побои

Для цитирования: Короленко И. И., Чебоньян Т. Г. Домашнее насилие как объект административного и уголовного процесса // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 81–86. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-81-86>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

DOMESTIC VIOLENCE AS OBJECT OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PROCEEDINGS

Irina I. Korolenko¹, Tatiana G. Chebonyan²

^{1,2}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Tatiana G. Chebonyan, chebonyan@gmail.com

Abstract. The article is about domestic violence and its place in administrative and criminal proceedings. It contains Russian and international statistics on the matter, information about law and other initiatives, opinions of lawyers. The article consists of international statistic from organisations such as Common Grace, World Health Organisation and United Nations and Russian medias. The article also states what kind of changes could be made in domestic violence area, law wise and socially. In addition, the article discusses the conclusion of absence of «Domestic violence law» and all sides of that issue.

Keywords: domestic violence, violence against women, law, decriminalization, violence, abuse, criminal proceeding, criminal law, administrative proceeding, administrating law

For citation: Korolenko I. I., Chebonyan T. G. Domestic violence as object of administrative and criminal proceedings. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):81–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-81-86>

Проблема домашнего насилия является всемирной. Нет ни одной страны, города или деревни где не происходило бы домашнего насилия. Проблема, которая часто замалчивается, оправдывается и скрывается, является стыдной, ведь не принято «выносить сор из избы». Из нее делают шутку в кино и юмористических передачах, что способствует нормализации в обществе и в восприятии детей. Жертвами домашнего насилия, вопреки

распространенному мнению, становятся не только женщины и дети, но и пожилые члены семьи, люди с болезнями, делающими их зависимыми от других членов семьи, и мужчины. Да, количество случаев домашнего насилия варьируется в зависимости от того как сильно развито законодательство в этой области в стране, равенству и равноправию в обществе, уровню образования и доступности работы, но факт остается фактом: в мире нет ни одного места, где не были бы знакомы с этой ужасной проблемой.

Мировая статистика, к сожалению, является доказательством повсеместности домашнего насилия. Организация Common Grace во время своего 16-ти дневного активистского движения против насилия, основанного по гендерному признаку (16 days prayer campaign) опубликовало статистику Всемирной организации здоровья (ВОЗ) о домашнем насилии и насилии против женщин по миру. Статистика показала, что в мире в целом одна из трех женщин подвергается домашнему насилию. Если говорить более конкретно, то в Южной и Северной Америке в среднем 29,8% людей подвергаются домашнему насилию, 36,6 % в африканских странах, на Среднем Востоке – 37,0%, в Европе чуть меньше 26%¹. По данным исследовательского сообщества «All good things», за 2021 год в Казахстане от домашнего насилия погибло 67 женщин. Исследование Организации Объединенных Наций (ООН) показало, что в среднем 58% умышленно убитых в мире женщин стали жертвами своего родственника или партнера².

В России статистика тоже не радостная – около 24% женщин сталкивается с домашним насилием, около 80% насилия над детьми исходит от ближайшего круга общения – мам, отцов, старших братьев и сестер³. Консорциум женских неправительственных организаций опубликовал доклад, где говорилось о том, что в период с 2011 по 2019 год 65,8% убитых в России женщин, погибли от домашнего насилия⁴.

Любое насилие преследует цель контроля жертвы против собственной воли, принуждения, изоляции потерпевшей/потерпевшего, ограничение прав и общего изменения нормального ритма жизни и функционирования человека.

Что понимается под домашним насилием? В юридической науке нет конкретного определения понятия домашнего насилия, но понять сущность этого явления можно, если рассмотреть его виды.

Самым очевидным видом можно назвать физическое насилие. Чаще всего оно не несет тяжелых травм или смерти, а используется как способ продолжительного изменения поведения человека или как способ эмоциональной разгрузки для абьюзера (слово, которое образовано от английского *abuse* (насилие, плохое обращение), которое плотно вошло в разговорную, деловую речь, а также в деятельности СМИ и журналистов), способ утверждения или определения своего доминирующего положения в семье⁵. В отношении детей физическое насилие может быть использовано как способ воспитания и поддержания дисциплины. Этот вид является самым очевидным и для понимания его сущности и для правового понимания.

Часто физическое насилие совмещается с сексуальным. Ему подвергаются не только женщины и половозрелые члены семьи, но и дети. Помимо, безусловного, физического вреда, сексуальное насилие наносит неисправимые психологические травмы, которые отражаются на человеке на всю его жизнь. Не редки случаи, когда жертвы сексуального насилия заканчивают жизнь самоубийством⁶.

---

¹ https://www.commongrace.org.au/day_1_women_and_domestic_violence_around_the_world

² https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/GSH2018/GSH18_Gender-related_killing_of_women_and_girls.pdf

³ <https://meduza.io/feature/2020/01/28/realnyy-masshtab-domashnego-nasilija-v-rossii-20-tsifr> (СМИ, признанное Минюстом РФ организацией, исполняющей функции иностранного агента)

⁴ <https://wcons.net/novosti/issledovanie-konsorciuma-zhenskih-npo-65-ot-vseh-ubityh-zhenshhin-v-god-pogibajut-v-rezultate-domashnego-nasilija/>

⁵ <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/02/06/750032-dekriminalizatsiya-poboev>

⁶ Там же.

Психологическое (иногда еще используется термин эмоциональное) насилие не всегда существует вместе с сексуальным или физическим, но чаще всего сопровождается другим видами насилия¹. Имеет очень широкий спектр вариативности – от оскорблений и изоляции до газлайтинга (от англ. *gaslight* -форма психологического насилия где главным элементом играет отрицание реальности и угроз²). Как и другим видам насилия, эмоциональному подвергаются все незащитные группы населения, вне зависимости от возраста и гендерной принадлежности.

Экономический или финансовый вид домашнего насилия является наиболее неочевидным как для общества в целом, так и для законодателя³. Варианты проявления этого вида различны, но всегда связаны с денежной зависимостью жертвы, обманом или дезинформацией в целях преступной деятельности. Жертвами являются и женщины, которые, например, не допускаются к работе и полностью зависят от мужа, сожителя или отца, или дети, зависящие от родителей и не получающие должного материального содержания или попрекаемые иждивением⁴.

Все, без исключения, виды насилия оставляют непоправимый след в жизни человека, влияют на физическое и психологическое состояние, мешают социальной и общественной жизни.

В Российской Федерации существует два вида ответственности за домашнее насилие (в данной статье мы рассмотрим их на конкретном примере побоев) – административная и уголовная ответственность.

7 февраля 2017 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Федеральный закон о декриминализации домашних побоев⁵. Согласно закону, только второй и последующий случаи домашнего насилия являются уголовно наказуемыми⁶. Закон исключает уголовное наказание за первичные случаи побоев, которые были совершены в отношении близких родственников и членов семьи, они квалифицируются по административному кодексу РФ, а именно по статье 6.1.1 КоАП⁷.

По статистике «Ведомств» с 2017 по 2018 год к административной ответственности было привлечено около 52 тыс. чел., при этом большинство (40 477 чел.) были наказаны штрафом⁸ (так же наказанием по статье может быть арест на срок до 15 суток или обязательные работы). Средний размер штрафа по этой статье составляет пять тысяч рублей. Сторонники инициативы считают, что принятие документа направлено на защиту института семьи. Но, к сожалению, в реальности декриминализация первичных побоев привела к возрастанию случаев домашнего насилия⁹.

Облегченные санкции привели к ощущению безнаказанности для агрессора, подрыву гарантий защиты для пострадавших и возникновению новых проблем процессуального характера. Как уже говорилось ранее, большинство преступников получили штрафы (по статье 6.1.1. КоАП размер штрафа варьируется от 5 до 30 тыс. руб.), которые, чаще всего, платятся из семейного бюджета.

Превентивная сила административного права в отношении побоев является намного незначительнее в общественном сознании и в сознании домашнего насильника чем превентивная сила уголовного права. По мнению генерал-лейтенанта полиции Ю. Валяева, закон о декриминализации помогает ставить насильников на учет и проводить с ними

¹ <https://www.un.org/ru/rights/protectedfromviolence/ch3.shtml>

² <https://www.psychologies.ru/standpoint/gazlayting-nasilie-o-kotorom-ne-govoryat>

³ <https://www.hse.ru/ba/law/news/371716142.html>

⁴ <https://www.the-village.ru/situation/quotes/economic-nasilie>

⁵ <https://www.interfax.ru/russia/548888>

⁶ Федеральный закон "О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации" от 07.02.2017 N 8-ФЗ (последняя редакция).

⁷ "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 06.03.2022).

⁸ <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/02/06/750032-dekriminalizatsiya-poboev>

⁹ <https://www.hrw.org/ru/news/2021/03/10/378131>

профилактические работы. Но, увы, правозащитники и статистика говорят об обратном. Важно сказать, что в КоАПах некоторых областей, например, Пензенской, Чувашской и Саратовской существуют отдельные статьи о «семейно-бытовом дебоширстве», но и в них наказание за правонарушение является незначительным, если не сказать смешным.

Единственным плюсом закона о домашних побоях можно назвать общественный резонанс. Благодаря этому проблема домашнего насилия, которая в России, да и во всем мировом обществе, является табуированной, получила огласку. СМИ, блогеры, активисты, общественные деятели и даже политики (например, бывший депутат Государственной Думы О. Пушкина) активно выступают за отмену документа на публичных платформах (от социальных сетей до международных форумов). Помимо борьбы за отмену декриминализации они так же борются за введение защитных ордеров для гарантий безопасности пострадавших граждан.

Как происходит административный процесс по статье 6.1.1 КоАП? Как и в любом другом случае, процесс начинается с заявления в полицию (личное посещение отделения или вызов полиции на место происшествия). Затем, возбуждается дело об административном правонарушении. Потерпевшей (потерпевшему) выдается направление на медицинское освидетельствование, где врачом производится обследование, фиксирование побоев. Характер нанесенного пострадавшему вреда по медицинским критериям в административном разбирательстве – поверхностный, то есть ссадина, кровоподтек, гематома и другие¹. Иногда потерпевший не хочет привлекать к ответственности преступника и обращается в больницу, а не в полицию. Если каким-то образом (из характера и расположения нанесенных побоев или из слов пострадавшего) становится ясно, что произошло правонарушение, администрация больницы обязана обратиться к участковому. Если потерпевший после разговора с участковым подтверждает, что причина полученных травм – побои, то возбуждается дело об административном правонарушении по 6.1.1 КоАП.

В 2018 г. гражданка Российской Федерации Людмила Сакова обратилась в полицию из-за побоев². Ее брат, Геннадий Саков, проживающий с ней в одной квартире, нанес ей побои. За это его привлекли по статье 6.1.1 КоАП к административной ответственности и ему назначили штраф 5 тыс. руб. и 100 часов исправительных работ, что никак не изменило его отношения к сестре в положительную сторону, а наоборот, сделало его более агрессивным. В марте 2019 г. Геннадий опять избил Людмилу, а также избил ее сына. В этот раз он был привлечен к уголовной ответственности по статье 116.1 Уголовного Кодекса РФ. Через 7 месяцев он опять избил Людмилу, но в этот раз его опять привлекли к административной ответственности. Суд посчитал, что так как с момента его привлечения по данной статье прошло уже больше года, то побои можно считать первичными и исключил уголовную ответственность. Людмила Сакова обратилась в Конституционный Суд с жалобой о том, что статья 116.1 УК требует поправки об ужесточении наказания для лица, прежде привлеченного за административное правонарушение³.

В 2021 г. по решению Конституционного суда РФ в Уголовный Кодекс была внесена поправка об ужесточении наказания за домашнее насилие, так как по уже имеющейся норме за побои статья 116.1 не обеспечивает соразмерную гарантию защиты пострадавшему лицу (до внесения поправки статья предусматривала штраф в размере 40 тыс. руб., или в размере зарплаты, или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо до 240 часов обязательных работ, до шести месяцев исправительных, либо арест до трех месяцев⁴). Дело Людмилы Саковой из-за принципа недопустимости придания обратной силы закона, не подлежит рассмотрению в судах общей юрисдикции, но она имеет право на компенсацию.

---

¹ <https://tass.ru/obschestvo/11224315>

² <https://www.interfax.ru/amp/760424>

³ <https://tass.ru/obschestvo/11224315>

⁴ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022).

Уголовный процесс по делам о побоях имеет идентичное с административным начало – обращение в полицию. Далее происходит медицинское освидетельствование. Помимо того, что статья 6.1.1 КоАП предусматривает административную ответственность только за первичное нанесение побоев, при квалификации будет учитываться тяжесть причиненного пострадавшему вреда.

Так как уголовные дела по статье 116.1 УК РФ являются уголовными делами частного обвинения, их возбуждают и рассматривают мировые судьи. Приняв заявление, мировой судья вызывает стороны и принимает меры к примирению сторон. Уголовным законом предусмотрена возможность примирения сторон конфликта, но здесь тоже есть ряд условий, например, обвиняемый должен раскаиваться за содеянное. Обвинитель обязан представить доказательства нанесенных побоев, помимо результатов освидетельствования это могут быть показания свидетелей, вещественные доказательства и другие. Потерпевший вправе требовать возмещения материального и морального вреда и расходов за услуги представителя потерпевшего (адвоката)¹.

За последние 5 лет произошло много громких дел в сфере домашнего насилия. История Маргариты Грачевой, муж которой отрубил ей кисти обеих рук, заподозрив в супружеской измене, незадолго до этого Маргарита обращалась в полицию, но ее заявление не приняли (к сожалению, в вопросах домашнего насилия и насилия над женщинами – это не единичный случай)². В дальнейшем мужа потерпевшей приговорили к 14 годам тюремного заключения, а полицейского, который не принял заявление Маргариты, уволили. Дело сестер Хачатурян, которых многие годы зверски истязал, бил и насилывал отец³. Сестры были обвинены в убийстве отца, но после долгих судебных разбирательств и многочисленных экспертиз их в 2021 г. их признали потерпевшими⁴. А также, упомянутое выше дело Людмилы Саковой. И многие другие.

Нельзя сказать, что решение проблемы домашнего насилия стоит на месте. Уполномоченная по правам человека Татьяна Мерзякова на пресс-конференции в апреле 2021 г. заявила, что сейчас ведется активная разработка закона «о домашнем насилии» и возможно он будет принят в начале 2022 г.⁵; По данным Генпрокуратуры Республики Казахстан в 2021 г. было выписано 81 488 защитных предписаний; в декабре 2021 г. ЕСПЧ удовлетворил иски четырех гражданок РФ, которые пострадали от домашнего насилия⁶; в России действует центр помощи пожилым людям, пострадавшим от домашнего насилия «Старость без насилия», а также центры помощи «Анна» и «Насилию.нет» (НКО, признанная Минюстом РФ организацией, исполняющей функции иностранного агента)⁷.

Какие меры важно осуществлять по предотвращению домашнего насилия? Приведем примеры:

– Первое, что важно сказать – вопрос домашнего насилия в нашей стране недостаточно осуждается публично. Агрессор должен подвергаться публичному порицанию не за уже совершенное преступление, а уже за упоминание или вербальную угрозу. Важно искоренить в сознании людей, что над этим можно шутить в фильмах и юмористических передачах⁸. Возможно, тогда женщины перестанут бояться обращаться в полицию, а полицейские, в свою очередь, будут серьезно относиться к домашнему насилию.

¹ https://admtymen.ru/ogv_ru/block/actuals/prokur_explain/more.htm?id=11377383@cmsArticle

² <https://ria.ru/amp/20181022/1530984510.html>

³ <https://www.procuror.spb.ru/k1923.html>

⁴ <https://amp.rbc.ru/rbcnews/society/23/03/2021/6059f7b49a7947edd8fc8213>

⁵ http://www.presidentsovet.ru/presscenter/news/tatyana_merzlyakova_zakon_o_domashnem_nasilii_mozhet_byt_prinyat_k_kontsu_goda_nachalu_sleduyushcheg/

⁶ <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/12/14/900620-espch-obyazal-rossiyu-viplatit-435-tisyach-evro-chetverim-zhertvam-domashnego-nasiliya>

⁷ <https://meduza.io/feature/2022/02/07/s-dekriminalizatsii-domashnego-nasiliya-proshlo-pyat-let-za-eto-vremya-vse-stalo-tolko-huzhe-zhertvam-teper-slozhnee-poluchit-pomosch-a-agressorov-voobsche-nakazyvayut> (СМИ, признанная Минюстом РФ организацией, исполняющей функции иностранного агента).

⁸ <https://lenta.ru/articles/2019/05/21/badhumor/>

– Для профилактики домашнего насилия нужно проводить тестирования, лекции, интерактивные занятия по тематике со школьниками, учениками колледжей и студентами, а также с родителями.

– Популяризировать горячие линии помощи пострадавшим от любого вида домашнего насилия. В России действует Всероссийский бесплатный телефон доверия, а также фонды помощи, такие как РФО «ОНА» или вышеупомянутый фонд «Анна».

– Для пострадавших нужна социальная опека, которая гарантировала бы не только безопасность жертвы, но и стабильность ее физического и психологического здоровья.

– Охранные ордера могли бы тоже стать стабильной гарантией безопасности пострадавших¹.

– Самым важным и главным шагом в решении проблемы домашнего насилия должно стать принятие закона. По статистике международного журнала «*World Bank Women, Business and Law*» продолжительность жизни женщин выше в тех странах, где принят закон о домашнем насилии².

Домашнее насилие – это проблема, которая затрагивает все слои населения: от совсем маленьких детей до стариков. Самое страшное, что об этом не принято говорить, а принято замалчивать, стыдиться и держать в секрете. Это порождает безнаказанность для агрессоров и насильников, поощряя и давая немое согласие на преступление. Важно придавать огласке и публично осуждать действия преступников, а также наказывать соразмерно совершенному деянию, не пуская все на самотек.

Информация об авторах

И. И. Короленко – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса РГЭУ РИНХ;

Т. Г. Чебоньян – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса РГЭУ РИНХ; доц. кафедры гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия.

Information about authors

I. I. Korolenko – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Civil Procedure of Rostov State University of Economics;

T. G. Chebonyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Civil Procedure of Rostov State University of Economics; Associate Professor of Department of Civil Law of Rostov branch of the Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

---

¹ <http://alenapopova.ru/initiative/semiya-bez-nasiliya>

² <https://wbl.worldbank.org/en/wbl>

Научная статья

УДК 343

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-87-93

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ НЕФТЕПРОДУКТОВ

Ольга Николаевна Лазаренко¹, Артем Игоревич Тимофеев²

^{1,2}Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленск, Россия

¹o-nika@bk.ru

²asmol67@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные следственные и процессуальные действия, проводимые при расследовании хищения нефти, нефтепродуктов из нефтепровода, нефтепродуктопровода путем незаконных врезок в трубопроводы, а также меры, направленные на выявление и установление причин и условий, способствующие совершению преступлений.

Ключевые слова: Несанкционированные врезки, хищение нефти, нефтепродуктов, допрос подозреваемых, осмотр места происшествия, осмотр транспортного средства, экспертиза

Для цитирования: Лазаренко О. Н., Тимофеев А. И. Некоторые особенности расследования преступлений, связанных с хищением нефтепродуктов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 87–93. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-87-93>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

SOME FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE THEFT OF PETROLEUM PRODUCTS

Olga N. Lazarenko¹, Artem I. Timofeev²

^{1,2}Smolensk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Smolensk, Russia

¹o-nika@bk.ru

²asmol67@bk.ru

Abstract. The article discusses individual investigative and procedural actions carried out in the investigation of the theft of oil, petroleum products from an oil pipeline, oil product pipeline by illegal tapping into pipelines, as well as measures aimed at identifying and establishing the causes and conditions that contribute to the commission of crimes.

Keywords: Unauthorized tie-ins, theft of oil, petroleum products, interrogation of suspects, inspection of the scene, inspection vehicle, examination

For citation: Lazarenko O. N., Timofeev A. I. Some features of the investigation of crimes related to the theft of petroleum products. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):87–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-87-93>

Объекты трубопроводного транспорта нефтепродуктов относятся к потенциально опасным объектам топливно-энергетического комплекса, т.е. к объектам, аварии на которых, в том числе в результате совершения акта незаконного вмешательства, могут привести к возникновению чрезвычайных ситуаций с опасными социально-экономическими последствиями¹.

---

¹ Федеральный закон "О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса" от 21.07.2011 № 256-ФЗ (последняя редакция) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117196/ (дата обращения: 13.10.2021)

Несанкционированные врезки в магистральные трубопроводы с нефтью и нефтепродуктами вызывают высокий риск экологических проблем. В большинстве случаев такие деяния, создают угрозу жизни и здоровью граждан, причинению вреда экологии. Так, например, 14 октября 2021 г. было зафиксировано возгорание на 92 километре магистрального нефтепродуктопровода «Кириши – Красный Бор». Загорелся авиационный керосин, который вытек из нелегальной врезки. В ходе осмотра места происшествия была обнаружена криминальная врезка в магистральный нефтепровод, а также гибкий шланг высокого давления диаметром $\frac{3}{4}$ дюйма, проложенный от трубопровода¹.

Уголовная ответственность именно за сам факт самовольного подключения к указанным объектам трубопроводного транспорта введена сравнительно недавно – с момента принятия Федерального закона от 29.07.2018 № 229-ФЗ о внесении соответствующих изменений в ст. 215.3 УК РФ. Не следует путать вышеперечисленные незаконные действия со случаями хищения. Хищение нефти, нефтепродуктов, газа из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода путем врезок в трубопроводы квалифицируется самостоятельно (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Вместе с тем если при совершении хищения путем врезок в трубопроводы происходит их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и соответствующей частью ст. 215.3 УК РФ.

Анализ практики расследования таких преступлений показывает, что работа в данном направлении зачастую осуществляется недостаточно эффективно: меры, предпринимаемые к поиску преступников и похищенного, являются малоэффективными; должная координация между различными службами и отделами полиции отсутствует. При этом первоначальные следственные действия, в ходе которых накапливается основная первичная информация, необходимая для планирования и проведения дальнейших следственно-оперативных мероприятий, проводятся некачественно, без учета специфики способа совершения и предмета хищения, что сказывается на ходе и результатах расследования. Интенсивность воздействия со стороны правоохранительных органов вынудили организованные преступные группы к более грамотному и изощренному подходу к осуществлению своих незаконных действий, применению новых технологий и оборудования, привлечению высококвалифицированных специалистов различной направленности [1].

Своевременность раскрытия преступления, связанного с хищением нефтепродуктов, во многом связано с оперативностью поступления в отделы полиции информации о совершенном преступлении и выезда следственно оперативной группы к месту происшедшего уголовно-наказуемого деяния. Практика показывает, что в большинстве случаев обнаружение факта совершения преступления указанной категории происходит намного позже, нежели момент фактически совершенного деяния.

В связи с этим рекомендуется более тщательно подходить к проведению и закреплению результатов первоначальных следственных действий по данной категории.

При поступлении в отдел полиции сигнала об обнаружении несанкционированной врезки следственно-оперативной группе ОВД (УВД) требуется незамедлительно произвести выезд на место происшествия и решить вопрос о привлечении к участию в его проведении специалиста (работника соответствующего подразделения нефтедобывающей или нефтеперерабатывающей организации, линейных производственно-диспетчерских станций, либо оперативно-диспетчерских служб от которого поступило сообщение о хищении, обладающего необходимыми познаниями). Такой специалист необходим для оказания помощи в описании участка магистрального нефтепродуктопровода (далее МНПП), в который

¹ ООО «Транснефть-Балтика» завершает работы по ликвидации последствий криминальной врезки на магистральном нефтепродуктопроводе в Ленинградской области // URL: <https://baltic.transneft.ru/press/news/?id=99012> (дата обращения 14.10.2021)

произведена несанкционированная врезка, специфических особенностей результатов врезки и выяснения других обстоятельств, имеющих значение для успешного расследования в дальнейшем уголовного дела.

В протоколе осмотра места несанкционированной врезки особое внимание уделяется описанию месторасположение объекта преступного посягательства (участка МНПП) с привязкой его к окружающей местности, близлежащим населенным пунктам, автомобильным дорогам и т.д. Так же подлежит отражению в протоколе:

- конструктивное исполнение трубопровода (подземный, наземный, надземный);
- способ проникновения к трубопроводу (форму, размеры и расположение подходов (подкопов)
  - диаметр трубопровода;
  - вид защитного покрытия (битумный, полимерный и т.д.);
  - состояние защитного покрытия в месте врезки (разрыв, оплавление и т.д.); место врезки в трубу (сверху, сбоку, снизу) и способ проникновения в него (сверление, сварка), а также диаметр отверстия;
  - наличие приспособлений, с помощью которых произошло проникновение в тело трубы (патрубок, шаровый кран, шланг и т.д. и их описание);
  - наличие в месте врезки металлических стружек, опилок, либо оплавленных капель металла (изымаются);
  - способ маскировки врезки;
  - состояние грунта в месте врезки (необходимо отметить наличие или отсутствие загрязненности грунта нефтепродуктами);
  - наличие или отсутствие запаха нефтепродуктов на месте происшествия;
  - наличие следов человека и транспортных средств на прилегающей к месту врезки территории [2].

В протоколе указываются изъятые с места происшествия вещественные доказательства и образцы нефтепродуктов, производится фотографирование места происшествия.

В процессе осмотра принимаются необходимые меры к фиксации следов преступления (следы рук, обуви преступников, следы от транспортного средства, пятна от ГСМ, микрочастицы защитного покрытия трубопровода, металлические стружки, капли металла и т.д.). При этом следует иметь в виду, что следы обуви, автотранспорта могут быть оставлены выезжавшей бригадой работников нефтяной компании, обнаруживших хищение (незаконную врезку).

В случае совершения хищения нефтепродуктов из МНПП путем несанкционированной врезки, с участием специалиста требуется изъять образцы нефтепродуктов из МНПП. Данные образцы в дальнейшем могут быть использованы для проведения сравнительной экспертизы, в случае изъятия у подозреваемого одежды либо при задержании автотранспорта с похищенным топливом.

Если преступники задержаны на месте преступления либо в ходе оперативно-розыскных мероприятий у них необходимо произвести выемку и осмотр верхней одежды, в которой возможно совершалось хищение, с целью обнаружения микрочастиц защитного покрытия трубопровода, стружки, опилок или капель оплавленного металла, пятен от нефтепродуктов и направить их на исследование для подтверждения либо опровержения их тождественности с образцами, изъятыми на месте происшествия.

В случае задержания автомашины с похищенным нефтепродуктом во время осмотра транспортного средства необходимо изъять образец находящегося в нем нефтепродукта для установления в дальнейшем его однородности с содержимым МНПП.

При производстве осмотра бензовоза требуется детально описать: транспортное средство (марка, номер, внешний вид, наличие какой-либо документации в кабине водителя и т.д.), прицепное устройство либо имеющуюся стационарную емкость (месторасположение, идентификационный номер резервуара, вместимость, наличие (отсутствие) пломбировки счетчика топлива, наличие (отсутствие) раздаточных рукавов и кранов, наличие

(отсутствие) следов разлива топлива на внешних стенках резервуара, базовая высота резервуара, наличие устройства для заполнения емкости нефтепродуктом и т.д.). При осмотре транспортного средства осмотру подлежат также документы, находящиеся у водителя с целью выяснения характера законности, производимых им действий по перевозке нефтепродуктов (количество, марка горючего, его плотности и т.п.). Так, например, из материалов дела следует, что после заполнения похищенной нефтью емкостей автомашин - нефтевозов она транспортировалась водителями этих нефтевозов <...> по поддельным сопроводительным документам, как сливы нефтяные остаточные, якобы приобретенные <...> в ООО <...>, где сдавалась на нефтеналивной терминал ЗАО <...> уже по другим поддельным сопроводительным товарно-транспортным накладным, как газовый конденсат, якобы приобретенный ООО <...> у ООО <...>¹.

В ходе осмотра документов необходимо обращать внимание на соответствие реквизитов участников финансово-хозяйственной деятельности в товарно-транспортных накладных, путевых листах и счетах фактурах, находящихся в пакете документов на груз – «грузоотправители», «грузополучатели» и лица оплатившие груз должны быть одни и те же. В дальнейшем все эти данные сопоставляются с данными замеров. По этим документам можно установить наличие остатков топлива, количество полученного топлива, характер груза. Осмотру могут подвергаться некоторые предметы, обнаруженные при осмотре транспортного средства (например, специально изготовленные приспособления для заполнения емкости нефтепродуктом).

Произвести фотографирование транспортных средств, использованных подозреваемыми лицами для перевозки похищенного топлива; иных предметов, примененных этими лицами при производстве врезки в МНПП, перекачки нефтепродуктов и т.д. Приобщить к материалам уголовного дела орудия преступления.

В случае обнаружения на месте незаконной врезки нескольких лиц, заподозренных в совершении хищения топлива, необходимо по отдельности опросить их по факту нахождения в указанной месте для установления периода времени их приезда, целевого назначения, характера выполняемых действий, степени организованности (роли каждого фигуранта) и т.д.

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела материалы проверки по выявленному факту несанкционированной врезки в МНПП должны содержать следующие сведения и документы:

- заявление о преступлении, заявление о явке с повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления;
- справка о размере ущерба (с разбивкой объема и стоимости похищенного топлива и расходов, понесенных при производстве ремонтно-восстановительных работ), причиненного собственнику в результате незаконной врезки. В случае же только повреждения преступниками участка МНПП – справка о стоимости поврежденного имущества и т.д.;
- копия сличительной ведомости результатов инвентаризации нефтепродуктов на рассматриваемом участке МНПП;
- копия расчета естественной убыли нефтепродукта при приеме от нефтедобывающей компании и при перекачке по МНПП;
- протокол осмотра места происшествия с приложенной схемой ОМП, эскизом врезки отвода для несанкционированного отбора нефтепродуктов из МНПП, фототаблицей;
- объяснения лиц, которые выявили факт снижения давления в МНПП (какие меры были предприняты, в связи с этим); а также от лиц, принимавших участие в обследовании МНПП; кто обнаружил место незаконной врезки; от лиц, ответственных за охрану участка МНПП. Свидетель №3 пояснил **.** августа 2019 г., поступила информация о падении давления в продуктопроводе, было дано указание провести обследование на участке продуктопровода. ХХ.УУ.ГГГГ он самостоятельно обследовал участок с ** по ** км продуктопровода

¹ Определение Верховного Суда РФ от 16 марта 2009 г. // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/v4x0za8cmzYH> (дата обращения 18.10.2021)

<данные изъяты> после обеда вдоль трассы он обнаружил врезку дизельного топлива и шнур красного цвета, уходящий в сторону. Он доложил руководству. Далее с сотрудниками поисково-технической группы приехали на место и обнаружили дополнительные признаки несанкционированной врезки, решили провести специальные мероприятия видеонаблюдение за участком¹;

- справки сотрудников органа дознания о предпринятых ими мерах по установлению лиц, совершивших данное преступление и местонахождения похищенных нефтепродуктов;

- справка о наличии (отсутствии) в нефтедобывающей компании фактов утечек, недостач, иных хищений топлива на рассматриваемом участке МНПП, на перекачивающих станциях и иных объектах, связанных с указанным трубопроводом (копии Актов ревизий, обследований, технических расследований повреждений и т.д.);

- сведения о периодичности производства обхода данного участка МНПП, перечень ответственных за эту работу лиц.

Указанный перечень сведений и документов не является исчерпывающим. В зависимости от конкретного случая и сложившихся обстоятельств может претерпевать изменения и дополнения.

Методика расследования уголовных дел, связанных с несанкционированными врезками в магистральные трубопроводы и хищением нефти и нефтепродуктов, в большей степени не имеет существенного различия от производства следственных действий по делам общеуголовной направленности, но все же ей присущи свои специфические особенности.

При наличии лиц, подозреваемых в совершении хищений нефтепродуктов, требуется незамедлительно произвести обыска по месту проживания, работы, в гаражах, иных местах пребывания указанных лиц с целью обнаружения похищенного, орудий совершения преступления (сварочные и сверлильные аппараты, патрубки, шаровые краны, шланги и т.д.);

В ходе допроса таких лиц необходимо выяснить следующие вопросы:

- Когда и на каком основании прибыли на место несанкционированной врезки?

- Откуда произведен выезд?

- Какова цель приезда?

- Каков характер выполняемых ими действий?

- Кем организована поездка к месту незаконной врезки (роль каждого фигуранта, в том числе по приисканию техники; горюче-смазочных материалов; выработка согласованного плана действий, как по «работе» на месте преступления, так и по перевозке и реализации похищенного топлива)?

Например, из материалов уголовного дела следует, что К***** В.А. и А*****К.Е., действуя в составе организованной группы, согласно распределенным ролям, в целях реализации общего преступного умысла, по указанию лица (Ф.И.О.), в период времени с ХХ.УУ.ГГГГ по ХХ.УУ.ГГГГ регулярно перевозили похищенный автомобильный бензин марок АИ-95-К5 и АИ-92-К5 на автомобиле марки «*****» с гос. рег. ном. № ... из емкости № «00-00 0000-МР-00», находящейся на земельном участке по адресу: <адрес>, в емкость № «1111 1111МР11П», расположенную на складе по адресу: <адрес>, в целях накопления и последующей реализации похищенного².

- Кем, когда, куда, кому и на основании каких документов производилась перевозка и реализация похищенного нефтепродукта?

- Кем, при каких обстоятельствах, в чьем присутствии производилась оплата за оказанные ими услуги по осуществлению врезки, перекачке, перевозке и реализации топлива?

- Какое имеют образование и специальность?

- Имеют ли опыт работы в сфере добычи, производства, перевозки и реализации нефтепродуктов, сварочной и слесарной деятельности?

¹ Приговор № 1-53/2020 1-557/2019 от 9 июля 2020 г. по делу № 1-53/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lu83ohXZj9ZW/> (дата обращения 13.10.2021)

² Приговор № 1-301/2020 1-301К/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-301/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/utpbtQCJMldx/> (дата обращения 17.10.2021)

Так, например, Х. А**** и К. Н***** привлекли к совершению преступления своих знакомых, в том числе Н. З*****, обладавшего специальными познаниями и навыками в области производства сварочных работ, В. А****, имеющего познания в области изготовления и монтажа элементов конструкции несанкционированной врезки в нефтепровод¹.

Так же необходимо предпринять меры по сбору характеризующих материалов в отношении заподозренных лиц (образ жизни; доходы и расходы; круг общения; род деятельности; наличие судимостей, в том числе за аналогичные преступления, и т.д.).

В случае получения от подозреваемых признательных показаний целесообразно провести проверку показаний на месте, по возможности с использованием фото и видеозаписи.

Рекомендуется незамедлительно принять меры к обнаружению и изъятию похищенного топлива, установлению и допросу имеющих свидетелей, выемке документов, подтверждающих перевозку, хранение, реализацию нефтепродуктов.

Произвести изъятие образцов топлива по его месту нахождения с последующим назначением экспертизы нефти и нефтепродуктов для установления в дальнейшем его однородности с содержимым МНПП.

Эксперт может решить следующие задачи:

- Являются ли предоставленные образцы нефтью или нефтепродуктом?

Если ответ на первый вопрос – положительный, то идентичны ли образцы нефти с места преступления образцам из автоцистерны или иного транспортного средства?

- Находился ли исследуемый смазочный материал в эксплуатации?

- Имеют ли общую родовую (групповую) принадлежность вещества, обнаруженные на разных предметах-носителях?

- Имеются ли на одежде подозреваемого, либо на обнаруженных у него емкостях, либо на иных предметах, применявшихся при незаконной «врезке», следы каких-либо нефтепродуктов;

- Совпадают ли образцы нефтепродуктов с места происшествия или у подозреваемого, с образцами продукта, взятого из нефтепровода;

- Установить нефтехимический состав исследуемого вещества, его типа и марки;

- К какой категории относится объект исследования в строгом соответствии с принятыми на данный момент научно-техническими классификациями наименований нефтяной продукции.

При производстве следственных действий по уголовным делам о незаконной врезке и хищении нефтепродуктов целесообразно выявить и устанавливать причины и условия, способствующие совершению преступлений.

При установлении нарушений в организации охраны объекта (МНПП) вносить соответствующим руководителям и должностным лицам представления об устранении имеющихся недостатков.

С целью обеспечения сохранности и розыска похищенного имущества инициировать проведение координационных совещаний заинтересованных организаций, предприятий, служб и подразделений органов внутренних дел по организации охраны объектов (МНПП), совместных профилактических мероприятий и рейдов.

По всем случаям осуществления деятельности по хранению нефтепродуктов организациями с нарушением требований действующего законодательства, направлять в лицензирующих орган представления для решения вопроса о приостановлении либо аннулировании лицензий указанных организаций на осуществление хранения нефти и нефтепродуктов.

Таким образом, в сложившихся условиях первоочередное значение имеет оперативное и грамотное осуществление расследования, а также осуществление широкого комплекса мер, направленных на устранение условий, способствующих совершению хищения нефти из магистральных трубопроводов, путем врезок в трубопроводы, пресечение попыток последующей легализации похищенных объемов путем их переработки на мини-нефтепере-

¹ Приговор № В1-66/2017 от 24 октября 2017 г. по делу № В1-66/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8kt7dueAf6bn/> (дата обращения 17.10.2021)

работывающем заводе и оптово-розничной продажи, а также снижение спроса на добытое преступным путем и пресечение каналов его сбыта. При избрании тактически верного порядка проведения следственных действий на первоначальном этапе расследования, следователем может быть получен значительный объем криминалистически значимой информации, которая в дальнейшем позволит достичь цели расследования в виде уголовного наказания в отношении виновного лица [3].

Список источников

1. Кручинин М. В., Потапова Н. Н., Долгачёва О. И. Некоторые вопросы выявления и раскрытия преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Научные проблемы водного транспорта. 2015. № 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-vyyavleniya-i-raskrytiya-prestupleniy-v-sfere-toplivno-energeticheskogo-kompleksa> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Муженская Н. Е. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений: в 2 ч. Ч. I: учебник. М.: Проспект, 2015. 640 с. ISBN 978-5-392-16390-8. URL: <https://book.ru/book/916287> (дата обращения: 17.10.2021). Текст: электронный.
3. Миллюс А. И. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-taktiki-doprosa-podozrevaemogo-obvinyaemogo-pri-rassledovanii-prestupleniy-svyazannyh-s-hischeniyami-nefti-i> (дата обращения: 15.03.2022).

References

1. Kruchinin M. V., Potapova N. N., Dolgacheva O. I. Some issues of detection and disclosure of crimes in the field of fuel and energy complex. *Nauchnye problemy vodnogo transporta = Scientific problems of water transport*. 2015;(44). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-vyyavleniya-i-raskrytiya-prestupleniy-v-sfere-toplivno-energeticheskogo-kompleksa> [Accessed: 15.03.2022]. (In Russ.)
2. Muzhenskaya N. E. *A guide for an investigator and an inquirer on the investigation of certain types of crimes*: at 2 h. Part I: textbook. Moscow: Prospekt; 2015. 640 p. ISBN 978-5-392-16390-8. Available from: <https://book.ru/book/916287> [Accessed: 17.10.2021]. Text: electronic. (In Russ.)
3. Milius A. I. Features of the tactics of interrogation of a suspect (accused) in the investigation of crimes related to the theft of oil and petroleum products during their storage and transportation. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2021;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-taktiki-doprosa-podozrevaemogo-obvinyaemogo-pri-rassledovanii-prestupleniy-svyazannyh-s-hischeniyami-nefti-i> [Accessed: 15.03.2022]. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Н. Лазаренко – канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой юриспруденции, Смоленский филиал РАНХиГС;

А. И. Тимофеев – ст. преп. кафедры юриспруденции, Смоленский филиал РАНХиГС.

Information about authors

O. N. Lazarenko – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence of Smolensk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

A. I. Timofeev – Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence of Smolensk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 21.04.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 17.04.2022; accepted for publication 21.04.2022.

Научная статья

УДК 343

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-94-100

О МЕРАХ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЯХ

Елена Анатольевна Пащенко¹, Олег Алексеевич Жидков²,
Даниил Андреевич Колганов³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Елена Анатольевна Пащенко, pashenkoea@mail.ru

Аннотация. В статье представлено обоснование необходимости пересмотра мер антиэкстремистской и антитеррористической направленности в условиях изменяющейся политической ситуации. Авторами проанализирована активность законодателя в составах преступлений экстремистской и террористической направленности. Предложен анализ способов экстремистской и террористической преступности и с учетом трансформации средств совершения данных посягательств, рекомендованы методы предупреждения экстремизма и терроризма с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: экстремистские угрозы, экстремистская идеология, терроризм, цифровые технологии, предупреждение экстремистской деятельности, меры предупреждения терроризма, способы вовлечения в совершение преступлений

Для цитирования: Пащенко Е. А., Жидков О. А., Колганов Д. А. О мерах антиэкстремистской и антитеррористической безопасности в новых политических и социальных реалиях // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 94–100. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-94-100>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

ON ANTI-EXTREMIST AND ANTI-TERRORIST SECURITY MEASURES IN THE NEW POLITICAL AND SOCIAL REALITIES

Elena A. Pashchenko¹, Oleg A. Zhidkov², Daniil A. Kolganov³

^{1,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Elena A. Pashchenko, pashenkoea@mail.ru

Abstract. The article presents the justification for the need to revise anti-extremist and anti-terrorist measures in the context of a changing political situation. The authors analyzed the activity of the legislator in the composition of crimes of extremist and terrorist orientation. An analysis of the methods of extremist and terrorist crime is proposed, and taking into account the transformation of the means of committing these attacks, methods for preventing extremism and terrorism using digital technologies are recommended.

Keywords: extremist threats, extremist ideology, terrorism, digital technologies, prevention of extremist activities, measures to prevent terrorism, methods of involvement in crimes

For citation: Pashchenko E. A., Zhidkov O. A., Kolganov D. A. On anti-extremist and anti-terrorist security measures in the new political and social realities. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):94–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-94-100>

Научность подхода в противодействии террористическим угрозам требует прежде всего понимания детерминантного комплекса террористической активности и знания средств, методов и способов совершения преступлений. Регулярное обновление профилактических мер, их актуализация и приспособление под меняющиеся средства и способы совершения преступлений стало сегодняшней потребностью. Проф. А. И. Долгова обоснованно утверждает: «... трудно себе представить эффективную, даже хотя бы в небольшой степени, борьбу с преступностью при отсутствии или игнорировании научных знаний» [1, с. 17].

Экстремизм и терроризм как опаснейшие проблемы XXI в. прочно вошли в предмет научных, методических, криминологических мероприятий. Необходимость опираться в криминологических исследованиях на статистические данные никто не умоляет. Однако, в противодействии экстремизму и терроризму не обращать внимание на государственную политику криминализации/декриминализации этих преступлений нельзя. А именно она влияет на действительное отражение в статистических данных состояния уровня преступности. Современное состояние экстремистских и террористических угроз находится в балансе: преступления террористической и экстремистской направленности, по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹, имеют тенденцию к снижению.

Сегодня предлагаем к обсуждению вопросы противодействия преступлениям экстремистской и террористической направленности через призму оценки способов совершения этих преступлений в условиях реального времени и в измененных условиях использования цифровых технологий. И, безусловно, нельзя не оценить уголовно-правовые решения, которые принимает законодатель на фоне растущих террористических угроз в современных геополитических условиях.

Законодатель различными направлениями реализует уголовно-правовое противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности. По части преступлений террористической направленности законодательная активность не раз вызвала вопросы и недоумение. В своем анализе современной российской уголовной политики проф. Коробеев А.И. совершенно обоснованно вводит неологизм «нормы-рекордсмены», к каковым относит ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая подвергалась корректировке 13 раз [2, с. 241].

Попытки законодателя уголовно-правовыми запретами выстроить барьер террористической преступности привели к формированию пула составов преступлений, объединивших разные формы причастности и прикосновенности к терроризму. По словам Н. Г. Иванова, уголовное законодательство, нацеленное на борьбу с преступностью (как склонны выражаться российские политики), подверглось новеллизационной атаке. Этот же автор говорит о том, что: терроризм и экстремизм – это особый бренд, который можно назвать брендом «с превосходной степенью», в связи с чем закон, уголовный закон, в частности, новеллизируется постоянно. [3, с. 36]. Не согласиться невозможно, а в результате мы видим зачастую непродуманные, научно невыверенные юридические конструкции, которые заставляют иронизировать теоретиков права и ломать головы и копья правоприменителей.

О таких изменениях, как введенная в уголовный закон ст. 205.1 УК РФ², критично высказались мэтры права на восходе ее криминализации. В первоначальном виде она называлась «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное оказание содействия их совершению». Казалось бы, речь идет о специальном виде подстрекательства. Однако наряду с подстрекательскими действиями (вовлечение в совершение преступлений террористического характера, склонение к участию в деятельности террористической организации) закон предусматривал и действия пособников (вооружение либо обучение лица в целях совершения упомянутых преступлений, финансирование терроризма либо террористической деятельности). По-видимому, считая содействие родовым понятием по отношению к подстрекательству и пособничеству, законодатель изменил название статьи, озаглавив ее «Содействие террористической деятельности» [4, с. 163].

В юридической литературе появление ст. 205.1 УК РФ было встречено с явным неодобрением [5, с. 288.]. По мнению С. М. Кочои, «сам принцип дополнения УК статьями, подобными ст. 205.1, порочен. Сегодня самостоятельной нормой Особенной части УК является содействие совершению терроризма, завтра таковым признают вовлечение в государственную измену, послезавтра – организацию убийства и т.д.» [6, с. 79].

Находящееся в абсолютном противоречии с институтом соучастия в Общей части уголовного закона, обновленное понятие пособничества в ст. 205.1 УК РФ лишило применителя

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. Электронный доступ: http://crimestat.ru/offenses_chart

² Уголовный кодекс РФ, ст. 205.1 Содействие террористической деятельности в ред. Федерального закона от 27.07.2006 №153-ФЗ.

возможности его эксплуатации в рамках института соучастия. Но это не только теоретическая правовая оценка, это правоприменительный тупик для каждого конкретного уголовного дела.

Состояние уголовно-правовых запретов террористической направленности характеризуется не только административно-правовой безальтернативностью, что абсолютно верно, но и предусмотренной законодателем ответственностью за любую форму физической или интеллектуальной причастности к террористической деятельности. Законом установлены запреты, имеющие толкование, выходящие за пределы прямого лексического смысла. Если по своей предупредительной направленности, например, часть 4 ст. 205.1 УК РФ¹ включает организацию совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, или руководство его совершением, а равно организацию финансирования терроризма, она не вызывает сомнений, то терминологическое наполнение наталкивает на размышления. Вряд ли обывательское восприятие финансирования состоит из «сбора средств»². Словарь Ожегова разъясняет под сбором действие, включающее взимание или собранные на что-нибудь или за что-нибудь деньги [7, с. 644], а не запланировано к получению.

Но даже сказанное не позволяет авторам размышлять об избыточности правовых запретов террористической направленности. Остановимся только на несогласии с конструктивными решениями, принятыми законодателем, и на указании на нарушение требований к качеству уголовного закона, которое сейчас с развитием правового мышления должно повышаться. Ситуация выглядит обратной.

Говорить об эффективном предупреждении преступности можно тогда, когда у нас есть понимание, какие причины эту преступность порождают, и какими средствами будут пользоваться преступники. В этом случае сегодняшняя политическая ситуация пошла нам на пользу, мы можем четко прогнозировать виды преступного поведения и способы совершения преступлений. Начатая специальная военная операция³ сразу выявила характер актуальных угроз и возможные способы их реализации. Потребность в информационном противодействии физическому способу поддержки Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики заставила многих представителей общественной, культурной, отраслевой богемы вести цифровые информационные атаки. И здесь появилось четкое понимание, что это поведение «ложится» на признаки составов уголовно-наказуемых деяний экстремистской и террористической направленности. Дело осталось за малым – найти эффективные и действенные, а главное, актуальные способы противостоять этим высокохудожественным провокациям.

В преступлениях экстремистской направленности криминализационные качели долгое время имели возвратно-поступательную амплитуду. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности⁴ – ст. 280 УК РФ менялась шесть раз. «Базовый» экстремистский состав – статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства в редакции Федерального закона от 27.12.2018 № 519-ФЗ обросла административной преюдицией и стала уголовно-нейтральной, исключив все последствия для лиц, ранее не привлекавшихся к административной ответственности.

Какой ответный шаг последовал от законодателя в свете политических событий? Общество получило новые уголовно-правовые запреты: Статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации; Статья 280.3. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.)

² Примечание 1 к ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

³ Федеральный закон от 26.03.2022 N 69-ФЗ "О внесении изменения в Федеральный закон "О ветеранах" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.03.2022, "Российская газета", N 65, 28.03.2022, "Собрание законодательства РФ", 28.03.2022, N 13, ст. 1958.

⁴ Статья 280. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022)

граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственных органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях; Статья 284.2. Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц¹.

Будет ли этих норм достаточно и под каким углом смотрит на них научное сообщество? Сразу следует оговориться, научное сообщество осознает избыточность уголовно-правовых запретов и критически оценивает попытки ввести специальные нормы, наряду с имеющимися общими запретами. Так же постоянным сомнением подпитывается достаточная общественная опасность вновь криминализованных деяний. Но такая позиция касается любых угроз, за исключением угроз террористической направленности.

В отношении ст. 207.2 УК РФ, которая появилась в законе 01 апреля 2020 г., Н.Г. Иванов задал вопрос: «соответствует ли защищаемая ст. 207.2 УК РФ ценность той, которая требует именно уголовно-правовых, а не иного рода репрессий» [3, с. 36]?

Для возможности продуктивного обсуждения способов противодействия экстремизму и терроризму необходимо глубокое понимание причинного комплекса этих негативных социальных явлений. У терроризма и экстремизма разные детерминанты. Экстремизм всегда соотносился с идеологией на фоне политической и экономической неустроенности, религиозным и национальным разнообразием, ментальным непониманием и культуральных отличиях.

Основа или база экстремистской идеологии может появиться в политическом, экономическом, социальном и религиозном недовольстве, непонимании, противоречии. Также и виды экстремизма могут иметь разные способы проявления в зависимости от источника идеологического противоречия.

Социальный экстремизм может содержать в себе признаки молодежного экстремизма, субкультурного, спортивного экстремизма. Например, комплектация групп молодежных экстремистов происходит через вовлечение в неформальные молодежные субкультуры. Политический экстремизм, напротив, привлекает участников через неконструктивную критику политических и экономических процессов государственного управления – безработицу, имущественное неравенство, подавление свободы слова и др.

В настоящее время экстремистская и террористическая сферы характеризуются максимально широким использованием цифровых технологий. С периода начала пандемии, закрытия границ международного сообщения и перевода социальной коммуникации в интернет-пространство способы вовлечения в экстремистский и террористический лагерь «замкнулись» на сетевых технологиях. В дальнейшем эта ситуация усугубилась специальной военной операцией, которая не оставила преступникам возможности для непосредственных личных контактов. Избираемые преступниками формы общения, методы воздействия на индивидуальное или коллективное сознание подчиняются новым условиям. Период начала специальной военной операции на территории Украины трансформировал используемые интернет-технологии в сторону предпочтения социальных и политических мотивов при вовлечении в террористические и экстремистские преступления.

Изначальное намерение террористов состояло в максимальном распространении информации о совершенном деянии, порождении паники в обществе и страха перед следующими атаками. Криминологами отмечено, последствием каждого террористического акта на общественном транспорте в последующие дни становилось резкое снижение пассажиропотока на этом виде перевозок.

Устрашение населения, вызов опасений за безопасность собственной жизни и безопасность близких людей – это цель террористического акта. Сегодня терроризм без широкой огласки, без открытого предъявления требований не существует. Терроризм сегодня – это форма насилия, рассчитанная на массовое восприятие [8, с. 36].

С учетом постоянства целей террористов, совершаемого вызова, следует оценивать региональные особенности профилактики преступности. Необходим учет социальных,

¹ Федеральный закон от 04.03.2022 N 32-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

экономических, культурных особенностей, присущих локации, для понимания способов, используемых преступниками при совершении всех видов террористических деяний. Южный регион длительное время отличало самоустранение молодежи от политических процессов. Вероятнее всего, те примеры террористических актов и, в целом, террористической активности на территориях республик Северного Кавказа (г. Беслан 2004 г., г. Назрань 2004 г. и 2009 г., г. Нальчик 2005 г.) сформировало у местного населения стойкое опасение за политическое здоровье молодежи. Социальный контроль существенно повысился и интернет-коммуникации были сведены к минимуму, но такая ситуация в условиях глобального покрытия сетевыми технологиями не могла сохраняться долго.

Ученые констатировали с 1980-1990-х гг. появление на Северном Кавказе экстремистских течений, в частности ваххабизма, что способствовало формированию у населения русских районов исламофобии и ограничению взаимодействия органов государственной власти русских районов с лояльными мусульманскими общинами.

После 2014 г. влияние экстремистских и террористических формирований и вовлечение молодежи в ряды преступных групп увеличилось.

В период с 2014 г., а далее в период пандемии, произошло повсеместное проникновение информационных технологий во все сферы жизни. В дальнейшем, в связи со снижением мер изоляции регулярное использование комбинированных форматов онлайн и офлайн-взаимодействия во всех сферах создало новые угрозы осуществления экстремистской деятельности через полученные в информационном пространстве знания.

Экстремизм проник в реальный мир, угрожая абсолютно конкретным системам жизнеобеспечения, инфраструктуре, социальной, политической, экономической сферам. Интернет-пространство используется как средство достижения определенных целей максимального распространения информации.

Отдельно следует сказать о провокационной деятельности. Провокации в экстремистских и террористических преступлениях являются одними из наиболее мощных угроз. Преступления же террористической направленности не только резервируют за собой право на насилие, но и реализуют его. В преступлениях экстремистской направленности через информационные технологии осуществляется огромный ресурс на завуалированные манипуляции. В преступлениях террористической направленности эти манипуляции являются более прозрачными.

Противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде, по мнению авторов, возможно разрешить организационно достаточно простым, но технологически и финансово затратным способом. Но такой способ будет иметь результативность и эффективность, а, следовательно, сработает как метод криминологического противодействия. Этим способом является распространение в СМИ, социальных сетях и на различных информационных ресурсах сведений о культурных, научных достижениях и победах лиц и групп, подвергающихся в сети интернет оскорблениям и унижениям. Через знания истории и культуры, через понимание исторического вклада в развитие искусства, литературы, живописи, науки, государственной стратегии мы придем к признанию за представителями различных групп их вклада и значения.

Толерантность не вырастает сама по себе и не может быть привита искусственно, ее необходимо выращивать и развивать. И развитие таковой возможно через познание достижений, через уверенность в значимости вкладов и вложений в мировые признанные достижения представителями всех социальных, религиозных, расовых и иных групп.

Некорректная подача информации о совершенных террористических актах, особенно если эта подача осуществляется без учета религиозных, бытовых, традиционных обычаев и норм, порождает за собой генерирование идей последователями и подражателями. Непринятие во внимание региональных и культурных особенностей является безответственной и ошибочной политикой в распространении информации о террористических актах. Преступления же экстремистской направленности, если экстремистами они выдаются за положения и за позиции изъязвления свободной воли, также влекут за собой выстраивание «шеренги последователей».

Определяя профилактику экстремизма и терроризма как приоритетное направление государственной политики предупреждения преступности, необходимо использовать тот прогресс, который коснулся способов совершения преступлений. Да, общепризнанным является государственное уголовно-правовое реагирование на преступления как реакцию на уже выработанные способы совершения преступлений, но в предупреждении экстремизму и терроризму, которые совершаются с применением цифровых технологий, мы вправе думать, что такое противодействие возможно при использовании тех же инструментов, которыми пользуются преступники.

Выбранный законодателем путь всеобщей криминализации не дает ожидаемого профилактического эффекта, следовательно, необходимы иные превентивные меры. Поскольку инструментом совершения преступлений экстремистской и террористической направленности сейчас является сеть интернет, то способом противодействия будет являться расширение в ней активного профилактического присутствия. В сети должны быть представлены разъяснения следующего рода: сопоставление и разграничение свободной воли на изложение своего мнения не должно противоречить уголовно-правовым запретам, тем более что сегодняшняя государственная уголовно-правовая политика противодействия преступлениям экстремистской и террористической направленности определена как разделение криминализационных потоков. Минимизировано в уголовном законе присутствие экстремистских посягательств, и одновременно, любая форма причастности к преступлениям террористической направленности является уголовно-наказуемой без административной альтернативы.

В современных условиях задачи интернет-противодействия экстремизму не могут состоять в констатации вариантов административной или уголовной ответственности и даже в обзорах практических примеров привлечения к ответственности. Период специальной военной операции на территории Украины резко повысил потребность в социальной пропаганде и, при этом, сократил количество политически индифферентных граждан.

Необходимым является, и об этом свидетельствует современная социальная политика, проведение работы, ориентированной на популяризацию, признание, поддержку государственных решений. Решения Правительства России в СМИ и сети интернет должны быть объяснены обществу с позиции их безусловной целесообразности, как необходимые для исключения социального неприятия, для экономической и политической здравости.

Присутствует понимание, что вопросы противодействия экстремизму должны реализовываться с учетом психологических, физиологических особенностей аудитории, на которую ориентирована информационная пропаганда. В ключе рассмотрения частных вопросов противодействия следует обращать внимание на следующие конкретные рекомендации:

во-первых, на источник передачи информации, он должен соответствовать информационным предпочтениям, которые приоритетны для оппонентов;

во-вторых, на конкретный вид социальных сетей и социальных информационных площадок, на которых происходит распространение контента. Те площадки, которые пользовались популярностью среди молодежных групп еще несколько месяцев назад, в настоящее время перестают быть площадкой, объединяющей эти социумы. Такая история случилась с сервисом Тик-Ток;

в-третьих, следует ориентироваться на авторство и личность лица, через которого значимая в целях социальной государственной пропаганды информация транслируется потребителю. Поскольку продолжительность «сетевой жизни» блогера или стендапера составляет около полутора лет, то привлечение его к информационной положительной пропаганде, возложение на этот вид распространения информации долгосрочных ожиданий не оправдано. Продолжительная «эксплуатация» такого лица, как профилактическая мера не состоятельна.

Настоящее время не может ориентироваться на «долгоиграющие» способы профилактики преступлений экстремистской или террористической направленности. Сегодняшние способы должны действительно отражать актуальные вызовы экстремистов, учитывать и оценивать их финансовые, информационные, технологические возможности.

Предупреждая в сети интернет преступность террористического характера, следует доносить до всех тех, кому адресована террористическая пропаганда, а это в основном молодое население, мнение о том, что терроризм – это не про право на насилие над определенной категорией, терроризм – это про убийство за деньги, про эксплуатацию обычаев и отсутствие теоретической подготовки в толковании исторических событий, религиозных текстов, общественных процессов.

Профилактируя преступления террористической направленности, следует также акцентировать внимание на том, что человечество уже неоднократно справлялось с попытками столкнуть людей разных национальностей, религиозных и иных предпочтений между собой, но население само выбиралось из последствий попыток межнациональных конфликтов, которые поразились манипуляциями, в том числе используемыми в СМИ.

Список источников

1. Оптимизация научного обеспечения и криминологической культуры борьбы с преступностью. Редакционная коллегия: А.И. Долгова, доктор юридических наук, профессор (отв. редактор), О. А. Астафьева, С. Д. Белоцерковский, Д. А. Соколов. М., 2011. 352 с.
2. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
3. Иванов Н. Г. Манихейские каноны российского уголовного права // Мировой судья. 2020. № 11. С. 35–40.
4. Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155–178.
5. Борисов С. В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права: Материалы X Российского конгресса уголовного права. М., 2016.
6. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2005. 176 с.
7. Словарь русского языка. Составитель С.И. Ожегов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 644 с.
8. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. 292 с.

References

1. *Optimization of scientific support and criminological culture of fighting crime*. Editorial Board: A.I. Dolgova, Doctor of Law, Professor (editor-in-chief), O.A. Astafieva, S.D. Belotserkovsky, D.A. Sokolov. Moscow; 2011. 352 p. (In Russ.)
2. Korobeev A. I. *Criminal law policy: from genesis to crisis*. Moscow: Yurlitinform; 2019. 352 p. (In Russ.)
3. Ivanov N. G. Manichaeic canons of Russian criminal law. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*. 2020;(11):35–40. (In Russ.)
4. Rarog A. I. Russian Criminal Code Against Terrorism. *Lex russica*. 2017;(4):155–178. (In Russ.)
5. Borisov S. V. To the question of the criminological basis of the offense in the form of complicity in the commission of a terrorist act. In: *Criminological foundations of criminal law: Materials of the X Russian Congress of Criminal Law*. Moscow; 2016. (In Russ.)
6. Kochoi S. M. *Terrorism and extremism: criminal law characteristics*. Moscow; 2005. 176 p. (In Russ.)
7. *Dictionary of the Russian language*. Compiled by S.I. Ozhegov. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1952. 644 p. (In Russ.)
8. Emelyanov V. P. Terrorism and crimes with signs of terrorization: a criminal law study. St. Petersburg; 2002. 292 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Пашченко – канд. юрид. наук, декан юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС;
О. А. Жидков – студент факультета управления ЮФУ;
Д. А. Колганов – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. A. Pashchenko – Candidate of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
O. A. Zhidkov – Student of the Faculty of Management of the Southern Federal University;
D. A. Kolganov – Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 07.06.2022. The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 07.06.2022.

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ХОДАТАЙСТВ О ПРИЗНАНИИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ. ФОРМЫ И ВИДЫ СУДЕБНЫХ АКТОВ,
ВЫНОСИМЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАССМОТРЕНИЯ ТАКИХ ХОДАТАЙСТВ**

Марита Сергеевна Ремизова

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
mremizova.1998@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7862-306X>

Аннотация. В статье исследуются проблемные практические вопросы уголовного судопроизводства относительно процессуальных форм заявления сторонами ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением требований законодательства; процессуальных форм и видов решений, выносимых судом при разрешении ходатайств об оспаривании доказательств, а также о необходимости разрешения судом такого рода ходатайств с обязательным удалением в совещательную комнату. Проведенное исследование показало, что на законодательном уровне не закреплены требования к процессуальной форме ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства, к процессуальной форме и видам судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств, а также к требованиям о необходимости разрешения судом заявленного сторонами ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства с обязательным удалением в совещательную комнату. Результатом исследования явилась авторская позиция по выработке путей совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в которой нашли отражение все названные выше пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: ходатайство о признании доказательств недопустимыми, суд, стороны защиты и обвинения, форма заявления ходатайства, форма и виды судебных актов

Для цитирования: Ремизова М. С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 101–109. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-101-109>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

**PROCEDURAL FORMS OF PETITIONS FOR THE RECOGNITION
OF EVIDENCE INADMISSIBLE. FORMS AND TYPES OF JUDICIAL ACTS ISSUED
AS A RESULT OF CONSIDERATION OF SUCH PETITIONS**

Marita S. Remizova

Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia, mremizova.1998@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7862-306X>

Abstract. The article examines problematic practical issues of criminal proceedings regarding the procedural forms of the parties' applications for recognition of evidence obtained in violation of the requirements of the law; procedural forms and types of decisions made by the court when resolving petitions for challenging evidence, as well as the need for the court to resolve such petitions with mandatory removal to the advisory room. The conducted research has shown that at the legislative level there are no requirements for the procedural form of petitions for recognition of evidence obtained in violation of the current legislation, for the procedural form and types of judicial acts issued based on the results of consideration of such petitions, as well as for the requirements for the need for the court to resolve the petition filed by the parties for recognition of evidence obtained in violation of the current legislation with mandatory removal to the conference room. The result of the study was the author's position on the development of ways to improve the criminal procedure legislation, which reflected all the above-mentioned gaps in the criminal procedure legislation.

Keywords: the petition for the recognition of evidence inadmissible, the court, the defense and prosecution parties, the form of the petition, the form and types of judicial acts.

For citation: Remizova M. S. Procedural forms of petitions for the recognition of evidence inadmissible. Forms and types of judicial acts issued based on the results of consideration of such petitions. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):101–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-101-109>

Введение

В силу требований части 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона»¹. Данный принцип нашел свое отражение в части 3 статьи 75 УПК РФ². Вместе с тем, в Конституции РФ говорится о «доказательствах, полученных с нарушением федерального закона»³, а в УПК РФ используется немного другая формулировка – «недопустимые доказательства»⁴. Хотя Конституция и УПК РФ уравнивают эти два понятия и их тождественность предполагается, среди ученых процессуалистов ведутся на данную тему дискуссии. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве РФ отсутствует четкая правовая регламентация дефиниции «доказательства, полученного с нарушением федерального закона» или «недопустимого доказательства». В связи с этим в правоприменительной деятельности возможность реализации указанного требования закона ставится в зависимость от усмотрения правоприменителей, под которыми понимаются конкретные судьи. При этом критерии оценки судьей могут отличаться в зависимости от региона рассмотрения уголовного дела, от обстоятельств дела, от того, насколько существенными или несущественными оказались нарушения закона, допущенные на досудебной стадии, от объективности и беспристрастности судьи.

Сложности на практике возникают еще и в связи с отсутствием законодательной регламентации требований к процессуальной форме заявления ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства. Не нашли закрепления в нормах уголовно-процессуального закона требования и к процессуальной форме и видам судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства, о запрете разрешения судом такого вида ходатайств без удаления в совещательную комнату.

Правила оценки доказательств

Согласно положениям статьи 17 УПК РФ, в которой отражены общие правила оценки доказательств, «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью»⁵. Для суда «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы»⁶.

Критерии оценки доказательств регулируются положениями статьи 88 УПК РФ. Из части 4 названной нормы закона видно, что «суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 УПК РФ»⁷. Вместе с тем, анализ статьями 234 и 235 УПК РФ показывает,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1. Ст. 1416.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1. Ст. 1416.

⁴ См.: там же.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

что суд на предварительном слушании не наделен полномочиями по своей инициативе ставить на обсуждение вопрос об оспаривании допустимости доказательств.

Как правило, суд не инициирует рассмотрение вопроса о недопустимости доказательств. Ходатайства такого рода обычно исходят от одной из сторон уголовного судопроизводства: защиты или обвинения. Право заявления ходатайства сторонами защиты или обвинения представляется более логичным в зависимости от роли каждой из них в состязательном процессе, и не вызывает споров среди ученых – процессуалистов. В то же время право суда инициировать рассмотрение вопроса о недопустимости доказательств вызывает дискуссии в ученном мире, и среди теоретиков отсутствует единство в понимании процедуры признания доказательств недопустимыми судом по собственной инициативе.

С точки зрения В.В. Терехина, «по своей инициативе суд вправе обсудить и разрешить вопрос о допустимости доказательства только при получении сведений о нарушении конституционных прав личности в ходе собирания доказательств стороной» [1, с. 38].

А.Ф. Соколов полагает «необходимым по собственной инициативе принять решение об исключении доказательства, полученного с нарушением требований закона лишь в совещательной комнате» [2, с. 15].

В.М. Быков и Т.Ю. Ситникова отмечают, что «проверка и оценка допустимости доказательств судом по собственной инициативе осуществляется в ходе принятия основных решений по уголовному делу» [3, с. 150].

По мнению Ф. М. Кудина и Р. В. Костенко, «суд (судья) обязан производить проверку и оценку допустимости каждого доказательства в целях надлежащего установления значимых по уголовному делу обстоятельств и фактов, и только допустимые, относимые, достоверные и достаточные доказательства являются надлежащими средствами выяснения обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу» [4, с. 86].

Р.В. Костенко считает, что «решения суда (судьи) по уголовным делам, в которых он по собственной инициативе может признать доказательства недопустимыми, не требуют вынесения каких-либо еще сопутствующих им или дополнительных к ним постановлений или определений об исключении доказательств из числа допустимых. В случае признания по собственной инициативе доказательств недопустимыми, суд должен непосредственно обозначить этот факт в выносимых им решениях, отразив основание, послужившее исключению из числа доказательств по причине недопустимости» [5, с. 100-101].

В силу части 3 статьи 15 УПК РФ, «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав»¹. Согласно полномочиями отраженным в статье 29 УПК РФ², суд рассматривает и разрешает уголовные дела, находящиеся в его производстве. Конечной целью производства по делу является вынесение приговоров на основе принципов законности, обоснованности, справедливости, предусмотренных статьей 297 УПК РФ³. Таковым приговор суда может считаться, «если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона»⁴, в т. ч. на правильном применении норм закона о допустимости доказательств.

В связи с отмеченной ролью суда в уголовном процессе России, представляется, что суд по своей инициативе может поднять вопрос о признании доказательств недопустимыми и в том случае, если стороны в силу разных причин, в т. ч. и непрофессионализма, не заявляют такого ходатайства, а суд при ознакомлении с материалами дела обратил внимание на то, что какие-то доказательства получены с нарушением закона, и они должны быть исключены из перечня всех доказательств по уголовному делу. Однако суд, при этом, не принимает ни сторону обвинения, ни сторону защиты. Выполняя возложенную на него функцию осуществления правосудия, суд преследует цель вынесения законного и обоснованного

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

приговора с назначением справедливого наказания. Именно такое поведение суда соответствует принципу законности, поскольку незаконным будет считаться приговор, основанный на доказательствах, которые получены с нарушением требований закона.

Требования к процессуальным формам ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением требований действующего законодательства

В свою очередь, сторонам защиты и обвинения при заявлении в судебном заседании ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства, надлежит учитывать, в т.ч. и сформировавшуюся судебную практику, поскольку существует противоречивое толкование норм закона о допустимости доказательств судами разных инстанций. На законодательном уровне отсутствует закрепление дефиниции допустимости и недопустимости доказательств, существенных и не очень существенных нарушений закона, которые приводят к признанию доказательств полученными с нарушением действующего законодательства, устранимости и неустраимости допущенных нарушений, восполнимости и невосполнимости доказательственной базы. В большей степени требование о необходимости соблюдения сложившейся правоприменительной практики относится к адвокату, потому как именно защита в уголовном судопроизводстве чаще стороны обвинения оспаривает доказательства, собранные в ходе следствия.

Поскольку адвокат-защитник является одним из профессиональных участников уголовного процесса, любое заявленное им в судебном заседании ходатайство, непременно должно соответствовать к тем требованиям, которые предъявляются к судебным постановлениям – законности, обоснованности и мотивированности. В подтверждение своих доводов о недопустимости доказательств, защитнику необходимо привести в ходатайстве все нормы УПК РФ и других федеральных законов, которые, по его мнению, нарушены в процессе сбора доказательств. В заявленном ходатайстве защитник также должен указать и способы нарушения закона, отметить, в чем именно проявилось нарушение, а также какие последствия наступили в результате допущенных нарушений.

Из анализа норм действующего уголовно-процессуального законодательства, можно сделать вывод о том, что ходатайство о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства может быть заявлено защитником в ходе:

- ознакомления с материалами уголовного дела после окончания предварительного расследования;
- предварительного слушания;
- судебного следствия.

Однако практика показывает, что защитники не всегда пользуются правом на заявление такого рода ходатайств при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Согласно части 3 статьи 49 Конституции РФ «неустраимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого»¹, в силу чего в зависимости от того, какое именно нарушение допущено, иногда ходатайства о признании доказательств несоответствующим требованиям действующего законодательства лучше заявлять в ходе судебного разбирательства после исследования письменных доказательств по делу. Такая тактика защитника представляется правильной, поскольку она связана с тем, что органы предварительного расследования, как по своей инициативе, так и по инициативе прокурора, который наделен полномочиями направить дело для проведения дополнительного расследования, могут устранить допущенные нарушения, о которых заявил защитник, путем проведения дополнительных следственных действий.

И на предварительном слушании защитники не всегда заявляют ходатайство об оспаривании доказательств. Такая тактика также имеет право на существование, поскольку судьи практически всегда на указанной стадии отказывают в удовлетворении ходатайства с формулировкой «в связи с преждевременностью». Несмотря на то, что подобные доводы

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 1. – Ст. 1416.

судей не основаны на законе, зачастую происходит аналогичное, в связи с чем защитники, не желая затягивать рассмотрение дела, свои ходатайства заявляют непосредственно в ходе судебного следствия. Отказ стороны защиты от заявления ходатайств об оспаривании доказательств на указанном этапе объясняется и тем, что сторона обвинения, пользуясь правами «о представлении доказательств первой» согласно части 2 статьи 274 УПК РФ, может попытаться устранить допущенные нарушения закона в ходе судебного следствия путем допроса свидетелей, понятых, истребования различных доказательств и т.д.

Таким образом, чаще всего защитники ходатайства о признании доказательств несоответствующим требованиям действующего законодательства заявляют в ходе судебного следствия. Такая тактика защиты представляется более логичной и правильной.

По правилам УПК РФ, если при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования ходатайство о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства отражается в письменном виде в протоколе ознакомления с материалами дела, или прилагается к нему, то действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит требований, предъявляемых к форме ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства (в письменной или устной форме) на судебной стадии производства по уголовному делу.

В силу статьи 235 УПК РФ «стороны могут заявить ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства. В случае заявления ходатайства его копия передается другой стороне в день представления ходатайства в суд»¹. Это единственная норма закона, которая, хотя и косвенно, но содержит требования к форме ходатайства об оспаривании доказательств. Но это норма закона относится к предварительному слушанию.

В статье 271 УПК РФ регламентирован общий «порядок заявления и разрешения ходатайств»² в судебном заседании. Но и в ней нет указания на то, в какой процессуальной форме необходимо заявлять ходатайство о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства.

Таким образом, несмотря на то, что в УПК РФ отсутствует законодательная регламентация правил о необходимости заявлять ходатайства об оспаривании доказательств только в письменном виде, подобный подход представляется более правильным как с юридической, так и с практической точки зрения, поскольку, во-первых, суду и процессуальным оппонентам предоставляется возможность проанализировать и дать аргументированную юридическую оценку каждому доводу ходатайства, во-вторых, последующие инстанции будут иметь возможность видеть все доводы автора ходатайства.

Требования к процессуальной форме и видам судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства

Независимо от того, в какой процессуальной форме заявлено ходатайство о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства, на суд возложена обязанность разрешить его в соответствии с требованиями статей 120–122 УПК РФ и части 4 статьи 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности судебного решения.

Вместе с тем, УПК РФ не содержит обязательных требований и к процессуальной форме судебного акта, выносимого судом по результатам рассмотрения заявленного ходатайства. В связи с чем, такие решения судом могут быть приняты, в т. ч. и в виде протокольных определений.

Также уголовно-процессуальный закон не содержит норм, обязывающих суд разрешать ходатайства о признании доказательств недопустимыми с удалением в совещательную комнату.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² См.: Там же.

Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51¹, «... по тем вопросам, которые указаны в части 2 статьи 256 УПК РФ, суд выносит постановление или определение в совещательной комнате в виде отдельного процессуального документа, который подписывается всем составом суда. Иные вопросы могут разрешаться судом, по его усмотрению, как в совещательной комнате, так и в зале судебного заседания с занесением принятого постановления или определения в протокол судебного заседания. Во всех случаях судебное решение должно быть мотивированным и оглашаться в судебном заседании»².

В части 2 статьи 256 УПК РФ³ указан перечень судебных актов, выносимых «в совещательной комнате в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или судьями, если уголовное дело рассматривается судом коллегиально»⁴. В этом перечне отсутствует решение суда по ходатайству сторон о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства. Оно отнесено к «иным определениям или постановлениям, которые выносятся в зале судебного заседания и подлежат занесению в протокол»⁵.

В правоприменительной практике это приводит к тому, что ходатайства сторон с мотивированным указанием многочисленных нарушений законодательства, допущенных при собирании доказательств, со ссылками на нормы закона, разрешаются судом на месте протокольными определениями одной фразой «об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства в связи с необоснованностью». Представляется, что суд может, не удаляясь в совещательную комнату, рассмотреть только ходатайства, не требующие особого обоснования, например, о вызове и допросе в судебном заседании свидетелей, экспертов, специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов и прочих вопросов.

В силу пункта 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51 «вопрос об удалении судьи при разрешении ходатайств ставится в зависимость от усмотрения судьи»⁶. Однако такой подход законодателя является не совсем правильным. В связи с загруженностью суда, пользуясь отсутствием законодательного закрепления об обязательности удаления суде в совещательную комнату для разрешения ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства, судьи практически всегда вопреки требованиям статьи 7 УПК РФ, на месте в зале судебного заседания одной фразой о необоснованности заявленного стороной ходатайства, отказывают в его удовлетворении, не мотивируя свои доводы.

В соответствии с положениями части 4 статьи 235 УПК РФ⁷ и пункта 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51, на сторону обвинения возлагается бремя опровержения доводов стороны. Но как показывает практика, не только суды, но и государственные обвинители зачастую просят отказать в удовлетворении ходатайства защитника, ограничиваясь формулировкой «в связи с его незаконностью и необоснованностью», не мотивируя при этом свои доводы в опровержение каждого аргумента защитника.

Очевидно, что протокольное определение суда о разрешении ходатайства об оспаривании доказательств, вынесенное в зале судебного заседания, не удаляясь в совещательную комнату, противоречит правилам части 4 статьи 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности судебного решения.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. – 2018.

² Там же.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2001. № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. – 2018.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Согласно части 3 статьи 271 УПК РФ «лицо, которому судом отказано в удовлетворении ходатайства, вправе заявить его вновь в ходе дальнейшего судебного разбирательства»¹. С учетом отсутствия в законе требований к форме решения суда, такое положение норм закона является справедливым и правильным, так как у защитника, участвующего в деле, возникает право заявить повторно ходатайство о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства. При этом у него появляется возможность дополнить свое ходатайство новыми доводами о нарушении судом положений статьи 7 УПК РФ при предыдущем его рассмотрении.

Представляется, что поскольку в ходатайстве приводятся конкретные нормы закона, нарушенные, по мнению сторон защиты и обвинения при получении оспариваемого доказательства, то и суд в своем решении по заявленному ходатайству должен аргументировать свои суждения об обоснованности доводов сторон.

Решение суда о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства и их исключение из перечня доказательств по делу должно быть оформлено в соответствующей процессуальной форме. В соответствии с частью 4 статьи 236 УПК РФ, если «судья удовлетворяет ходатайство об исключении доказательства, и при этом назначает судебное заседание, то в постановлении указывается, какое доказательство исключается и какие материалы уголовного дела, обосновывающие исключение данного доказательства, не могут исследоваться и оглашаться в судебном заседании и использоваться в процессе доказывания»². Вместе с тем, указанная норма закона относится к стадии предварительного слушания, но ее нельзя игнорировать и на стадии судебного разбирательства дела.

С точки зрения Пленума Верховного Суда РФ, «исключение доказательств из разбирательства дела должно производиться по постановлению председательствующего судьи с обязательным указанием мотивов принятого решения»³. При этом и Постановление Пленума Верховного Суда РФ посвящено рассмотрению уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей.

В УПК РФ 2001 г. отсутствуют требования к видам судебных решений, которые принимаются судом в ходе рассмотрения ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства. Исследование положений УПК РФ показывает, что по результатам рассмотрения ходатайства об оспаривании доказательств, суд выносит одно из следующих решений:

1. О полном удовлетворении ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона и об их исключении из совокупности доказательств, собранных по уголовному делу.
2. О частичном удовлетворении ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона.
3. Об отказе в удовлетворении ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона.

В связи с отсутствием четкой законодательной регламентации видов судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства, представляется необходимым восполнить такой пробел в законе путем внесения соответствующих норм в УПК РФ.

Уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена также возможность обжалования судебного акта, вынесенного при разрешении ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением действующего законодательства. Его обжалование разрешено законом только вместе с приговором.

А. В. Горбачев считает необходимым предусмотреть в УПК РФ возможность такого обжалования в суд кассационной (по ныне действующему УПК РФ – апелляционной) инстанции.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² Там же.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 №23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. - 2006.

«Решение названной инстанции о законности исключения доказательств или отказе в этом должно считаться окончательным. До принятия решения судом кассационной (апелляционной) инстанции, не должно назначаться судебное разбирательство дела» [6, с.13].

С. В. Марасанова предлагает «закрепить процедуру так называемой «промежуточной кассации» для проверки правильности исключения доказательств, либо отказа в их исключении до начала рассмотрения дела в суде первой инстанции» [17, с. 21].

Вопреки существующей опасности нарушения предусмотренных статьей 6.1 УПК РФ разумных сроков уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовного дела, такая позиция представляется правильной, поскольку вопрос о признании (непризнании) доказательств недопустимыми в последующем может повлиять на законность, обоснованность, мотивированность приговора.

Признание судом доказательств полученными с нарушением требований действующего законодательства и их исключение из перечня доказательств по делу, влечет определенные процессуальные последствия. Из обобщения судебной практики видно, что не всегда исключение доказательств приводит к вынесению оправдательного приговора. В большинстве случаев при признании доказательств недопустимыми суды выносят приговоры с более мягким наказанием.

Заключение

Действующий УПК РФ не содержит обязательных требований:

1. К процессуальной форме заявления ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона (письменно или устно);
2. К процессуальной форме судебного акта, выносимого в ходе разрешения ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона;
3. О необходимости разрешения судом ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона с обязательным удалением в совещательную комнату;
4. К видам судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона;
5. О возможности обжалования решения суда, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона.

В связи с этим, представляется необходимым устранить пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве в части вышеизложенного, и в целях совершенствования законодательства предлагается внести в действующий уголовно-процессуальный кодекс соответствующие изменения и дополнения:

1. Изложить в следующей редакции часть 1 статьи 235 УПК РФ: *«Стороны в судебном разбирательстве заявляют ходатайство о признании доказательств полученными с нарушением закона и об их исключении из перечня доказательств по уголовному делу в письменной форме. В случае заявления ходатайства его копия передается другой стороне в день представления ходатайства в суд для составления мотивированного возражения».*

2. Дополнить статью 235 УПК РФ пунктом 8 следующего содержания:

«8. Требования настоящей статьи распространяются на стадию судебного разбирательства в суде первой инстанции».

3. В части 2 статьи 256 УПК РФ в перечень «определений и постановлений, которые выносятся в совещательной комнате и излагаются в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или судьями» внести *«постановления (определения) о разрешении ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением закона».*

4. Дополнить статью 256 УПК РФ частью 3 следующего содержания:

«По результатам рассмотрения ходатайств сторон о признании доказательств полученными с нарушением закона, судья принимает одно из следующих решений:

- 1) *о полном удовлетворении ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона и об их исключении из совокупности доказательств по уголовному делу;*
- 2) *о частичном удовлетворении ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона в определенной части;*
- 3) *об отказе в удовлетворении ходатайства о признании доказательств полученными с нарушением закона».*

5. В части 3 статьи 389.2 УПК РФ в перечень судебных постановлений, подлежащих апелляционному обжалованию включить «*постановления (определения) о разрешении ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением закона*».

6. Часть 4 статьи 389.2 УПК РФ изложить в следующей редакции: «*Обжалование определений или постановлений, вынесенных во время судебного разбирательства, не приостанавливает судебное разбирательство, за исключением определений и постановлений о разрешении ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением закона. При обжаловании определений и постановлений суда о разрешении ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением закона, производство по делу приостанавливается до рассмотрения жалобы судом апелляционной инстанции. Дальнейшее обжалование определений и постановлений суда о разрешении ходатайств о признании доказательств полученными с нарушением закона возможно только вместе с итоговым решением по делу*».

Список источников

1. Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис... докт. юрид. наук. Н.-Новгород, 2016. – 52 с.
2. Соколов А.Ф. Процессуальный порядок признания в суде доказательств не имеющими юридической силы // Российская юстиция. 1994. №10. С. 14–15.
3. Быков В. М., Ситникова Т. Ю. Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ // Правоведение. 2004. № 5. С. 142-150.
4. Кудин Ф. М., Костенко Р. В. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. Краснодар, 2002. 160 с.
5. Костенко Р. В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в ходе судебного производства по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3. С. 98-101.
6. Горбачев А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
7. Марасанова С.В. Организационные и процессуальные проблемы деятельности суда присяжных : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 28 с.

References

1. Terekhin V. V. *Admissibility of evidence in criminal proceedings (methodological, legal, ethical aspects)*: author. dis... doc. legal Sciences. N.-Novgorod, 2016. 52 p. (In Russ.)
2. Sokolov A.F. Procedural order of recognition in court of evidence as null and void. *Russian Justice*. 1994;(10):14-15. (In Russ.)
3. Bykov V. M., Sitnikova T. Yu. Grounds and procedural procedure for declaring evidence inadmissible under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Jurisprudence*. 2004;(5):142-150. (In Russ.)
4. Kudin F. M., Kostenko R. V. *Admissibility of evidence in the Russian criminal process*. Krasnodar; 2002. 160 p. (In Russ.)
5. Kostenko R. V. Exclusion of evidence obtained in violation of the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in the course of criminal proceedings. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(3):98-101. (In Russ.)
6. Gorbachev A. V. *Recognition of evidence as inadmissible in criminal proceedings: grounds and procedural order*: author. dis... cand. legal sciences. Moscow; 2004. 28 p. (In Russ.)
7. Marasanova S. V. *Organizational and procedural problems of the jury*: author. diss. ... cand. legal sciences. Moscow; 2002. 28 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. С. Ремизова – аспирант кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Information about the author

M. S. Remizova – Post-Graduate Student of the Department of Criminal Procedure of Saratov State Academy of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.04.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 04.05.2022. The article was submitted 16.04.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 04.05.2022.

Научная статья

УДК 343

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-110-114

НАРОДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРАВОСУДИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Владислав Сергеевич Рожков

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, rws0808@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об участии представителей народа в осуществлении правосудия по уголовным делам, а также влияние данного участия на справедливость в уголовном судопроизводстве. Указывается на трудности в обеспечении названного участия и пути разрешения таких трудностей. Предлагается совершенствовать институт присяжных заседателей и ввести институт народных заседателей.

Ключевые слова: справедливость в уголовном судопроизводстве, присяжные заседатели, народные заседатели, разумный срок уголовного судопроизводства, состав суда

Для цитирования: Рожков В. С. Народный элемент в правосудии как средство обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 110–114. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-110-114>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

THE POPULAR ELEMENT IN JURISDICTION AS A MEANS OF ENSURING JUSTICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vladislav S. Rozhkov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, rws0808@mail.ru

Abstract. In this article discusses the issue of the participation of representatives of the people in the administration of justice in criminal cases, as well as the impact of this participation on justice in criminal proceedings. Difficulties in securing this participation and ways of resolving such difficulties are also pointed out. It is proposed to improve the institute of jurors and introduce the institute of lay judges.

Keywords: justice in criminal proceedings, jurors, lay judges, reasonable term of criminal proceedings, composition of the court.

For citation: Rozhkov V. S. The popular element in jurisdiction as a means of ensuring justice in criminal proceedings. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):110–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-110-114>

В части 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплено право каждого, в том числе тех, кому предъявлено уголовное обвинение, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона¹. Несмотря на тот факт, что 15 марта 2022 г. Россия вышла из Совета Европы, названное право является составляющей правового государства, которым является Российская Федерация.

---

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. N 2. Ст. 163.

Работа Чезаре Беккариа «О преступлении и наказании» содержит в себе ряд идей, коррелирующих с названным положением.

Так, в главе 14 названной работы философ резюмирует, что те законы, которые предусматривают наряду с основным судьей заседателей, которые назначаются жребием, а не по выбору, являются самыми лучшими. Так как в этом случае незнание, которое судит, руководствуясь здравым смыслом, является более надежной гарантией, чем знание, которое судит субъективно, опираясь на собственное мнение [1, с. 63].

В главе 43 автор указывает на то, что чем многочисленнее будет коллегия *судей* (курсив наш. – В.Р.), тем меньше опасность узурпации её членами законов, поскольку сложнее осуществить подкуп лиц, наблюдающих друг за другом [1, с. 193-194].

В главе 19 данной работы сказано, что чем быстрее следует реакция государства в виде наказания на совершенное преступление, и чем само наказание ближе к преступлению, тем оно будет справедливее, так как это избавляет обвиняемого от бесплодных и жестоких мучений, связанных с неопределенностью ожидания, которое усиливается воображением и ощущением собственного бессилия что-либо предпринять [1, с. 90].

В главе 30 философ пишет, что время для подготовки обвиняемого к защите должно быть максимально ограничено, чтобы это не шло в ущерб незамедлительности наказания [1, с. 142].

Названные идеи находят свое отражение и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Современное российское законодательство предусматривает рассмотрение уголовных дел судьей единолично, коллегией из трёх *профессиональных* (курсив наш. – В.Р.) судей, судьей и коллегией присяжных заседателей.

Следует отметить, учитывая имеющиеся мнения судей и работников судебной системы, что при системном толковании норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Далее – УПК РФ), например, части 2 статьи 30, частей 3, 5 статьи 65, статьи 242 УПК РФ, можно заключить, что никто, кроме перечисленных выше лиц, в состав суда не входит¹.

На наш взгляд, справедливым судебное разбирательство может являться при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей. Очень точно на этот счет было сказано ныне действующим председателем Центрального окружного военного суда А.И. Каргиным: «Суд присяжных – это суд народа, а народ в выражении своей воли не ошибается» [2, с. 20].

Наделяя присяжных заседателей полномочиями по решению вопросов факта, законодатель снизил вероятность допущения ошибок в установлении фактических обстоятельств, которые свойственны одному человеку, в нашем случае профессиональному судье.

Если говорить о единоличном рассмотрении дела, то вероятность ошибки в установлении фактических обстоятельств максимально высока по сравнению с любыми другими вариациями состава суда. *Errare humanum est* (лат.) – человеку свойственно ошибаться. А состав суда, состоящий из нескольких профессиональных судей, обладает меньшей независимостью, чем имеющий народный элемент.

Из сказанного можно сделать вывод, что, смотря через призму справедливости на состав суда, суд, имеющий представителей от народа, является средством, с помощью которого возможно достижение справедливости в уголовном судопроизводстве.

Безусловно, ныне действующий правовой институт присяжных заседателей не лишён изъянов.

– Так, действующий УПК РФ устанавливает особенности судебного следствия с участием присяжных заседателей. Законодатель ограждает судей факта от возможности получения ими информации, способной вызвать предубеждение в отношении подсудимого. Но на практике стороны довольно часто нарушают эту норму.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. N 52 (ч. I). ст. 4921.

Использование частных постановлений в таких случаях не позволяет устранить возникшие нарушения, которые воздействовали на присяжных заседателей. Видится целесообразным удалять из зала судебного заседания участников, которые представили при судьях факта сведения, способные вызвать предубеждение. Такая реакция с большей степенью вероятности позволит не допустить предубеждение, о котором говорилось ранее, чем указание председательствующим о необходимости игнорирования присяжными заседателями сообщенных сведений. Факт удаления из зала судебного заседания защитника, государственного обвинителя свидетельствует о допущении последними максимально грубого нарушения, чего не скажешь о необходимости игнорирования сведений или *просто* (курсив наш. – В. Р.) замечании председательствующего.

– Возможность нуллификации уголовного закона присяжными заседателями. Г. А. Есаков пишет, что нуллификация уголовного закона представляет собой вынесение оправдательного решения вопреки наличию очевидных доказательств виновности подсудимого. Ее характерными чертами являются: возможность существования только в суде с участием обывателей, которые, во-первых, выносят свое решение отдельно от профессионального судьи и, во-вторых, не мотивируют решение; она возможна, когда виновность подсудимого очевидна или при отсутствии неустранимых сомнений в его виновности; является приложением к конкретному случаю, которое может диссонировать с универсальностью и абстрактностью уголовного закона [3, с. 121].

Вместе с тем, вручая бразды правоприменения профессионалам, никто не может дать гарантий безусловного выполнения и ими требований закона. Так, Ю.А. Цветков пишет, что утверждение сторонников теории о том, что нуллификация уголовного закона – явление, присущее исключительно присяжным, несправедливо, поскольку названное имеет место также в деятельности компетентных органов [4, с. 21].

Следует признать, что уголовный закон не всегда безукоризненно исполняется и профессиональными правоприменителями, и представителями народа при осуществлении правосудия. Изменить положение может планомерная работа по повышению уровня правового сознания.

– Увеличение сроков рассмотрения дела, которое обуславливается необходимостью формирования коллегии присяжных заседателей. В части 4 статьи 6.1 УПК РФ сказано, что обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства. Поэтому извещение кандидатов в присяжные заседатели для их явки в суд не является оправданием для затягивания рассмотрения дела.

В настоящее время приглашения кандидатам в присяжные заседатели направляются посредством почтовой связи, что увеличивает срок рассмотрения дела в суде. Нередки случаи, когда коллегия присяжных уже сформирована, а почтовые отправления только доходят до адресатов, что наглядно демонстрирует имеющиеся технические недостатки. Включение в списки кандидатов в присяжные заседатели адресов электронной почты и номеров сотовых телефонов граждан при их составлении исполнительно-распорядительным органом муниципального образования обеспечит решение названной проблемы. Это позволит с помощью электронной картотеки системы ПС ГАС «Правосудие» ускорить процесс извещения. Кто-то возразит, что такой способ извещения кандидатам в присяжные заседатели будет легче проигнорировать, чем письмо в почтовом ящике. Но не стоит забывать, что участие граждан в осуществлении правосудия является их гражданским долгом, а обязать исполнить этот долг и тем более привлечь к юридической ответственности за его неисполнение невозможно в действующем правовом поле. Те граждане, которые действительно хотят проявить свою активную гражданскую позицию, откликнутся и на извещение с помощью электронных сообщений и смс-сообщений.

Действительно, явка кандидатов в присяжные заседатели в суд является крайне низкой. Для обеспечения явки 25-35 кандидатов в присяжные заседатели работники аппарата

суда направляют 1 500 приглашений. В Саратовской области имелись случаи, когда формирование коллегии присяжных заседателей не осуществлялось в первом судебном заседании.

Так, в Ленинском районном суде г. Саратова по уголовному делу в отношении Гасанова Р. З. кандидаты в присяжные заседатели отказывались явиться на судебное заседание по формированию коллегии присяжных заседателей без какой-либо причины. Явка была менее 12 человек, и председательствующий распорядился о дополнительном вызове в суд кандидатов в присяжные заседатели из запасного списка.

В Саратовском областном суде по уголовному делу в отношении Орлова С.В. на судебное заседание по формированию коллегии присяжных заседателей явилось менее 14 кандидатов в связи с пандемией, председательствующим было дано аналогичное распоряжение.

Также нужно учитывать, что отправление «простой» почтовой корреспонденции не позволяет с достоверностью говорить, сколько кандидатов проигнорировали приглашение суда. Извещение с помощью электронной почты и смс-сообщений позволит четко отслеживать факт получения приглашения кандидатами в присяжные заседатели. И, конечно же, эта информационная составляющая позволит снизить нагрузку работников аппарата суда.

– Низкий уровень правовой грамотности присяжных заседателей. Законодатель устанавливает определенные требования к присяжным заседателям, но ничего не говорит об образовательном цензе. В УПК РФ закреплены конкретные составы преступлений, по которым возможен суд присяжных. Волне логично относить к такой группе составы преступлений, диспозиция которых ясна широкому кругу граждан. Этого не скажешь о статье 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹. Применяя анализируемую статью, следственная практика идет по пути уголовного преследования так называемых «воров в законе», «положенцев» и «смотрящих». Если категория «воров в законе» и знакома какому-то проценту граждан, то оставшиеся, в особенности вторая категория, для большинства законопослушных граждан неизвестны, что, на наш взгляд, делает невозможным вынесение справедливого вердикта.

Считаем, что составы преступлений, для понимания которых требуется определенный уровень знаний, не следует относить к подсудности существующего суда присяжных, а следует отнести к подсудности профессионального судьи и двух народных заседателей. Это позволит, с одной стороны, повысить профессионализм состава суда, с другой стороны, сохранить народный элемент в нем.

Полагаем, что к народным заседателям должен предъявляться ценз: наличие высшего образования. В этой связи формирование состава суда с народными заседателями определенным образом будет затруднено, так как не все граждане отвечают этому требованию. Поэтому в данном случае целесообразно состав суда сделать более усеченным, нежели суд присяжных.

В нынешних реалиях разумно привлекать граждан к участию в осуществлении правосудия по ограниченному перечню преступлений. В дальнейшем же, проводя мониторинг активности граждан в проявлении их гражданской позиции по оговоренному нами поводу, возможно будет расширять подсудность дел, в которых примут участие граждане.

В. И. Решетняком высказана точка зрения по поводу возможности участия граждан при рассмотрении материалов в порядке досудебного производства и в порядке исполнения приговоров [5, с. 36]. На наш взгляд, данная идея является гармоничным продолжением высказанных нами выше мыслей. Оперативность, которая нужна для рассмотрения материалов в порядке досудебного производства, можно обеспечить, создав дежурных народных заседателей.

Резюмируя сказанное нами и учитывая реалии российского общества, отвечающим идее справедливости будет рассмотрение уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям судом, в состав которого будут входить представители народа. При этом

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. Ст. 2954.

расширение подсудности судов присяжных и народных заседателей должно осуществляться поэтапно с учетом категорий преступлений и их отраслевой специфики.

Одним из плюсов участия представителей народа в отправлении правосудия является возможность должного обеспечения принципа правовой определенности и разумного срока уголовного судопроизводства. При нынешних возможностях апелляционного и кассационного (сплошного) обжалования, когда решение суда первой инстанции находится под угрозой отмены и «отвердевает» продолжительное время, указанные принципы реализуются не в полной мере.

Народный элемент в составе суда может позволить отказаться от проверки фактических обстоятельств, которые будут признаваться окончательно установленными после рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции. Основанием пересмотра таких решений должны служить лишь существенные нарушения закона при производстве по уголовному делу. То есть необходимость в апелляционной проверке решения первой инстанции отпадет. Это позволит придать решению суда первой инстанции правовую определенность за более короткий срок.

Из всего сказанного выше следует, что участие граждан, в том числе и в качестве присяжных заседателей, в отправлении правосудия является важным элементом правового государства. Безусловно, для должной реализации участия представителей народа в правосудии необходимо разрешать массу вопросов, в том числе и технических. Но для обеспечения справедливости уголовного судопроизводства это сделать необходимо.

Список источников

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа, пер. с франц. Хрущова А. СПб.: типография И. Глазунова. 1806. 200 с.
2. Каргин А. И. Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей // Судья. 2016. № 5. С. 16–21.
3. Есаков Г. А. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2. С. 121–129.
4. Цветков Ю. А. Великий уравнильщик: суд присяжных в России // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 14–24.
5. Решетняк В. И. Возможные пути развития суда присяжных в России // Судья. 2016. № 5. С. 36–39.

References

1. Beccaria Ch. *On crimes and punishments*. Transl. with French Khrushchova A. St. Petersburg: printing house of I. Glazunov. 1806. 200 p. (In Russ.)
2. Kargin A. I. Topical issues of consideration of criminal cases with the participation of jurors. *Sud'ya = Judge*. 2016;(5):16–21. (In Russ.)
3. Esakov G.A. "Nullification" of the criminal law in a jury trial. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2013;(2):121–129. (In Russ.)
4. Tsvetkov Yu. A. Great equalizer: jury trial in Russia. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2020;(1):14–24. (In Russ.)
5. Reshetnyak V. I. Possible ways of developing jury trials in Russia. *Sud'ya = Judge*. 2016;(5):36–39. (In Russ.)

Информация об авторе

В. С. Рожков – аспирант кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Information about the author

V. S. Rozhkov – Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 06.06.2022. The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 06.06.2022.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 115–122
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(1):115–122

Проблемы гражданского и предпринимательского права

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-115-122

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РСФСР 1922 г. КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: К ЮБИЛЕЮ КОДЕКСА

Татьяна Владимировна Шатковская^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению правовой природы первого советского гражданского кодекса и его роли в развитии российского позитивного права. ГК РСФСР 1922г., созданный как временный на период восстановления советской экономики после Гражданской войны, действовал почти сорок лет. Автор доказывает, что ГК РСФСР 1922г. своим действием опроверг утверждение советских юристов о недолговечности и детерминированности социально-экономическими условиями закрепленных в кодексах институтов. В статье показано, что многие специфические положения ГК РСФСР 1922г. прочно вошли в отечественное гражданское право, став устойчивыми понятиями и институтами.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, советское право, революционная законность, право собственности, публично-частное гражданское право

Для цитирования: Шатковская Т. В. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. как феномен публично-частного гражданского права: к юбилею кодекса // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 115–122. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-115-122>

Problems of Civil and Business Law

Original article

CIVIL CODE OF THE RSFSR 1922 AS A PHENOMENON OF PUBLIC-PRIVATE CIVIL LAW: FOR THE ANNIVERSARY OF THE CODE

Tatiana V. Shatkovskaya^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Rostov state economic university (RINH), Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to revealing the legal nature of the first Soviet civil code and its role in the development of Russian positive law. The Civil Code of the RSFSR of 1922, created as a temporary one for the period of restoration of the Soviet economy after the Civil War, was in force for almost forty years. The author proves that the Civil Code of the RSFSR 1922 by his action, he refuted the assertion of Soviet lawyers about the fragility and determinism of the socio-economic conditions of the institutions enshrined in the codes. The article shows that many specific provisions of the RSFSR Civil Code of 1922 firmly entered the domestic civil law, becoming stable concepts and institutions.

Keywords: civil code, Soviet law, revolutionary legality, property right, public-private civil law

For citation: Shatkovskaya T. V. Civil code of the RSFSR 1922 as a phenomenon of public-private civil law: for the anniversary of the code. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):115–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-115-122>

Рождение кодекса становится важным социально значимым правовым событием не только для его современников, но и потомков. Кодекс как неотъемлемый элемент истории положительного права дает новое направление развитию юридической науки, образования, правоприменительной практики. Поэтому при разработке кодекса следует учитывать, что он не только определяет поведенческую модель взаимодействия субъектов права в определенной сфере общественных отношений, но и влияет на правовое сознание поколений людей и их отношение к юридическим предписаниям государства. Наибольшее влияние оказывает гражданский кодекс, поскольку его предмет охватывает широкий круг «обывательских» хозяйственных отношений. Осуществление гражданских прав предполагает особый образ мышления и определенную практическую подготовку граждан. Не менее значимо искусство кодификатора для сочетания в кодексе общих и конкретных норм, обеспечивающих демократизм, динамизм и правовую устойчивость имущественного оборота.

К началу XX века в западноевропейской юриспруденции сложились современные каноны гражданского права. Их идеологической основой стала концепция естественного права, построенная на понимании человека как олицетворении свободы. Осуществление начал индивидуальной свободы вовне проявляет автономную волю лица и определяет его правомочия. Индивидуальные неотъемлемые от человека права приобрели высшую силу по отношению к правам, вытекавшим из общественного союза.

Закреплению этих постулатов в гражданских кодексах предшествовала длительная эволюция научных идей философов-просветителей (Гоббс, Локк, Руссо) прежде всего идеи о равенстве прав граждан и ее воплощение в политическом порядке европейских государств. Появление кодексов, закреплявших гражданское равенство и свободу вне зависимости от происхождения и социального положения человека, предотвращало, по мнению их создателей, господство крупной собственности и юридически обеспечивало равные конкурентные возможности в сфере имущественного оборота.

Доктрина абсолютной власти отдельного лица, ограниченного только законом и законными интересами других лиц, стала философской основой цивилистики XIX – нач. XX вв., наиболее ярко воплощенной во французском Гражданском кодексе 1804г.

К началу XX века авторитет догматов Просвещения пошатнулся и индивидуальную свободу перестали трактовать как врожденное право. Однако понимание того, что без юридических гарантий автономии и определенной роли частной хозяйственной деятельности и равного доступа граждан к правосудию не может развиваться ни одна политическая система прочно вошло в содержание гражданского права. Тем самым в него была привнесена доля индивидуальной свободы, не уступаемой публичным интересам и охраняемой карательной системой государства.

Таким образом, гражданское право создавало юридическое равенство для лиц, обладавших имуществом. Его пробелом оказалось отсутствие юридической защиты интересов неимущих трудящихся, составлявших в XIX – начале XX в. преобладающее общественное большинство. Господствующие социальные представления о браке и семье привели к изъятию из сферы гражданско-правового равенства внебрачных детей и женщин.

Широкое распространение эгалитарных политико-правовых идей активизировало процессы эмансипации в Европе и в Америке. В Германии и в России отменяют крепостное состояние крестьян, препятствовавшее в том числе и развитию гражданского права. Однако если в Германии процессы эмансипации и распространения идеи правового равенства привели к принятию кодекса, то в Российской империи законопроектная подготовка Гражданского уложения, так и не завершилась его принятием.

Отношение советской власти к гражданскому праву и разработка ГК РСФСР 1922 г.

С приходом к власти большевиков все классические (буржуазные) институты гражданского права были отвергнуты. Вместе с ликвидацией частной собственности на землю, а затем в ходе национализации и на другие объекты недвижимости вещное право прекратило свое действие [1, с. 90–92]. Реализация экономической составляющей политики военного коммунизма привела к свертыванию товарно-денежных отношений и частного

гражданского оборота, фактически нивелируя роль обязательственного права, основанного на договорной автономии граждан.

Основные принципы и институты западноевропейского гражданского права, прошедшего к началу 20-х годов XX века более чем столетний период практической реализации, а именно частная собственность, определенная доля индивидуальной свободы, ответственности и договорной автономии утратили социальную значимость в Советском государстве.

Однако введение новой экономической политики (далее НЭП) изменило отношение советских руководителей к гражданскому праву. Вместе со свободной торговлей, восстановлением товарно-денежных отношений и других составляющих рынка неизбежным становилось юридическое обеспечение права на жизнь элементов капиталистической экономики и принятие сложного решения о подготовке советского гражданского кодекса.

К работе над Гражданским кодексом были привлечены известные российские юристы. При этом кодификация проводилась при отсутствии доктрины советского права и даже понимания его сущности и строения. Создание кодекса рассматривалось как технический процесс, а не принципиальное отграничение имущественной сферы отношений и норм.

Организатор работы от наркомата юстиции А. Г. Гойхбарг создает межведомственную комиссию при отделе законодательных предположений НКЮ из юристов так называемой старой школы под председательством В. А. Краснокутского. Перед ними была поставлена трудновыполнимая задача разработки частного по правовой природе кодекса, имеющего публичный характер. При этом институты гражданского права следовало трансформировать на основе революционного правосознания, которым никто из разработчиков не обладал. Поэтому не случайно, что первоначальный проект кодекса вызвал резкую критику.

За исключением положений общей части статьи остальных разделов разработанной комиссией проекта гражданского кодекса были существенно отредактированы. Проект критиковали за отсутствие классово направленной, его частноправовой характер и недостаточное обеспечение государственного вмешательства в сферу хозяйственных отношений.

Анализируя критические замечания к проекту кодекса В. И. Ленина [2, с. 399], адресованные Д. И. Курскому, можно заключить, что посредством институтов гражданского права разработчикам необходимо было создать новое советское хозяйственное право, в котором частная инициатива допускалась только для решения социально-хозяйственных проблем и в пределах необходимых для восстановления советской экономики.

На стадии обсуждения проекта Гражданского кодекса (далее ГК) во ВЦИК РСФСР он в очередной раз подвергся критике. К примеру, П. И. Стучка заметил, что гражданский кодекс необходим прежде всего обывателям, а текст проекта представлялся ему случайным подбором статей, не выполняющим своего предназначения. Стучка обвинил разработчика проекта А. Г. Гойхбарга в том, что его основой стало старое гражданское уложение, из которого было выброшено все ненужное и добавлено несколько советских статей¹.

Юридино-техническая слабость ГК РСФСР 1922 г. всесторонне раскрыта и доказана его современниками. Кодекс составлялся наспех и имел буржуазный характер [3, с. 68]. Его формулировки не были отточены и ясны. Некоторых из них имели противоположный смысл. [4, с. 872]. В кодексе отсутствовали общие понятия и принципы [5, с. 104]. Вместе с тем имелись «лишние» особенные нормы. Так, ст. 20 об имуществе, изъятом из гражданского оборота, делала излишней ст. 181, исключавшую имущество, изъятое из оборота из предмета купли-продажи [6, с. 56]. При этом в ГК были пробелы в отношении многих существенных условий гражданских правоотношений. К примеру, не определено время для законной явки и принятия наследства [7, с. 936].

Основные положения ГК РСФСР 1922 г.

Первый советский ГК предназначался для использования инструментов многоукладной экономики в деле восстановления народного хозяйства РСФСР. Преимущественная часть всех капитальных ценностей прежде всего земля принадлежала государству. Институты частного права допускались со значительными ограничениями и под контролем государства.

¹ IV сессия ВЦИК IX созыва // Бюллетень № 3. С.14, 16, 19.

И если в Германском Гражданском уложении Р. Салейль увидел смягчение абсолютного характера права собственности социальными обязательствами [8, с. 28, 30], видя в этом положительные горизонты вливания в индивидуальное право социальных начал, то в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. интерес частного собственника полностью подчинен государственным потребностям. Как писал А. Г. Гойхбарг, советская власть не могла делать «беспредельных уступок частновладельческой психологии». Обеспечение воли сторон в обязательственном праве он считал отжившим институтом. Только интересы пролетарского государства и развитие его производительных сил разработчик счел достойной задачей Гражданского кодекса [9, с. 1].

Тем самым, создатели проекта ГК РСФСР 1922г., верно подметив общеевропейскую тенденцию отказа от признания имущественных отношений сферой автономного волеизъявления лица, закрепляют возможности широкого (практически безграничного) вмешательства государства в экономические отношения граждан. В этой связи следует напомнить, что в западноевропейских конституциях и гражданских кодексах подобное вмешательство государства допускалось только в интересах общества, на основании закона и с целью устранения социальных конфликтов [10, с. 108].

Поэтому, не считая наличие институтов государственного вмешательства в сферу частных отношений в ГК РСФСР 1922 г.¹ недостатком, относим к таковым установление им гипертрофии государственного интереса в частном праве. Ни государство, ни общество не могут развиваться без предоставления хотя бы минимальной свободы индивиду в сфере гражданского оборота. Последняя предполагает наличие частной собственности как экономической основы свободы и личной автономии, дающей свободу принятия индивидуальных хозяйственных решений.

В первом российском ГК социально-хозяйственное назначение индивидуальной свободы парализовало развитие предпринимательской инициативы, а точнее держало ее в жестких тисках обеспеченного законом вмешательства государства. В нем в духе Интернационала («кто был никем, тот станет всем») гражданско-правовую защиту получили те слои населения, которые ее не имели в буржуазных гражданских кодексах. К примеру, женщины получали равные гражданские права с мужчинами. Хотя это специально в кодексе не оговаривалось, но никаких половых различий в гражданских правах в кодексе нет.

Дети вне зависимости от законности их происхождения, в том числе усыновленные получали гражданские права и дополнительные гражданско-правовые гарантии (ст. 9, 418). Согласно ст. 422 завещатель не мог лишить своих несовершеннолетних детей наследственной доли, причитавшейся им по закону.

Существенно расширив круг лиц, участвующих в гражданско-правовых отношениях по сравнению с действовавшим вплоть до осени 1917 г. т. X Свода законов Российской империи ГК РСФСР 1922 г. вместе с тем не обеспечивает свободу реализации их гражданских прав. Общепризнанные принципы гражданского права предполагают равноправное взаимодействие всех участников гражданского оборота, а именно граждан, их организаций, а также государственных органов и должностных лиц. В ГК РСФСР 1922 г. юридическое равенство субъектов гражданского права вытеснено приоритетом государственных интересов. Так, по ст. 60 от лица, которое добросовестно приобрело имущество непосредственно у собственника, последний вправе истребовать имущество лишь в том случае, когда оно собственником утеряно или похищено у него. Государственные учреждения и предприятия могут истребовать от всякого приобретателя принадлежащее им имущество, незаконно отчужденное каким-бы то ни было способом.

Приоритет государственного интереса в ГК 1922г. обеспечен и в наиболее частной из всех гражданско-правовых областей в наследственном праве. Примером тому служит весь спектр ограничений воли наследодателя при наследовании по завещанию.

¹ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с "Гражданским кодексом РСФСР") // Известия ВЦИК. № 256, 12.11.1922.

В ст. 418, 422 установлен круг наследников и порядок возможного распределения наследодателем между ними долей наследства. Отказ наследодателя от передачи наследства хотя бы одному из указанных в ст. 418 наследников означал переход наследства в пользу государства. Аналогичные последствия влекла неявка наследников в течение шести месяцев со дня открытия наследства по ст. 433.

Только Указом Президиума ВС от 12.06.1945 г.¹ в ст. 422 была внесена поправка, позволяющая наследодателю в случае отсутствия лиц, указанных в ст. 418, завещать имущество любому лицу.

Все земельные отношения были изъяты из сферы действия кодекса (ст. 3). Вследствие этого из раздела «Наследственное право» было исключено наследование крестьянского хозяйства, ставшее предметом Земельного кодекса РСФСР 1922 г.

Границы осуществления частных интересов в кодексе установлены так, что частная инициатива еще более сужается отсутствием законодательных пределов для государственного вмешательства. Такой подход сознательно закладывался в кодекс его разработчиком А. Г. Гойхбаргом. Будучи противником НЭП, он видел в нем угрозу советскому строю. Поэтому регулирование товарно-денежного оборота в ГК РСФСР 1922г. не давало «частнику развернуться» [9, с. 1].

Кроме того, дефектом кодекса стало заложенное в нем противоречие между его нормами и судебной практикой. Вместо обеспечения правовой устойчивости и четкого применения установленных норм статьей 1 ГК РСФСР 1922г. вводится правовая неопределенность. Фактически судьям предоставлялась возможность устанавливать случаи несоответствия реализации гражданских прав их социально-хозяйственному назначению.

Речь шла о классовом интересе пролетарского государства, который в самом общем виде формулировался в ст. 4 и состоял в сохранении командных позиций в управлении хозяйством страны у государства. Тем самым для осуществления правового воздействия использовались неправовые социально-экономические критерии. Свидетельством тому, насколько четко судьи понимали данное предназначение, является статистика. В 1924г. Верховный суд отменил 50% всех решений губернских судов по гражданским делам, в том числе связанные с практикой применения статьи 1².

Детализацией ст. 1 считалась ст. 30 ГК РСФСР 1922г., согласно которой в защите закона отказывали сделкам, заключенным с целью, противоречащей закону или наносящей ущерб государству.

Судья перестает быть посредником при разрешении конфликта между обеспечением общественного порядка, закрепленного в законе и защитой законных интересов лица. Он становится истолкователем революционной законности и правосознания как преимущественного источника права, поставленного над законом.

В любом частном конфликте судье следовало обеспечивать государственный интерес и установленный порядок. С этой целью допускалось широкое толкование закона, ограничение социальной справедливости интересами господствующего класса. Так, согласно ст. 5 ГК РСФСР 1922 г. распространительное толкование его статей разрешалось только в интересах государства и, как сказано в кодексе «трудящихся масс». Реализация данных интересов допускала и обратное действие закона в отношении всех споров, возникших после 7 ноября 1917 г. (ст. 4).

Таким образом, ГК РСФСР 1922 г. в полной мере отражал противоречивость политики советского руководства в отношении роли права. Ограничив его предназначение исключительно пользой, отбросив все юридические нормы, не обладающие целесообразностью, осудив буржуазные подходы к праву как идеалу, правительство вместе с тем определяло в нем собственные идеалы. Так, Л. Б. Каменев в докладе на X Всероссийской съезде Советов, подводя первые итоги кодификации, формулирует в качестве идеала «союз рабочих и кре-

¹ Указ Президиума ВС РСФСР от 12.06.1945 "Об изменениях Гражданского кодекса РСФСР" // Ведомости ВС СССР. 1945, № 38.

² Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного суда за 1924 г. М., 1925. С. 12.

стьян на почве государственной промышленности», поглощающей весь частный капитал [11, с. 30, 31].

Отказ от права частной собственностью на землю стал основанием прекращения разграничения публичного и частного в советском праве, деления имущества на движимое и недвижимое. Социально-хозяйственное назначение советского права послужило ориентиром для формирования структуры законодательства, выстроенной по отраслям советского народного хозяйства. Данная система сохраняет свое значение и в современной России.

Влияние ГК РСФСР 1922г. на последующее развитие гражданского права в России

ГК РСФСР 1922г. создавался как временный (до 1925 г.), но действовал без малого сорок лет. На его основе была сформирована система имущественных отношений, исключавшая частную предпринимательскую инициативу, развитие инвестиционной деятельности и товарно-денежного оборота.

Ограничение частного интереса касалось не только хозяйственных отношений, позволяющих извлекать прибыль, но и осуществления обывательских потребностей в жилье, предметах личного обихода. В этом отношении показательна ст. 182, не допускавшая наличие двух и более немunicipализированных жилых строений «в руках» покупателя, его супруга и несовершеннолетних детей, то есть семьи. Отчуждение жилого строения допускалось не чаще одного раза в три года.

Тем самым закреплялась разрешительная модель гражданско-правового регулирования, позволявшая только те частноправовые отношения, которые регламентировались в ГК РСФСР 1922 г. Разрешалось только то, что прямо предусмотрено в кодексе. При этом данные отношения не должны были вступать в противоречия с интересами пролетарского государства и наносить ему ущерб. Особенно это касается положений о праве частной собственности и частном имущественном обороте (ст. 54, 55, 56). Ограничения частной собственности затрагивали как ее объектный состав, объем, так и юридические возможности ее правообладателя. Принадлежность правообладателя к классу-гегемону не учитывалась, так как гражданское право было призвано обеспечить интересы пролетариата в целом, а не его отдельных представителей [12].

После принятия ГК РСФСР 1922 г. государство перестает быть только политическим, но и становится активным хозяйственным субъектом. В отдельных областях его гражданские права приобретали монопольный характер. К примеру, только в государственной собственности могли находиться земля, недра, воды, железные дороги, их подвижной состав, летательные аппараты, муниципализированные строения, национализированные и муниципализированные предприятия, их оборудование, национализированные суда (ст. 22, 53).

Вместе с ниспровержением верховенства права с пьедестала общепринятых принципов теряют свою социальную значимость и кодексы, становясь «калифами на час» [13, с. 35]. Представления о том, что кодексы надо менять, как только они перестают соответствовать экономической ситуации широко распространены в советской науке 20-30-х годов не получили последующего научного подтверждения, но вошли к практику российского законодательства с девизом «если конституция, кодекс или закон не соответствуют моменту его надо отбросить и принять новый» [14, с. 70].

Так, на VI съезде деятелей советской юстиции весной 1929 г. ГК РСФСР 1922г. был охарактеризован как кодекс, который «во многих отношениях не соответствует условиям и требованиям жизни». На съезде было отмечено, что «накопившиеся бесчисленные разъяснения только затрудняют понимание этого права, что издание нового кодекса стало ударной задачей ближайшего будущего» [15, с. 22, 23].

Таким образом, при создании ГК РСФСР 1922 г. как и других кодексов периода первой кодификации в систему права были заложены серьезные противоречия. Во-первых, между идеальной природой права и его утилитарным воплощением в советском законодательстве. Отрицая общепризнанные (в интерпретации советских юристов буржуазные) правовые идеалы и понимание права как социальной ценности, советские законодатели закрепляли в юридических нормах альтернативные идеи (классовой природы государства, диктатуры пролетариата, приоритета коллективного над частным и др.).

Содержание юридических норм при отсутствии устоявшейся научной правовой доктрины формировалось под влиянием представлений отдельных ученых. К примеру, ГК РСФСР 1922 г. отражает представления о праве его разработчика А. Г. Гойхбарга. Он писал, что «трудовое общество должно уничтожить всю существовавшую в буржуазном обществе частно-правовую форму экономических отношений, всю частно-правовую регулировку отношений имущественных и отчасти личных, – иначе все гражданское право» [16, с. 221–223].

Во-вторых, признавая право «сменным элементом» государственной политики, инструментом оперативного управления и властвования советские законодатели разрабатывали и принимали конституции и кодексы. Их временный статус не менял социального роли и влияния, оказываемого ими на общественные отношения. Кодексы, созданные в период НЭП, тормозили экономические отношения в условиях индустриализации. Поскольку систематическая работа над кодексами требовала времени и специальных законодательных органов, не предусмотренных в системе советского государства, то стремительно устаревающие кодексы просто не действовали. Вместо них целесообразно моменту создавались сотни подзаконных актов, противоречивших законам и зачастую имевших неправовой характер.

В-третьих, отрицая предшествующий правовой опыт как буржуазный советские законодатели активно использовали его. В частности, при разработке ГК РСФСР 1922 г. была взята не только юридическая оболочка проекта Гражданского уложения 1905 г., но и использованы классические институты гражданского права. Тем самым на основе буржуазного права строили новые социалистические отношения и плановую работу государственной машины.

При этом создавалась негативная иллюзия возможности создания права с «чистого листа», освобождения его росчерком пера от недостатков и пережитков и воплощения в нем новых перспектив экономической и политической действительности.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что рожденный в 1922 г. советский ГК РСФСР своим действием опроверг утверждение советских юристов о недолговечности закрепленных в кодексе институтов. Под влиянием кодекса в отечественное гражданское право прочно вошли представления о социально-хозяйственном предназначении гражданского права, определяемом государством; государстве как хозяйствующем субъекте; приоритете государственных интересов над частными в имущественных отношениях; публично-правовой природе имущественных прав граждан; социальном содержании (вытекают из производственных и хозяйственных потребностей) и экономической детерминированности гражданско-правовых норм; декларативности абсолютного характера права частной собственности и его разрешительном регулировании.

Гражданское право стало технико-юридическим инструментом, одним из средств организации социальных отношений и утратило твердый правовой фундамент. Его содержание обуславливалось тем комплексом отношений, на упрочение которых оно было направлено. Тем самым гражданскому праву была придана условность, относительность, перманентная текучесть и недоработанность, так как постоянные экономические вызовы не давали законодателю качественно доработать кодекс, оставляя широкий простор подзаконному регулированию и судебному усмотрению.

Список источников

1. Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Юристъ-Правоведъ, 2008. № 3 (28). С. 87–92.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.
3. Стучка П. И. Классовое государство и гражданское право. М., 1924.
4. Аскназий С. Ст. 1 Гражданского Кодекса // Еженедельник Советской Юстиции. 1923. №38, 39.
5. Берман Я. А. Марксизм и гражданский кодекс // Советское право. 1922. № 3. С. 82–112.
6. Яблочков Т. М. Система гражданского кодекса РСФСР // Советское право. М.; Л., 1925. № 6. С. 53–65.
7. Кусиков А.В. Принятие наследства и отречение по гражданским кодексам РСФСР и ССР Грузии // Вестник Советской Юстиции. Харьков, 1926. № 24 (15 декабря). С. 935–938.

8. Салейль Р. Французский гражданский кодекс и исторический метод; Перевод с французского. СПб.: Сенатская Типография, 1905. 52 с.
9. Гойхбарг А. Г. Наша экономика и право // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 3–4.
10. Дурденевский В. Н. Послевоенные конституции Запада. Вып. 11. М., 1925. 136 с.
11. X Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23–27 декабря 1922г.) М., 1923.
12. Сольц А. О революционной законности // Известия ЦИК и ВЦИК. № 268. 1925. 24 ноября.
13. Андрес М. Гражданский кодекс РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 2. С. 4–5.
14. Рубинштейн Б. М. Принцип социально-экономического назначения права в гражданском кодексе РСФСР / Борис Рубинштейн // Советское право. М.; Л., 1926. № 3. С. 69–81.
15. Сverdlov G. M. К пересмотру Гражданского кодекса РСФСР // Советская юстиция. М., 1931. № 12 (30 апреля). С. 22–23.
16. Гойхбарг А. Г. Пролетариат и гражданское право / Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Сб. статей. М.: Государственное издательство, 1919. С. 221–231.

References

1. Shatkovskaya T. V. The place of customary law in the regulation of land relations in the early years of Soviet power (1917– 1922). *Yurist-Pravoved*. 2008;3(28):87–92. (In Russ.)
2. Lenin V. I. Poln. coll. op. T. 44. (In Russ.)
3. Stuchka P. I. *Class state and civil law*. Moscow; 1924. 268 p. (In Russ.)
4. Asknazy S. St. of the Civil Code. *Weekly Soviet Justice*. 1923; (38, 39): 872. (In Russ.)
5. Goykhbarg A. G. Our economy and law. *Weekly Soviet Justice*. 1922; 19–20: 3–4. (In Russ.)
6. Yablochkov T. M. The system of the civil code of the RSFSR. *Soviet law*. 1925;(6):53–65. (In Russ.)
7. Kusikov A. V. Acceptance of inheritance and renunciation according to the civil codes of the RSFSR and the SSR of Georgia. *Bulletin of Soviet Justice*. 1926; 24 (December 15): 935–938. (In Russ.)
8. Saleil R. *French civil code and historical method*. Translation from French. St. Petersburg: Senate Printing House, 1905. 52 p. (In Russ.)
9. Berman Ya. A. Marxism and the civil code. *Soviet law*. 1922;(3):82–112. (In Russ.)
10. Durdenevsky. *Postwar constitutions of the West*. Issue. 11. Moscow; 1925. 325 p. (In Russ.)
11. X All-Russian Congress of Soviets of Workers, Peasants, Red Army, and Cossack Deputies (December 23- 27, 1922) Moscow; 1923: 30, 31. (In Russ.)
12. Solts A. About revolutionary legality. *News of the Central Executive Committee and the All-Russian Central Executive Committee*. (6). November 24, 1925. (In Russ.)
13. Andres M. Civil Code of the RSFSR. *Weekly Soviet Justice*. 1923;(2):4–5. (In Russ.)
14. Rubinshtein BM The principle of the socio-economic purpose of law in the civil code of the RSFSR. *Soviet law*. 1926;(3):69–81. (In Russ.)
15. Sverdlov G. M. To the revision of the Civil Code of the RSFSR. *Soviet Justice*. Moscow; 1931. 12. (April 30). 22–23. (In Russ.)
16. Goykhbarg A.G. The proletariat and civil law. *The October Revolution and the dictatorship of the proletariat. Digest of articles*. Moscow: State publishing house, 1919. 221–231. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – докт. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor of Department of Civil Law, Rostov state economic university (RINH).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 05.06.2022. The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 04.05.2022; accepted for publication 05.06.2022.

ТРУД КАК ЭНЕРГИЯ, ФАКТОР ПРОИЗВОДСТВА И МАТЕРИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПРАВА В ОБЩЕСТВЕ СОЛИДАРНОСТИ

Мариетта Дамировна Шапсугова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия,
shapsugova@gmail.com

Аннотация. Несмотря на очевидную взаимосвязь физических, экономических и правовых процессов, все еще наблюдается огромный разрыв в науках, областями изучения которых являются соответствующие сферы. В общественных и физических науках наблюдаются противоречия. Игнорирование общественными науками достижений естественно-физических наук приводит к возникновению концепций, не имеющих объективных оснований. Одним из проявлений такого игнорирования и, соответственно, фактором кризисов экономических теорий выступает игнорирование производства как материальной базы экономики. Экономика начинается с труда человека. Именно труд лежит в основе всех общественных формаций и производства в любой формации. Категория труда является базовой для дальнейшего построения экономической теории и правового регулирования экономической деятельности. Однако, физическая природа труда и возможность измерения его в физических величинах практически не исследуется учеными-экономистами. В правовой сфере данная проблема находит отражения в сфере определения и отражения личного трудового дохода, а также реализации конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1). Уважение к труду человека лежит в основе справедливого распределения благ и составляет правовую основу для правового регулирования распределения личного дохода (личных финансов) физических лиц.

Ключевые слова: труд, экономическая деятельность, личные финансы, энергия, солидарность

Для цитирования: Шапсугова М. Д. Труд как энергия, фактор производства и материальный источник права в обществе солидарности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 123–128. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-123-128>

Problems of Civil and Business Law

Original article

LABOUR AS ENERGY, PRODUCTION FACTOR AND MATERIAL SOURCE OF LAW IN SOLIDARITY SOCIETY

Marietta D. Shapsugova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
shapsugova@gmail.com

Abstract. Despite the obvious interconnection of physical, economic and legal processes, there is still a huge gap in the sciences, the areas of study of which are the corresponding areas. Contradictions are observed in the social and physical sciences. Ignoring the achievements of natural physical sciences by the social sciences leads to the emergence of concepts that do not have objective grounds. One of the manifestations of such ignoring and, accordingly, a factor in the crises of economic theories is the ignoring of production as the material basis of the economy. The economy begins with human labor. It is labor that underlies all social formations and production in any formation. The category of labor is the base for further construction of economic theory and legal regulation of economic activity. However,

the physical nature of labor and the possibility of measuring it in physical quantities is practically not studied by economists. In the legal sphere, this problem is reflected in the sphere of determining and reflecting personal labor income, as well as the implementation of the constitutional principle of economic, political and social solidarity (Article 75.1). Respect for human labor underlies the fair distribution of benefits and constitutes the legal basis for the legal regulation of the distribution of personal income (personal finances) of individuals.

Keywords: labor, economic activity, personal finance, energy, solidarity

For citation: Shapsugova M. D. Labour as energy, production factor and material source of law in solidarity society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):123–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-123-128>

Прогресс проистекает из основы экономики – труда, получения людьми новых знаний и естественной потребности жить лучше [1, с. 22].

Кризис является катализатором трансформаций экономических систем.

Объективные цели всех экономических процессов – необходимость сохранения, улучшения и продления жизни человеческого вида [1, с. 20]. Субъективные цели и личная заинтересованность в выживании, удовлетворении потребностей и улучшении качества собственной жизни и жизни членов семьи побуждают людей вступать в экономические отношения и осуществлять экономическую деятельность.

С физической точки зрения, процессы экономического развития как неубывающего темпа роста способности общества к совершению внешней работы исследовал выдающийся отечественный ученый П.Г. Кузнецов. Развивая эту мысль в своем исследовании, Е. А. Королев пришел к выводу, что «этот закон может реализоваться только при условии непрерывного (в историческом масштабе) развития технологии. Исходя из этого ключевым фактором экономического развития, являются не цели, не спрос на новые товары и услуги (он готовится всем ходом развития экономики и общества, что определяется законом возвышения потребностей), а технология, эволюция которой определяется объективными законами развития цивилизации» [2, с. 157].

Существенные трансформации в экономическом укладе связаны со сменой технологии, промышленными революциями. Промышленная революция связана с технологическими прорывами, а также переходами к новым видам энергии. Поскольку новые производства, их качественный и количественный рост влекут увеличение энергопотребления.

Здесь мы прослеживаем взаимосвязь между трудом как физической энергией, работой (в физическом смысле), измеряемой в единицах измерения энергии и иными видами энергии (электрической, тепловой, атомной и др.) как фактора производства.

Модель будущей экономической системы и будущего регулирования под влиянием цифровизации и пятой промышленной революции (индустрия 5.0) будет строиться на идеях солидарности и началах социализма. Уже сегодня к этому имеются предпосылки:

Человеческий капитал как главный фактор производства.

Общественная собственность на общие блага (шеринговая экономика).

Кризис мировой валютной системы и, возможный переход на новый всеобщий эквивалент – энергию, одним из источников которой выступает труд.

Государство в перспективе будет устанавливать императивные правила распределения частного дохода в интересах всего общества.

Индивид участвует в процессах производства, распределения, обмена и потребления – то есть на всех стадиях общественного производства как владелец факторов производства (экономических ресурсов). На каждом этапе индивид вносит вклад в общественное производство, ВВП как совокупность всех произведенных для конечного потребления товаров и услуг. В этом состоит общественное значение индивидуальной экономической деятельности.

Владельцы факторов производства имеют факторный доход. Право на факторный доход определяется вкладом в создание стоимости. Получение факторного дохода является целью экономической деятельности и ее результатом. Так проявляется объективная и

субъективная сторона экономического роста, возведенного в ст. 75.1 Конституции РФ в конституционный принцип.

Термин «стоимость» считается неудачным переводом немецкого термина «Wert» и английского термина «value», использованным в переводе «Капитала» Маркса Н. Даниэльсоном, в более точном переводе означающим «ценность».

Семантика термина «стоимость» достаточно тесно связана с процессом обмена и плохо подходит для обозначения блага при потреблении. Словосочетание «потребительная стоимость при первом прочтении «Капитала» неизменно поражает своей нескладностью. В то же время термин «ценность» охватывает оба случая: и потребление, и обмен [3, с. 9].

К. Маркс к факторам производства относил труд рабочего, труд предпринимателя, капитал и землю [4]. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. относили к ним землю, капитал, труд, предпринимательские способности [5, с. 394, 398]. Капиталу соответствует доход в виде процента, земле – земельная рента, труду рабочего – заработная плата. Труд предпринимателя в противоположность проценту представляет собой независимую от капитала заработную плату [4].

К факторам производства относят труд наемного рабочего, труд предпринимателя, капитал, денежный капитал, в котором капитал выступает как особый товар, природные ресурсы (землю), информацию, интеллектуальную собственность.

Как было упомянуто выше, владельцы факторов производства имеют факторный доход.

Факторный доход является конечной целью экономической деятельности. Вид факторного дохода определяется видом экономической деятельности. Вид экономической деятельности определяется ключевым фактором производства, которым владеет индивид.

Именно цель деятельности должна определять правовой режим деятельности, поскольку вокруг цели формируется и ее предмет, и степень общественной значимости, а следовательно, степень публично-правового воздействия и метод регулирования. Цель определяет таким образом и правовой статус субъекта, и правовой режим объекта, и правовой режим результата его экономической деятельности:

1. Труд предпринимателя как фактор производства вознаграждается прибылью, поэтому предпринимательская деятельность имеет целью извлечение прибыли.

2. На ссудный капитал как фактор производства начисляются проценты. Инвестиционная деятельность имеет целью получение дохода на вложенный капитал.

3. Земля как фактор производства. Деятельность по предоставлению объектов во временное владение и пользование – доход в виде ренты.

4. Трудовая деятельность – доход в виде заработной платы.

5. Профессиональная деятельность (адвокаты, нотариусы, арбитражные управляющие и т.д.).

6. Иная деятельность, приносящая доход (самозанятость) – ремесленный доход.

Экономические отношения по сути своей представляют собой отношения присвоения-отчуждения, в процессе экономической деятельности человек изымает ресурсы из окружающей среды, перерабатывает их и отчуждает. Поэтому «социально-экономические отношения, по сути, являются объединением сил, энергии людей для осуществления и повышения эффективности их хозяйственного взаимодействия с природой. Они складываются в силу ограниченности сил каждого отдельного человека, не имеющего возможности трудиться и потреблять в одиночку. Их можно также назвать отношениями совместного отчуждения и присвоения» [1, с. 47].

Экономическая деятельность по своему характеру является совместной деятельностью индивидов, а потому строится на началах сотрудничества. Специфика фактора производства определяет правовой режим экономической деятельности.

Процессы производства носят характер «законов природы» в гораздо большей степени, нежели общественные по существу законы распределения [3, с. 56].

На стадии распределения распределяются доходы от факторов производства, образуются финансы в широком смысле (первичное распределение), на стадии перераспределения в узком смысле (вторичное распределение).

Производить – значить комбинировать имеющиеся в распоряжении вещи и силы [3, с. 60]. Метод производства служит экономической целесообразности [3, с. 60]. В современных условиях целью экономической деятельности является устойчивый экономический рост и повышение благосостояния граждан, следовательно, комбинация факторов производства должна обеспечивать выполнение этих целей.

Комбинацию факторов производства для выполнения целей экономической деятельности осуществляют субъекты. Только субъект способен осуществлять трудовую экономическую деятельность. Труд является основным фактором экономического прогресса. Средства оптимизации прогресса служат вносимые в условия труда изменения, которые делают работников более производительными, эффективными: развитие знаний и умений, техники, производства, потребления, охраны окружающей среды, потребностей и экономических отношений [1, с. 26].

Труд в широком смысле слова (понимаемый нами как экономическая деятельность) составляет собой процесс преобразования ресурсов (предметов труда, экономических ресурсов – земля, капитал и т.д.) посредством орудий труда. С точки зрения физической экономики, труд есть управление энергиями в процессе производства.

Труд и энергия как факторы производства

Исследование физической, а не только социально-экономической природы труда человека, первыми предприняли ученые-естественники. Однако сегодня существуют и экономические направления исследования труда в таком аспекте. И действительно, труд есть выполнение физической и умственной работы, которая может быть измерена в единицах измерения энергии, таких как калории и киловатт-часы. Сформировано направление физической экономики. Особенно актуальны такие исследования в свете перехода экономики на мобилизационные рельсы и поиска новой мировой валюты, которую, например, могла бы заменить энергия.

Так, отечественный экономист С. Л. Афанасьев отмечал, что преобразование потоков ресурсов в потоки продукции осуществляется техническими рабочими системами (рабочими машинами), которые, в свою очередь, приводятся в действие подаваемыми потоками энергии – потоком энергии определенного типа и потоком информации, который управляет функционированием самой технической системы. Основой этой системы является активность людей. С точки зрения производства, эта деятельность представляет собой труд во всех его проявлениях [2, с. 171].

По определению труд – это целесообразная человеческая деятельность, в которой он воздействует на природу с помощью инструментов и использует ее для создания полезных ценностей. Но каким бы ни был характер этой деятельности, главное, что ни один, даже самый простой вкус ее невозможно не потратить без энергии в той или иной форме. То же самое относится и к производству в целом: в природе нет процессов, которые были бы возможны без затрат энергии. Это позволяет, с одной стороны, рассматривать анализ труда и производства с термодинамической точки зрения, а с другой – рассматривать как труд индивида, так и всю систему общественного производства с единой позиции [2, с. 172].

Естественнонаучные основы социализма были областью научного поиска ученого-энциклопедиста С. А. Подолинского, последователями которого стали Вернадский В. И., Циолковский К. Э., Пригожин И. Р. Посредством вычислений он определил, что «механическая работа людей имеет способность превратить в высшую форму, годную для удовлетворения потребностей человека, количество энергии, в десять раз превышающее его собственную величину, одним словом, труд при своем потреблении сберегает энергии в десять раз более, чем он сам заключает... Человеческий труд возвращает людям в форме пищи, одежды, жилищ, удовлетворения психических потребностей всю ту сумму энергии, которая была потреблена на его производство» [6].

П.Г. Кузнецов с позиции физико-математических наук определил излишек над простым воспроизводством как «кажущийся коэффициентом полезного действия в сто процентов»... И пришел к выводу, что процессом, коэффициентом полезного действия которого

свыше ста процентов, является человеческий труд, который есть такой особенный процесс природы, который можно считать усилителем мощности [6, глава: «Кузнецов П.Г. Его действительное открытие»].

Человек заменил мускульную (физическую силу) на управление потоками энергии [6, глава: «Кузнецов П.Г. Его действительное открытие»]. Труд представляет собой управление потоками энергии природы, а источником энергии выступает сама природа [7, с. 142].

Труд выступает средством удовлетворения потребностей. При этом «количество труда и обусловливаемое им увеличение обмена энергии на земной поверхности должны постоянно возрастать не только потому, что число людей возрастает, но также и потому, что энергетический бюджет каждого человека растет» [6].

Труд как физическая и психическая энергия, как процесс соединения факторов производства (управления энергиями природы в процессе производства) и экономическая деятельность как совместная деятельность выступают социально-экономическим и материальным базисом, на котором должны строиться отношения сотрудничества и экономической солидарности.

Отношения сотрудничества составляют базу социально-экономических отношений, являются по сути объединением сил, энергий людей для осуществления и повышения эффективности их хозяйственного взаимодействия с природой [1, с. 47].

Отношения сотрудничества складываются прежде всего в труде, представляя собой объединение трудовых усилий работников, независимо от различий индивидуальных величин полезных затрат каждым своей физиологической энергии. Оно выражается в скоординированном – синхронном или осуществляемом в определенной последовательности – отчуждении несколькими или многими людьми своей энергии, направленном на создание, хранение и транспортировку какого-либо продукта или комплекса продуктов. Это называется кооперацией труда. Национальная экономика в основе представляет собой кооперацию труда с разной степенью его координации [1, с. 48].

Солидарность и социальная справедливость могут проявляться и через совместное потребление (шеринговая экономика) вещей и услуг. Во многих случаях совместное потребление осуществляется вследствие относительно более высокой экономической эффективности производства и потребления предметов, полезность отдельных единиц которых превышает потребности одного человека [1, с. 48].

Кооперация труда и совместное личное потребление образуют общественную форму присвоения средств и результатов производства [1, с. 49].

Внедрение новых технологий уменьшает экономическое неравенство, поскольку снижает уровень специализационной эксплуатации. Физические трудозатраты уменьшаются с внедрением новых технологий и сближают работников умственного и физического труда по уровню энергетических трудозатрат. Таким образом, вклад каждого в валовый внутренний продукт уравнивается. В таком случае вполне решаемыми становятся такие задачи оптимизации экономического прогресса, как оптимизация соотношения текущего потребления и накопления (развития производства, между сегодняшним и будущим уровнем удовлетворения личных потребностей), совершенствование социально-экономических отношений, в результате которого возникает заинтересованность в труде [1, с. 27], оптимизация личных и общественных потребностей.

Главным правовым основанием для такой оптимизации выступает конституционный принцип политической, экономической и социальной солидарности, закрепленный в ст. 75.1 Конституции РФ.

Список источников

1. Афанасьев С. Л. Будущее общество. М.: Изд-во МГУ им. Н.Э. Баумана, 2000. 568 с.
2. Королев Е. А. Организационно-экономический механизм трансформации промышленных комплексов: дис. ... докт. экон.наук. Екатеринбург 2003. 533 с.
3. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

4. Маркс К. Капитал. Т. 3. <https://mybook.ru/author/karl-genrih-marks/kapital-tom-tretij/reader/> (23.03.2022)
5. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика : [рус.] = Economics: Principles, Problems, and Policies. М.: Республика, 1992. Т. 2. ISBN 5-250-01486-0.
6. Подолинский С.И.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: НО-ОСФЕРА, 1991 // http://az.lib.ru/p/podolinskij_s_a/text_1880_trud.shtml (дата обращения 07.05.2022)
7. Кузнецов П. Г. Возможности энергетического анализа основ организации общественного производства / В сб.: Кузнецов П.Г. Наука развития Жизни: сборник трудов. Том III. Правильное применение закона / П.Г. Кузнецов. М.: РАЕН, 2015. 560 с.

References

1. Afanasyev S. L. *Future society*. М.: Publishing House of Moscow State University named after N.E. Bauman, 2000. 568 p. (In Russ.)
2. Korolev E. A. Organizational and economic mechanism of transformation of industrial complexes: dis. doc. econ. sciences. Yekaterinburg; 2003. 533 p. (In Russ.)
3. Schumpeter J. A. *Theory of Economic Development. Capitalism, socialism, democracy*. Moscow: Eksmo; 2008. 864 p. (In Russ.)
4. Marx K. *Capital*. Т. 3. Available from: <https://mybook.ru/author/karl-genrih-marks/kapital-tom-tretij/reader/> (23.03.2022) (In Russ.)
5. McConnell K. R., Bru S. L. *Economics: Principles, Problems, and Politics: [Rus.] = Economics: Principles, Problems, and Policies*. Moscow: Republic, 1992. Т. 2. ISBN 5-250-01486-0. (In Russ.)
6. Podolinsky S. A. *Human labor and its attitude to energy distribution*. М.: NOOSFERA, 1991. Available from: http://az.lib.ru/p/podolinskij_s_a/text_1880_trud.shtml (date of appeal 07.05.2022) (In Russ.)
7. Kuznetsov P. G. Opportunities for energy analysis of the foundations of the organization of public production. In: Kuznetsov P. G. *Life Development Science: a collection of works*. Volume III. Correct application of the law/P.G. Kuznetsov. М.: RAEN, 2015. 560 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Д. Шапсугова – канд. юрид. наук, доц., старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Information about the author

M. D. Shapsugova – Candidate of Law Sciences, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 04.06.2022; принята к публикации 05.06.2022. The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 04.06.2022; accepted for publication 05.06.2022.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 129–134
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(2):129–134

Проблемы межотраслевого регулирования юридической деятельности

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-129-134

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Светлана Ивановна Имгрунт

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, sveddy@mail.ru

Аннотация. В современных условиях общественного развития закономерным и неизбежным процессом в механизме правового регулирования становится цифровизация различных сфер социальной жизни. Процессы цифровизации актуализируют роль и значение государственно-правовых институтов современного общества, обеспечивающих нормативно-правовое регулирование социальной жизни, безопасность и стабильность общества. В статье рассмотрены проблемы развития правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях цифровизации российской правовой системы. Показывается, что важнейшей правотворческой задачей является создание алгоритма законодотворческого процесса в условиях усложнения правового регулирования, его многоаспектности и детализации. В правоприменительной практике использование цифровых технологий, достижений в сфере искусственного интеллекта требуют последовательного правового обеспечения, нормативной регламентации в целях их упорядочивания и предотвращения возможных угроз и рисков в процессе их использования.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, цифровизация, искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровые права, правотворческая деятельность, законодотворчество, формализация права, правоприменение

Для цитирования: Имгрунт С.И. Правовое регулирование в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 129–134. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-129-134>

Problems of Intersectoral Regulation of Legal Activities

Original article

LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Svetlana I. Imgrunt

Adyghe State University, Maykop, Russia, sveddy@mail.ru

Abstract. In modern conditions of social development, digitalization of various spheres of social life becomes a natural and inevitable process in the mechanism of legal regulation. The processes of digitalization actualize the role and importance of state-legal institutions of modern society, providing legal regulation of social life, security and stability of society. The article deals with the problems of the development of law-making and law enforcement activities in the conditions of digitalization of

the Russian legal system. It is shown that the most important law-making task is to create an algorithm for the law-making process in conditions of increasing complexity of legal regulation, its multidimensional nature and detail. In law enforcement practice, the use of digital technologies, achievements in the field of artificial intelligence require consistent legal support, regulatory regulation in order to streamline them and prevent possible threats and risks in the process of their use.

Keywords: law, legal regulation, digitalization, artificial intelligence, digital technologies, digital rights, law-making activity, lawmaking, formalization of law, law enforcement.

For citation: Imgrunt S. I. Legal regulation in the context of digitalization: problems and prospects. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):129–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-129-134>

В качестве одной из значимых тенденций развития современного мира выступает цифровизация общественных отношений, которая, в свою очередь, оказывает существенное воздействие на правовые процессы. Цифровизация и компьютеризация в настоящее время осуществляются настолько стремительными темпами, что ряд исследователей даже приходят к выводу о формировании новой социальной реальности, включающей и правовые аспекты общественной жизнедеятельности. В специальных исследованиях отмечается, что следствием процессов цифровизации могут стать изменения самого образа права, а также его регулятивной роли, границ и пределов действия. На современном этапе цифровой трансформации могут произойти изменения в так называемых формальных аспектах права: речь идет о расширении направлений регулирующего воздействия права и образовании новых форм рассматриваемого воздействия. По мнению исследователей, сама сущность права не претерпит сколько-нибудь существенных изменений в ближайшее время: право продолжит выступать в качестве основополагающего регулятора жизнедеятельности общества [1, с. 9-10]. Однако, содержание права, а также его форма будут меняться, что уже происходит в настоящее время: так, влияние цифровых технологий находит отражение в правотворческой деятельности.

Право в настоящее время фактически находится перед вызовами новой цифровой реальности [2, с. 5-16]. Данное обстоятельство обуславливает необходимость анализа различных аспектов цифровизации в правовой сфере российского общества. Дело в том, что позитивные общественные изменения, связанные с процессами цифровизации, объективно сопровождаются большим количеством разнообразных рисков, что предусматривает необходимость разработки стратегии эффективного развития регулятивного правового механизма с целью упорядочения различных отношений в обществе в условиях новой цифровой реальности. Последняя предъявляет высокие требования к юридической науке и практике, включающие те или иные компоненты системы нормативно-правового регулирования разных сфер жизнедеятельности общества на базе использования современных цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Цифровые технологии фактически находят активное применение практически во всех сферах жизнедеятельности, что обуславливает необходимость проведения коренных преобразований в системе правового регулирования. На современном этапе развития правовой системы происходит становление нового права или «права второго модерна», основным предназначением которого как раз и выступает эффективное регулирование отношений экономического, политического и социального характера, возникающих в области применения новейших систем робототехники, искусственного интеллекта и цифровых технологий [3].

Если говорить о конкретных юридических последствиях процессов цифровизации, то к числу наиболее значимых из них целесообразно относить генезис цифровых прав личности, к разновидностям которых можно отнести право на получение доступа, применения, разработки и распространения различных произведений, выполненных в цифровом формате, а также право использовать электронные устройства, компьютеры в тех или иных целях, иметь доступ к различным коммуникационным сетям и т.д. Здесь следует

солидаризироваться с позицией многих представителей российского юридического сообщества, констатирующих значительное отставание действующего законодательства в информационной сфере от объективных общественных потребностей.

Так, В. Д. Зорькин считает необходимой проведение масштабной работы, связанной с систематизацией информационного законодательства, устранением имеющихся в нем повторов, упорядочением соответствующего понятийно-категориального аппарата. В условиях широкомасштабного внедрения новых цифровых технологий в праве происходят значительные изменения, что проявляется, в частности, в трансформации самого предмета правового регулирования, однако это не имеет следствием сколько-нибудь серьезные изменения социального характера права, его роли как основополагающего регулятора отношений, возникающих в условиях современного, стремительно развивающегося общества.

Однако право при этом наполняется новым содержанием, что находит отражение, прежде всего, в отраслевом законодательстве, характеризующемся наиболее активным, динамичным развитием. Речь здесь идет и о трудовом, и о гражданском, а также административном, экологическом и других отраслях российского права. В то же время, несмотря на достаточно высокий уровень развития отечественного отраслевого законодательства, оно, тем не менее, объективно нуждается в модернизации, призванной облегчить и упорядочить различные аспекты взаимодействий граждан и юридических лиц посредством современных электронных технологий [4, с. 25].

Необходимо отметить, что в течение последних лет в Российской Федерации был принят ряд нормативно-правовых актов общего характера, создающих базу для цифровизации. К числу наиболее важных из них можно отнести разработанную еще в 2017 г. Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы¹, Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года², государственную программу «Информационное общество»³ и ряд других.

Принятие указанных нормативно-правовых актов создает необходимые предпосылки для внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности. Однако в рамках данного процесса возникают объективные сложности, связанные, в том числе, с нормативно-технической документацией, которая, как отмечается в специальных исследованиях, также нуждается в системной модернизации. Одной из характерных тенденций развития современного зарубежного законодательства выступает юридическое оформление технических норм, принятие актов о правовом регулировании в области робототехники. Основная проблема заключается в том, чтобы встроить эти новые правовые акты в систему правового регулирования [4, с. 26]. В данной ситуации необходимо учитывать то обстоятельство, что вследствие развития цифровых технологий происходят изменения во взаимодействии людей с новыми техническими устройствами: если раньше все действия и решения осуществлялись конкретными людьми, то теперь часть действий могут реализовываться роботами либо самостоятельно, либо под контролем компетентных специалистов.

Отсюда проистекает вопрос, связанный с ответственностью за совершенные ошибки или противоправные деяния. В специальных исследованиях, в частности, предлагается ввести практику разделенной ответственности, предусматривающую ответственность конкретных лиц за тот ущерб, который возникает вследствие тех или иных действий, совершенных роботами (речь может идти как об ответственности программиста, который осуществляет разработку программы работы электронного устройства, так и оператора, который реализуют непосредственную эксплуатацию данного устройства, а также,

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // СЗ РФ. 2014. № 18. Ст. 2159.

возможно, должностного лица или работника, который отвечает за рассматриваемый участок работы). Ряд исследователей полагают, что в настоящее дело фактически происходит появление новых субъектов права в виде тех же роботов, выступающих в качестве новой «цифровой личности», существующей наряду с человеком [5, с. 9]. Совершенно очевидно, что решение данных юридических вопросов должно осуществляться постепенно, а сами граждане и должностные лица должны адаптироваться к условиям цифровизации, создающей фактически новое информационно-правовое пространство, характеризующееся большими объемами информации и сопровождающееся существенными рисками.

Мы солидарны с позицией, согласно которой цифровизацию нельзя рассматривать в качестве панацеи или действенного средства, которое якобы может способствовать устранению всех дефектов, характерных для отечественной правовой системы, решению различных проблем социального характера. Цифровизация позволяет оптимизировать систему правового регулирования посредством применения новейших цифровых технологий, систем искусственного интеллекта [6, с. 7]. При этом нужно учитывать тот элемент неопределенности, который может возникнуть в том случае, если развитие цифрового пространства начнет развиваться на неконтролируемой основе.

Несколько лет назад широкий общественный резонанс вызвало заявление председателя правления Сбербанка, в соответствии с которым «нейронная сетка» в состоянии осуществлять подготовку исковых заявлений гораздо качественнее профессиональных юристов (как известно, за этим последовало сокращение нескольких сотен юристов, ответственных за составление данных заявлений). Данное решение выглядит неоднозначным, поскольку, с одной стороны, посредством использования интеллектуальной платформы действительно может быть осуществлена подготовка шаблонных заявлений, однако, с другой стороны, юристам-профессионалам в подавляющем большинстве случаев приходится иметь дело с особыми ситуациями, характеризующимися персонифицированностью, различными индивидуальными особенностями и сложными обстоятельствами, в существовании которых робот не в состоянии разобраться по объективным причинам.

В исследованиях, посвященных цифровизации российской правовой системы, отмечается, что широкомасштабное применение новейших цифровых технологий в различных видах юридической практики способствует автоматизации тех правовых процедур, которые в прошлом могли осуществляться только конкретными субъектами права, требуя их непосредственного участия во всех этих процессах. Однако на этом основании некоторыми исследователями делаются весьма спорные заключения, в соответствии с которыми цифровизация может способствовать радикальным преобразованиям правовой системы, например, иметь неизбежным следствием внедрение системы электронного правосудия, предусматривающего замену судей роботами, якобы способными принимать взвешенные решения по типичным делам [7, с. 7]. Последнее утверждение выглядит отнюдь не бесспорным, с точки зрения авторитетных представителей судейского сообщества нецелесообразно доверять рассмотрение даже типичных дел так называемому «судье-автомату».

В области судопроизводства большую роль играет усмотрение судьи по конкретному делу, которое выступает в качестве результата сложной мыслительной деятельности судьи-человека. Здесь в идеале должно приниматься наиболее оптимальное, взвешенное решение, выработанное с учетом разнообразных альтернатив, которые предусмотрены нормами действующего законодательства. Такого рода мыслительная деятельность не может осуществляться электронным устройством или судьей-роботом, вследствие чего из системы электронного правосудия будет неизбежно устранен такой важный его компонент как судебное усмотрение.

Электронному устройству, каким бы совершенным оно бы не было, нельзя доверять полномочия, связанные с вынесением юридически значимых решений, совершением действий, от которых зависит судьба конкретных людей. При решении дел судья обязан руководствоваться не только нормами действующего законодательства, которые могут быть загружены в электронные базы данных, но и учитывать различные обстоятельства

конкретных дел, руководствуясь при вынесении решений не только правовыми, но и моральными принципами.

С помощью цифровых технологий могут с высокой степенью эффективности осуществляться так называемые типовые стандартизированные процедуры, включающие систематизацию документов, их предварительную подготовку. Указанные документы могут впоследствии использоваться конкретным правоприменителем с целью анализа тех или иных конфликтных ситуаций и принятия наиболее оптимального решения. На данное обстоятельство обращает внимание и В.Д. Зорькин, в соответствии с выводом которого посредством использования цифровых технологий можно добиться значительного повышения качества правоприменительной деятельности, реализуемой органами исполнительной власти [3]. Те информационные новшества, которые в течение последних лет активно внедрялись в деятельность различных органов государственной власти, безусловно, являются очень полезными и способствуют росту эффективности деятельности данных органов. Так в сфере судопроизводства появились такие инновации как подача исковых заявлений в суд с их последующей регистрацией, движение дел между различными судебными инстанциями, осуществляемое в электронном формате, дистанционные формы проведения судебных заседаний, использование различных мессенджеров или электронной почты с целью отправления лицам, принимающих участие в судебных процессах, соответствующих уведомлений.

Рассматриваемые цифровые технологии, с нашей точки зрения, могут использоваться в юридической практике в качестве вспомогательного средства, что не предусматривает сколько-нибудь серьезного влияния данных технологий на механизм выработки решений по конкретным делам в системе судопроизводства. Те цифровые средства, которые в настоящее время уже применяются или будут в ближайшее время внедрены в судебную деятельность, должны быть направлены в первую очередь на повышение качества отправления правосудия, однако они не должны иметь следствием возникновение принципиально иной системы судопроизводства, так называемого электронного правосудия. Применение искусственного интеллекта в области правосудия и других сферах правоприменительной деятельности не может стать равноценной заменой представителям профессионального юридического сообщества, призванных руководствоваться, в том числе, внутренним убеждением. Именно поэтому в основе юридической практики находятся именно человеческие навыки.

Список источников

1. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
2. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
3. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского юридического форума // Российская газета – Столичный выпуск. № 115 (7578). 29.05.2018.
4. Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал высшей экономики. 2021. № 2. С. 4–23.
5. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
6. Тонков Е. Цифровизация права: проблемы и перспективы // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2019. № 10. С. 6–9.
7. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.

References

1. *Digitalization of lawmaking: search for new solutions*: monograph. D. A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovin; under the general editorship of D. A. Pashentsev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: INFRA-M; 2019. 234 p. (In Russ.)
2. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(9):5–16. (In Russ.)
3. Zorkin V.D. Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg Legal Forum. *Rossiiskaya gazeta – Stolichnyi vypusk = Russian newspaper – Stolichny issue*. No. 115 (7578). 29.05.2018. (In Russ.)
4. Tikhomirov Yu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Law and digital transformation. *Pravo. Zhurnal vysshei ekonomiki = Right. Journal of Higher Economics*. 2021;(2):4–23. (In Russ.)
5. Talapina E. V. Law and digitalization: new challenges and prospects. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(2):5–17. (In Russ.)
6. Tonkov E. Digitalization of law: problems and prospects. *Vestnik sudeiskogo soobshchestva Belgorodskoi oblasti = Bulletin of the judicial community of the Belgorod region*. 2019;(10):6–9.
7. Pashentsev D. A. The Russian legislative tradition before the challenge of digitalization. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(2):5–13. (In Russ.)

Информация об авторе

С. И. Имгрунт – докт. филос. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и политологии, Адыгейский государственный университет.

Information about the authors

S. I. Imgrunt – Doctor of Philosophy, Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law and Political Science, Adyghe State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.05.2022; одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 08.06.2022.

The article was submitted 22.05.2022; approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 08.06.2022.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Святослав Петрович Федоренко^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, fsp018@yandex.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются условия зарождения и основные этапы развития коррупционных проявлений в России. Указывается, когда началась борьба с ней правовыми мерами, и какие методы использовались для ее подавления. Далее рассматривается, что из себя представляет современная коррупция в современной России. Анализируется, какие источники являются основными и служат ее распространению, какие факторы влияют на ее повышение и какие современные сферы деятельности государства и общества являются наиболее проблемными в контексте распространения коррупции. Рассматривается воспитательный процесс в контексте правовой сферы и указывается, каким образом правовое воспитание может способствовать минимизации коррупционных проявлений. В статье формулируются выводы о сущности, источниках коррупции и путях ее преодоления с помощью правового воспитания.

Ключевые слова: правовое воспитание, факторы, сущность и особенности коррупционных проявлений, способствующие коррупционным проявлением, комплекс мер в борьбе с коррупцией, правовое воспитание как основа борьбы с коррупцией

Для цитирования: Федоренко С. П. Правовое воспитание как способ борьбы с коррупцией // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 135–140. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-135-140>

Problems of Intersectoral Regulation of Legal Activities

Original article

LEGAL EDUCATION AS A WAY TO FIGHT CORRUPTION

Svyatoslav P. Fedorenko^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, fsp018@yandex.ru

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article discusses the conditions of origin and the main stages of the development of corruption manifestations in Russia. It is indicated when the fight against it began with legal measures, and what methods were used to suppress it. Next, we consider what modern corruption is in modern Russia. It analyzes which sources are the main ones and serve to spread it, which factors influence its increase and which modern spheres of activity of the state and society are the most problematic in the context of the spread of corruption. The educational process is considered in the context of the legal sphere, and it is indicated how legal education can contribute to minimizing corruption manifestations. At the end of the article, conclusions are drawn about the essence, sources of corruption and ways to overcome it with the help of legal education.

Keywords: legal education, factors, essence and features of corruption manifestations, contributing to corruption manifestations, a set of measures in the fight against corruption, legal education as the basis of the fight against corruption

For citation: Fedorenko S. P. Legal education as a way to fight corruption. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):135–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-135-140>

Проблемы коррупционного воздействия сопровождают любое общество с момента его возникновения. Даже в догосударственный период существовали проявления, которые можно было бы охарактеризовать сегодня как коррупционные. Разумеется, законов, пересекающих коррупцию в родоплеменном обществе, не было. Более того, ряд поведенческих алгоритмов древнерусского человека (равно как и во многих других древних обществах) был связан с подношением подарков представителям власти. Данное действие стало обычаем и поэтому в процессе воспитания старшие учили детей тому, что просьба к представителю власти (жрецу, старосте, вождю и т.д.) должна сопровождаться подарком. Это соответствовало мифическим представлениям древних славян о сверхъестественных силах, которые необходимо было умиловить путем жертвоприношений, в том числе и человеческих. По большому счету вся система доисторических отношений строилась на подношениях носителям власти. По всей видимости, это один из факторов, тормозивших развитие общества [1, с. 95]. В настоящее время сущность и содержание искомым действий можно идентифицировать как подпадающие под категорию общественно опасных деяний, наказуемых действующим законодательством. То есть, правовые ценности и правовые установки изменились, а значит, изменилось правовое сознание и правовое мышление. Соответственно изменилось и правовое воспитание, целью которого является формирование правомерного поведения.

По большому счету, указанная система обычаев сохранила себя и при переходе от родоплеменных отношений к государственным. Так в статье 42 – одного из первых русских законов – Русской Правды, имеется указание о подношении жителями корма представителям власти [2, с. 10]. В дальнейшем эта схема трансформировалась в систему кормления, которая вплоть до середины XVI века была значительным тормозом в развитии общественных отношений. Данная сфера стала тотальным генератором коррупционных проявлений. Взятка воспринималась населением как обычный способ решения проблем [3, с. 88]. В частности, русское народное выражение «остаться с носом» означает, что оба участника судопроизводства несли «нос», то есть подношения представителю судебной власти. И тот, у кого подношения было хуже, оставался с ним, то есть с носом, а тот, кто давал лучшую взятку, выигрывал судебный процесс. Таким образом, на местах суд, зачастую превращался в конкурс взяток. И соответственно в процессе воспитания они определялись в качестве нормы.

Концептуальную борьбу с этим явлением начал Иван III Великий. Он в первой статье Судебника 1497 года формирует правовые основы борьбы с коррупцией [2, с. 17]. А Иван IV Грозный, понимая, что сложившиеся формы взаимодействия населения и местной власти не позволяют эффективно реализовывать функции управления и суда, заменяет систему кормления системой губных и земских старост. Даже опричнину можно рассматривать с позиции борьбы с коррупцией, так как бояре воспринимали последнюю не как преступление, а как свое исконное право облагать поборами народ. Начиная с указанного времени, борьба с коррупцией становится неотъемлемой частью внутренней политики России. Она продолжилась и в имперский, и в советский период. То обстоятельство, что коррупция обнаруживала себя хоть в монархической, хоть в республиканской форме правления подчеркивает ее трансформационный характер и высокий уровень мимикрии. То есть независимо от формы государства в нем будут обнаруживаться элементы коррупционных процессов. К сожалению, в этом аспекте история не знает исключений. Любой поверхностный историко-правовой анализ показывает, что коррупционные преступления характерны для любого периода развития любой государственности. Например, в период правления Петра I Великого, при котором жестокость уголовных репрессий достигает своего пика, коррупционные преступления имели многочисленные проявления. И ни одно государство в истории не могло заявить о полной победе над коррупцией. По всей видимости, это подчеркивает такую онтологическую черту коррупции как субъективно-объективный характер. Она является своего рода неотъемлемым побочным эффектом экономических отношений, без которых невозможно существование человека, общества и государства.

Если вспомнить об органической теории происхождения государства [4], то коррупцию можно сравнить с болезнью. Ни одно общество и не один человек за всю историю не могли похвастаться тем, что полностью избавились от болезней. Аналогичная ситуация прослеживается и с коррупционными проявлениями. Но это не означает, что болезнь является нормой и не требует лечения. Поэтому нужно создавать условия, при которых ее распространение будет минимальными. А, как известно, в противодействии болезни важнейшую роль играет профилактика. В данном случае существенной профилактической мерой будет правовое воспитание.

Коррупционные проявления носят перманентный характер, так как человек является биологическим существом, которому постоянно требуются материальные ресурсы для поддержания жизни. Но в то же время человек – это политическое существо, а в основе политики лежит выгода. Поэтому может происходить подмена общественных интересов личными, что выступает почвой для совершения коррупционных деяний. Эти деяния имеют мощный деструктивный эффект. Многие исследователи отмечают, что коррупция стоит в одном ряду с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, и не случайно при ее характеристике часто употребляют термин «угроза» [5, с. 35]. Она наносит серьезный ущерб не только развитию государства и общества в целом, но и правам, свободам и законным интересам отдельного гражданина. Коррупция – одна из наиболее острых тем, существующих в современном российском обществе. Под воздействием неофициальных деструктивных источников люди теряют веру в законность и справедливость, в обществе начинает формироваться мнение, что все можно решить через коррупционные схемы, обычному человеку ничего не добиться честным трудом, что, в конечном счете, ведет к стагнации и деградации всего общества. Поэтому ключевое значение приобретает профилактика коррупции, которая невозможна без эффективной системы правового воспитания.

История государства и права России показывает, что карательные меры, применяемые государством, в первую очередь, к субъектам криминальной коррупции, если и приносили, то только временный или сегментарный результат, а потом ее вирус продолжал поражать чиновников и хозяйственников, которые придумывали новые хитроумные ходы для обмана и ограбления государства.

Несмотря на систематические попытки государства усовершенствовать законодательную базу, ужесточить ответственность за коррупционные деяния, а также усовершенствовать контроль, все еще имеются серьезные проблемы в борьбе с коррупцией. К правовым причинам можно отнести: несовершенство закона; частое внесение поправок в законодательство, регулиующее экономическую деятельность; несовершенство мер наказания за коррупционные деяния; возможность негативного влияния на деятельность правоохранительных органов и судебные решения. Теневая экономика заинтересована в коррупции, так как они обе имеют латентный характер и взаимосвязаны так же, как и в правовом поле экономика и финансы [4, с. 136].

Рассматривая все вышеперечисленные причины можно сказать, что причины, которые порождают коррупцию, в том числе и в нашей стране носит комплексный характер. Но в основе лежат экономические проблемы. Неэффективность механизмов защиты прав собственников, часто меняющееся налоговое законодательство, усиленный контроль, а также издержки налоговой политики, не дают адекватного развития малому и среднему бизнесу, это порождает напряженность, и недоверие к государству. К этому добавляются правоохранные проблемы: несовершенство судебной системы; факты неэффективности работы правоохранительных органов; сложности и противоречивость в работе муниципальных органов власти. Все это в совокупности затрудняет реализовывать принципы, закрепленные в Конституции Российской Федерации, которая определяет, что смысл и содержание законодательства должно определяться приоритетом прав человека.

Но проблема таится не только в органах государственной и муниципальной власти. Сегодня все еще не преодолена ситуация, при которой граждане ставят свои личные интересы выше, чем интересы государства и общества. При совершении коррупционных деяний,

лицо явно не учитывает общественные интересы, а желает удовлетворить свои собственные интересы неправомерным путем. В целом, это говорит о низком уровне правовой культуры у граждан нашей страны. Деграция моральных принципов, норм нравственности приводит к разрушению гражданского общества в целом, к упадку авторитета государства, к разладу между социальными группами и в итоге, к низкому уровню жизни. А низкий уровень жизни влечет распространение коррупции. Задача государства разорвать этот негативный замкнутый круг.

Нельзя также забывать и о социально-психологических условиях, способствующие развитию коррупции. Тиражируемые средствами массовой информации, новости об объемах взяток у задержанных чиновников, зачастую воспринимается народом не как факт борьбы с коррупцией, а оказывают отрицательное влияние на психику людей, и отбрасывает тень на всех остальных чиновников. Это продуцирует такое явление как правовой нигилизм – то есть негативное отношение к праву, недоверие к законодательству государства, в его возможность служить эффективным регулятором общественных отношений [7, с. 213]. Из-за этого в обществе наблюдается высокая готовность к коррупционным сделкам и решению проблем с помощью данного негативного феномена.

Спецификой социально психологического климата в гражданском обществе, способствующей распространению коррупции является раздвоенность мировоззренческих ориентаций. С одной стороны, преступность считается общественно-неприемлемой, а с другой в обществе (и не только российском) можно встретить распространение такого вида деформации правосознания как подмена законности целесообразностью. Поэтому, не видя ценности в праве, люди совершают коррупционные преступления, оправдывая это эффективностью. В данном контексте необходимы специальные программы правовоспитательного характера.

Ключевым фактором сегодня выступает эффективность антикоррупционной политики для бизнес-среды. Изучение динамики влияния коррупции на предпринимательские свободы и коммерческую активность приводит экспертов к мнению о положительной динамике институциональной компоненты бизнес-среды. Но в этом контексте эксперты отмечают и опасность сращивания корыстных интересов частных служб и государственных силовых структур. Службы безопасности разных бизнес-структур – это некий коммуникатор между бизнесом и правоохранительными органами. Он зачастую носит разлагающий характер. Как известно службы безопасности большинства коммерческих компаний укомплектованы бывшими работниками правоохранительных органов. Здесь также обнаруживается существенная проблема.

Коррупцию стоит рассматривать, как непосредственную угрозу национальной безопасности страны, подрывающей авторитет государственных органов и государственных служащих в целом. В современном мире, такой феномен, как коррупция является достаточно распространенным, что подрывает экономическую составляющую страны, а также увеличивает количество преступлений, совершенных должностными лицами.

Очерченный круг проблем проявляются в разных сферах, формах, видах и направлениях. Поэтому и общепризнанное мнение заключается в том, что для минимизации данной проблемы требуется комплексный подход. На наш взгляд, важной частью данного подхода выступает правовое воспитание. Вообще под процессом воспитания принято понимать обучение, защиту и заботу о детях, с целью их здорового развития во взрослой жизни [8, с. 138].

В ч. 2 ст. 2 Закона «Об образовании» говорится, что «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства»¹.

---

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). <http://pravo.gov.ru>

Указанные процессы тесно связаны с правом, и поэтому актуальной выступает такая форма воспитания, как правовое воспитание. Очевидно, что в правовом воспитании требуются обучение, защита и забота обо всем населении Российской Федерации, с целью создания такого уровня правовой культуры, который в условиях соблюдения принципа законности обеспечит не только общественный порядок и общественную безопасность, но и возможность эффективно реализовывать свои права и свободы, закрепленные Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством. Поэтому необходимо создавать общую программу воспитания, начиная с самого раннего возраста и продолжая с последующими поколениями, в которой будет оказываться позитивное, воспитательное воздействие с целью восприятия права как базовой ценности.

Особенностью воспитания выступает то обстоятельство, что необходимо не только формировать правильное поведение человека, но и его нравственные чувства, которые позволяют ему сделать разумный, правильный выбор между правомерным-хорошим-справедливым поведением и неправомерным-нехорошим-несправедливым. В основе этой дихотомии и лежит правовое воспитание, а она становится базой поведенческих реакций в течение всего процесса социализации индивида и достаточной сложно подвергается корректировке. А в некоторых случаях не подвергается вообще.

Также следует понимать, что правовое воспитание не рассчитано на развитие интеллекта (на него рассчитано правовое обучение) в воспитании, следует больше внимания уделять формированию духа и воли. Они являются залогом исполнения правовых предписаний в контексте правовой этики. Несмотря на то, что выполнение требований права идет вразрез с личными интересами индивида. Правильное правовое воспитание позволяет лицу дать адекватную оценку своего действия в контексте предписании законодательства и выбрать тот вариант, который характеризуется как правомерный. Также необходимо понимать, что в правовом воспитании важную роль играет фактор индивидуальности, поэтому зачастую требуется индивидуальный подход к разным субъектам правовоспитательного процесса для того, чтобы добиться наибольшей эффективности.

Таким образом, подводя итог, проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы:

во-первых, коррупция является объективной издержкой существования любого общества. История констатирует факт, что ни одно государство не в один период существования не смогло полностью победить коррупционные проявления;

в-третьих, коррупция получает широкое распространение при слабой экономике, а слабая экономика продуцирует коррупцию. Этот замкнутый круг размыкается путем государственного реформирования через систему материальных стимулов и систему контроля со стороны государственных органов, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества;

в-четвертых, сегодня необходимо повышенное внимание уделять правовому воспитанию, в ходе которого создается восприятие личностью и обществом закона как безусловной ценности;

в-пятых, только в процессе правового воспитания формируются дух и воля, направленные на соблюдение закона, который тоже имеет волевой характер. Поэтому правовое воспитание должно иметь отдельную государственную стратегию, разработанную и закрепленную на правительственном уровне.

Список источников

1. Федоренко С. П. Борьба с коррупцией: историко-правовой аспект // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 94-99.
2. Хрестоматия по истории государства и права СССР (Дооктябрьский период) / Под ред. Ю.П. Титова. М.: Юридическая литература, 1990.
3. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М.: Экономика, 2011.

4. Гобсс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
5. Сотников К.И. Коррупционные угрозы национальной безопасности // *Время и право*. 2011. № 1. С. 34–35.
6. Гуляихин В. Н. Правовое воспитание человека как процесс формирования ценностно-смыслового компонента правосознания // *Юридические исследования*. 2014. № 8. С. 60–79.
7. Смолина И. Г. Правовой нигилизм и функции правовой культуры / В сборнике: Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий». Материалы конференции, посвященной 75-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан, 2019. С. 213–219.
8. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. М., 1868.

References

1. Fedorenko S. P. Fight against corruption: historical and legal aspect. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2021;1(96):94–99. (In Russ.)
2. *Anthology on the history of state and law of the USSR (Pre-October period)*. Edited by Yu.P. Titov. Moscow: Legal Literature; 1990. (In Russ.)
3. Andrianov V. D. *Corruption as a global problem: history and modernity*. Moscow: Economics; 2011. (In Russ.)
4. Gobss T. *Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state*. Moscow: Mysl; 2001. 478 p. (In Russ.)
5. Sotnikov K. I. Corruption threats to national security. *Vremya i pravo = Time and law*. 2011;(1):34–35. (In Russ.)
6. Gulyikhin V. N. Legal education of a person as a process of forming a value-semantic component of legal consciousness. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal research*. 2014;(8):60–79. (In Russ.)
7. Smolina I. G. Legal nihilism and the functions of legal culture. In: *Materials of the VI International Scientific Conference "Peoples and Cultures of the Sayano-Altai and adjacent territories"*. Materials of the conference dedicated to the 75th anniversary of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History. Abakan, 2019:213–219. (In Russ.)
8. Ushinsky K. D. *Man as a subject of education. The experience of pedagogical anthropology*. Moscow; 1868. (In Russ.)

Информация об авторе

С. П. Федоренко – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС; доцент кафедры теории государства и права РЮИ МВД России.

Information about the author

S. P. Fedorenko – Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.05.2022; одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 08.06.2022.

The article was submitted 22.05.2022; approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 08.06.2022.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ГАРАНТИРОВАНИЯ КОМФОРТНОГО ПРОЖИВАНИЯ

Станислав Александрович Васильев

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, mnogoslav@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2752-240X>

Аннотация. Актуальность темы заключается в очевидной необходимости решения вопроса с равномерным расселением людей по территории России. Данная проблема не является новой, поскольку существуют и реализуются различные государственные программы, связанные с предоставлением преференций гражданам и организациям для заселения Дальнего Востока и иных отдаленных от центра страны территорий, существуют особые экономические зоны и т.д. Тем не менее, основная масса населения продолжает оставаться в крупных городах, которые стали таковыми во многом из-за близости расположения государственной власти и, соответственно, должностных лиц, с которыми необходимо постоянно поддерживать разного рода взаимоотношения и нередко именно личный контакт. С развитием различных аспектов осуществления предпринимательской деятельности, в том числе с участием крупного бизнеса, данная парадигма должна меняться. В статье проанализированы правовые основы реализации такого рода деятельности. Целью исследования является рассмотрение правовых основ для реализации демографической политики с точки зрения рационального распределения населения по территории России для создания комфортных условий для проживания граждан. Достижением обозначенной цели является выработка предложений по трансформации правового регулирования и практики его применения для интенсификации равномерного расселения жителей страны. Для подготовки настоящей работы использовались общеправовые, общенаучные и частноправовые методы научного исследования. Результатом проделанной работы выступает ряд предложений правотворческого и организационного характера использования особых правовых режимов на определенных территориях и актуализации практики моногородов, формирующихся вокруг градообразующих предприятий и аналогичных им производств.

Вывод. Представляется необходимым упорядочить нормативное правовое регулирование вопросов, связанных с установлением особых режимов в отдельных местностях, путем принятия «территориального кодекса» или иного, аналогичного ему документа. Следует частично трансформировать действующее законодательство в рассматриваемой сфере и систематизировать организацию его исполнения.

Ключевые слова: территориальный кодекс, градообразующие предприятия, население, особые экономические зоны, субъекты права, моногорода, территориальная организация, территория, управление предпринимательством

Для цитирования: Васильев С. А. Правовые основы демографической политики для гарантирования комфортного проживания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 141–148. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-141-148>

Problems of Intersectoral Regulation of Legal Activities

Original article

LEGAL FRAMEWORK FOR DEMOGRAPHIC POLICY TO GUARANTEE COMFORTABLE LIVING

Stanislav A. Vasiliev

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, mnogoslav@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2752-240X>

Abstract. The relevance of the research topic lies in the obvious need to address the issue of uniform settlement of people across the territory of Russia. This problem is not new, since there are and are being implemented various state programs related to the provision of preferences to citizens and organizations

for settling the Far East and other territories remote from the center of the country, there are special economic zones, etc. Nevertheless, the bulk of the population continues to remain in large cities, which have become such largely due to the proximity of state power and, accordingly, officials with whom it is necessary to constantly maintain various kinds of relationships and often just personal contact. With the development of various aspects of entrepreneurial activity, including with the participation of large businesses, this paradigm must change. This study analyzes the legal framework for the implementation of this kind of activity. The purpose of this study is to consider the legal framework for the implementation of demographic policy in terms of the rational distribution of the population across the territory of Russia to create comfortable living conditions for citizens. The achievement of the designated goal is the development of proposals for the transformation of legal regulation and the practice of its application to intensify the uniform settlement of the country's inhabitants. For the preparation of this work, general philosophical, general scientific and private law methods of scientific research were used. The result of the work done is a number of proposals for the law-making and organizational nature of the use of special legal regimes in certain territories and the actualization of the practice of single-industry towns that are formed around the city-forming enterprises and similar industries.

Output. It seems necessary to streamline the normative legal regulation of issues related to the establishment of special regimes in certain areas, by adopting a "territorial code" or another document similar to it. It is necessary to partially transform the current legislation in the area under consideration and systematize the organization of its implementation.

Keywords: territorial code, city-forming enterprises, population, special economic zones, subjects of law, single-industry towns, territorial organization, territory, business management

For citation: Vasiliev S. A. Legal framework for demographic policy to guarantee comfortable living. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):141–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-141-148>

Введение

Российская Федерация – уникальная страна по целому ряду причин. Еще одну специфическую особенность удалось выявить в процессе сопоставления причин урбанизации, выбора места жительства граждан и пр. в сравнении с другими государствами. Суть данной особенности заключается в цепочке взаимоотношений бизнеса и власти, граждан и мест благоприятного трудоустройства.

В условиях складывающейся в стране экономической ситуации граждане вынуждены выбирать места своего проживания вблизи расположения тех хозяйствующих субъектов, которые могут обеспечить максимальные доходы. При этом комфорт проживания отодвигается далеко на второй план среди приоритетов населения. Во главу угла ставится материальное благосостояние. Все это влияет на чрезмерно огромную численность населения Москвы и постепенного опустения не только сельской местности, но и малых городов, а порой, и региональных центров.

Территории с особыми экономическими режимами

Традиционно считается, что территориальное устройство в большей степени привязано к осуществлению публичной власти [1]. Однако практика последних лет показывает, что создание территорий с особым правовым режимом для бизнеса дает определенные плоды [2]. Так, в России до появления такого рода инициатив весь коммерческий сектор концентрировался вокруг двух столиц. По большей степени данная ситуация сохраняется и до сегодняшнего дня. Некоторые другие отраслевые области экономики привязывались к городам или регионам по месту нахождения производства [3]. Однако холдинги, корпорации, группы компаний и др. концентрировались в Москве, а объем банковских активов относительно всей страны в этом городе составлял не менее 50% [4].

Возможно, одной из причин необходимости рассредоточения экономически активных организаций из столицы явилась чрезмерная загруженность города и давнее отсутствие реальных условий для комфортного проживания [5, с. 57]. Плотность населения Москвы составляет 4950 чел./км² против 594 также в достаточно загруженном в центре, но имеющим обширную сельскую местность в пригороде Севастополе или 1181 в агломерации Волгограда. С целью поддержки местных предпринимателей и дополнительного

государственного стимулирования переезда компаний на другие территории стали использоваться различные правовые режимы¹.

Несмотря на определенные недостатки реализации территорий со специальным хозяйственным режимом [6], в других странах он дает большое количество преимуществ для экономики региона. Так, после серьезного давления США на Гонконг для нивелирования таможенных послаблений в отношении данной автономии, китайские власти начали проработку предоставления такого права другой территории. За эту возможность стали бороться Макао и Шанхай [7]. В случае успеха, очевидно, что один из указанных городов будет расти, как минимум, с точки зрения увеличения численности населения и его плотности. Данный пример представляет собой государственное воздействие на градостроительную ситуацию. При этом публичная власть не преследует цели воздействия на агломерацию, т.к. речь идет об оперативном решении возникших проблем экономического характера.

Даже в процессе осуществления контрольной деятельности государство стремится максимально обеспечить правовой статус предпринимателей. Такая тенденция свойственна как отечественной, так и зарубежной практике [8].

Тем не менее, отмечается противоречивый характер действующих правил, с точки зрения того, что, например, на основании ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» в управлении коммерческими организациями и проектами заняты некоммерческие организации и опосредованно – государственные структуры, не способные до конца разделять интересы своих управляемых [9]. Государственно-частное партнерство в самом широком смысле далеко не всегда дает исключительно положительные плоды.

Статья 13 и ряд других норм указанного выше закона содержит в себе большое количество требований к резидентам территории опережающего социально-экономического развития [10], что с одной стороны представляется обоснованным, а с другой создает условия для развития бюрократии, нарушения прав предпринимателей и иных негативных последствий.

Возможно, перечисленные обстоятельства являются одним из ограничений для стремительного перевода своего бизнеса в соответствующую местность московскими резидентами.

Современная отечественная доктрина не стоит на месте в части трансформации и модернизации особых территорий в России. Так, разработан новый проект закона о свободном порте Владивосток, суть которого заключается в том, чтобы предоставить дополнительные преференции для резидентов Приморского края, в том числе не связанными с морским сектором экономики. Существующий режим в рамках Федерального закона от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»² уже продемонстрировал ряд трудностей, требующих своего разрешения – несовершенство таможенной инфраструктуры, дополнительные сложности приобретения земельных участков в регионе физическими лицами и т.д. [11]

Выдвигаются также предложения по расширению сервисного обслуживания в рассмотренных территориях [12], основы которой заложены, например, в ст. 12 Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 года) // Собрание законодательства РФ. 2015. 5 января. № 1 (часть I). Ст. 26; Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 216-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 года) // Собрание законодательства РФ. 2017. 31 июля. № 31 (Часть I). Ст. 4765; О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2020 года № 193-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 года) // Собрание законодательства РФ. 2020. 20 июля. № 29. Ст. 4503 и др.

² О свободном порте Владивосток: Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 года) // Собрание законодательства РФ. 2015. 20 июля. № 29 (часть I). Ст. 4338.

относительно правового сопровождения оформления результатов интеллектуальной деятельности. Бизнес-подходы к управлению инновационными проектами предполагают существенную сервисную поддержку по оказанию иных юридических услуг, организации коммуникации с представителями органов власти в случае наличия такой необходимости и т.д.

Все это свидетельствует не только о положительных, но и отрицательных аспектах особых экономических режимов на определенной территории, которые также необходимо учитывать при их разработке, введении и трансформации.

Подводя итог данному разделу, следует отметить, что территории с особым статусом – наиболее эффективная форма рационального территориального распределения людей по стране. Фактически данная сфера находится в стадии своего реформирования, в связи с чем можно выразить некоторые рекомендации по совершенствованию законодательства, регулирующего соответствующую сферу общественных отношений, среди которых:

- необходимость его систематизации. Например, разработка концепции «территориального кодекса» или иного аналогичного ему кодифицированного документа. В настоящее время в одной и той же местности могут действовать различные, порой противоречащие друг другу территориально-правовые режимы. Указанный акт призван навести в этой сфере порядок;

- применение бизнес-технологий в процессе управления предпринимательской деятельностью на территориях с особым статусом;

- упрощение бюрократических и иных процедур, усложняющих прохождение формальных процедур для резидентов территорий с особым статусом;

- тесно связанным с обозначенным выше является предложение противодействия злоупотреблениям своими правами представителями управляющих компаний и иных вовлеченных в процесс управления особыми территориями представителей. Такого рода явления свойственны также моногородам.

Градообразующие предприятия и моногорода: перспектива возрождения

Взаимоотношения государства и экономического сектора в процессе осуществления строительной деятельности имели место при формировании градообразующих предприятий, когда населенные пункты возникали вокруг заводов для их обеспечения трудовыми ресурсами [13]. Постепенно с прекращением деятельности промышленных объектов вымирают и города, созданные вокруг них, утрачивая не просто население, а уникальных специалистов с их возможностями [14]. Так, отмечается, что в начале 2021 года количество моногородов по своему функциональному содержанию сократилось с 321 до 163¹.

Однако в настоящее время вполне допустим и такой сценарий, при котором вокруг новых производств будут расти жилые дома, а с ними и численность населения при экономической востребованности промышленного центра. Так, в Амурской области отмечаются подобные тенденции в процессе строительства и функционирования космодрома «Восточный», газопровода «Сила Сибири», нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». Однако происходит это на фоне расселения из других рабочих поселков, не охваченных производственными потребностями промышленного сектора экономики [15]. В результате региональные власти рассчитывают прирастить население данного субъекта на 116 тыс. человек к 2025 году².

Отдельные авторы предлагают создание особых экономических зон в моногородах для того, чтобы реанимировать хозяйственную и социальную активность на соответствующих территориях [16]. Сам факт налоговых или иных послаблений вряд ли привлечет предпринимателей туда, где нет населения или оно стремительно убывает. Исключения могут представлять только крупные организации, которые комфортно чувствуют себя и

---

¹ Перевошикова М. Время малых: Минэк предложил сократить количество моногородов вдвое // Официальный сайт издания «Известия». URL: <https://iz.ru/1136248/maria-perevoshchikova/vremia-malykh-minek-predlozhit-sokratit-kolichestvo-monogorodov-vdvoe>. (дата обращения – 26 октября 2021 г.).

² В Приамурье рассчитывают до 2025 года увеличить численность населения на 116 тыс. человек // Сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4376758>. (дата обращения – 26 октября 2021 г.).

на территориях со стандартным налоговым режимом. В этой связи предлагается активизировать политику государства в направлении большего и более действенного стимулирования заселения тех территорий, которые необходимы для развития определенных промышленных или иных экономически активных объектов. При этом в такой деятельности важным представляется государственно-частное партнерство, когда заинтересованное предприятие будет финансово участвовать, а власть организационно содействовать достижению искомого результата. Такую позицию допустимо зафиксировать в каждом из нормативных актов, регулирующих правовой режим отдельных территорий. Другими словами, обозначенное законодательство должно быть ориентировано не только на бизнес, но и на граждан [17].

Определенным велением времени является формирование моногородов вокруг научных центров или университетов [18], т.к. во многом промышленное производство постепенно сменяет микроэлектроника, IT-индустрия и другие виды формирования нового продукта, не требующего больших площадей. Однако идеи, инновации в современном мире играют очень большое значение. Так, по данным коллектива из Высшей школы экономики, за период 2010–2019 гг. валовая добавленная стоимость IT-отрасли в России увеличилась более чем вдвое – до 945 млрд руб.¹ В этой связи территориями с особым статусом могут быть отдельные здания внутри города. Такие инициативы уже рассматриваются Министерством экономического развития Российской Федерации. К тому же данная сфера допускает возможность дистанционной работы большинства специалистов. На этой основе возникает закономерный вывод о том, что меняющаяся экономика трансформирует и принципы, на которых строятся общественные отношения, в результате чего проживание людей обусловлено местом комфортного проживания, а не гарантированного трудоустройства. Однако данный вывод распространяется далеко не на всех граждан Российской Федерации, а также обосновывает необходимость создания максимально комфортных условий для проживания там, где хотелось бы прирастить население. Обозначенную задачу можно решить также при помощи нормативного правового закрепления действенного механизма государственно-частного партнерства, о котором речь уже шла выше.

Относительно взаимоотношений местных властей и градообразующих предприятий, отмечается, что в этом случае возможны различные вариации, когда топ-менеджеры могут самым активным образом воздействовать на местные власти для удовлетворения интересов организации или напротив – участие публичной власти в экономической деятельности предприятия [19, с. 15]. Экономические исследования, связанные с сопоставлением доходной части бюджета Индии и Бангладеш, показывают, что такая практика оказывается негативной с точки зрения пополнения государственной казны [20].

Это еще раз демонстрирует тесную связанность власти и бизнеса на определенной территории России и вне зависимости от доминирования одной стороны над другой. Однако направить такое взаимодействие необходимо на благие и общественно-полезные цели, связанные с благоустройством города, создания иных условий для повышения качества жизни на соответствующей территории с соответствующим нормативным правовым закреплением, о чем речь уже шла выше, а зарубежный опыт показывает эффективность данной идеи.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что отечественный бизнес даже территориально не столько зависим, сколько привязан к государственным органам. Находясь рядом, гораздо проще проводить встречи, совещания, в рамках которых получать государственное финансирование, исполнять свои обязательства, решать различные конфликтные ситуации в случае их возникновения. При чем такая ситуация в большей степени свойственна именно России. От описанной тесной связи чрезмерно растут одни города и пустеют другие огромные территории с точки зрения человеческого капитала. Такая

¹ Абдрахманова Г.И., Вишневецкий К.О., Дранев Ю.Я. и др. Динамика и перспективы развития IT-отрасли // Сайт Высшей школы экономики. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/371960649.pdf>. (дата обращения – 26 октября 2021 г.).

тенденция продолжается, т.к. к 2025 году только территория «Технополис «Москва» ожидает увеличение своих резидентов вдвое к уровню 2019 года¹.

Полная оторванность бизнеса от государства также не влечет за собой положительного эффекта, т.к. с целью извлечения большей прибыли могут нарушаться определенные стандарты, регулирующие, например, вопросы экологии [21], поэтому необходимо сохранять контрольный функционал, с чем в России пока все достаточно стабильно. Так, в 2020 г. судами Российской Федерации рассмотрено 4.3 тыс. уголовных дел в сфере хозяйственной деятельности; количество подсудимых составило 4.4 тыс. бизнесменов [22]. При том, что по данным Федеральной налоговой службы в России всего 2,3 млн юридических лиц и 3,5 млн индивидуальных предпринимателей².

В данном случае необходимо выработать и нормативно закрепить баланс взаимоотношений государства и коммерческого сектора, снизить их зависимость друг от друга, но при этом сохранить нормальную жизнь граждан в условиях благоприятной окружающей природной среды, продовольственной безопасности, доступности иных материальных благ [23] и т.д.

Необходим поиск некоего баланса для определения правил взаимоотношений хозяйственного сектора и публичной власти в привязке к территории. В противном случае никакие градостроительные идеи и концепции не будут реализованы на практике, т.к. население и миграционные потоки будут устремлены исключительно в места концентрации бизнеса, который в России сосредоточен вокруг органов власти. Для достижения этой цели необходимо дать больше свободы экономике, снизить бюрократические требования к предпринимателям, чтобы у них не было необходимости тесно взаимодействовать с должностными лицами разного уровня. Кроме того, как уже отмечалось, положительные результаты дают территории с особым правовым статусом, в связи с чем предлагается прорабатывать новые вариации таких местностей. Например, существуют инициативы создания зон, где могла бы использоваться криптовалюта или применяться инструменты цифровых финансовых активов.

Список источников

1. Территория в публичном праве / И. А. Алебастрова, И. А. Исаев, С. В. Нарутто и др. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 320 с.
2. Петраков А. Ю. Правовое регулирование предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: автореферат дис. ... к.ю.н.: 12.00.03. – М.: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 2018. 32 с.
3. Stepanova O. V. North Selkup state farms as a state social policy instrument. *Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii*. 2020. № 2. С. 157-165. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-49-2-14.
4. Зиядуллаев Н. С., Иванова Д. А. Создание международного финансового центра в Москве как важнейшая составляющая экономической безопасности России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. Т. 10. № 33 (270). С. 2–15.
5. Перфильев М. Н. *Общественные отношения: методологические и социологические проблемы*. Ленинград: Наука, 1974. 237 с.
6. Lukash E.N., Bukharova E.M. Analysis of the Effect of Territories with Special Legal Regimes on the Regional Development of Russia: An Econometric Approach // *Studies on Russian Economic Development*. 2019. № 30(2). С. 221–228.
7. Mikheev V.V., Lukonin S.A. Beijing's pain points - 2 (glance from mid-2020) // *World Economy and International Relations*. 2021. № 65(1). С. 70-81. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-70-81.
8. Мицкевич Л.А., Васильева А.Ф. Современное состояние института государственного контроля (надзора) в сфере предпринимательской деятельности // *Государство и право*. 2016. № 10.
9. Шувалов И.И. Территории с особым режимом осуществления предпринимательской и иной деятельности: вопросы правового регулирования // *Предпринимательское право*. 2021. № 2. С. 3-8. DOI: 10.18572/1999-4788-2021-2-3-8.

¹ Москва к 2025 году вдвое увеличит количество компаний-резидентов ОЭЗ // Сайт «Риа-Новости». URL: <https://ria.ru/20191218/1562546532.html>. (дата обращения – 26 октября 2021 г.).

² Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?level=2&fo&ssrf>. (дата обращения – 26 октября 2021 г.).

10. Овсянников С.В., Шевелева Н.А. Соглашения налогоплательщиков об осуществлении деятельности на территориях с особым статусом: правовая природа и налоговые последствия // Финансовое право. 2020. № 7. С. 31-41. DOI: 10.18572/1813-1220-2020-7-31-41.
11. Konvisarova E.V., Uksumenko A.A., Churakov E.E. Organizational and financial problems of functioning of the free port of Vladivostok // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2020. № 138. С. 348-356.
12. Егорова М.А. Роль институтов развития инновационной инфраструктуры в обеспечении правовой охраны и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2021. №8 (129). С. 72–79. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.072-079.
13. Моногорода и градообразующие предприятия: монография / Е. Г. Ивашкин, Д. Н. Лапаев, Д. А. Корнилов, В. В. Беспалов. Нижний Новгород: Смертин Д.А., 2020. 263 с.
14. Яковлев В. И. Социальный потенциал градообразующего предприятия: дисс. ... к. философских н.: 09.00.11. Нижний Новгород, 2004. 172 с.
15. Breslavsky A. S. Urbanization in the Russian Far East: Amur oblast, 1989-2019 // Oriental Studies. 2021. № 14(1). С. 87-102. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-87-102.
16. Talalaev D. D., Yakovleva E. A., Korolyuk E. V. Creation of the Territory of the Advancing Socio-Economic Development as a Way to Diversify the Economy of a Single-Industry City // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 111. С. 105-114.
17. Kondrashev A. A., Ronzhina O. V., Zenkina A. B. The territory of traditional nature use as a specific territorial unit in the system of territorial division of the North, Siberia and the Russian Far East. Journal of Siberian Federal University // Humanities and Social Sciences. 2018. Т. 11. № 10. С. 1572-1592. DOI: 10.17516/1997-1370-0322.
18. Kliueva V. P. Genius loci and/or city-forming enterprise: scientific centre as assemblage point (case study of the city of Apatity) // Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii. 2020. № 4(51). С. 249-256. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-51-4-23.
19. Рябова О. А. Градообразующие предприятия как акторы локальной и региональной политики: автореф. дис. ... к. полит. н.: 23.00.02. Пермь, 2009. 22 с.
20. Faguet J.-P. Transformation from below in Bangladesh: Decentralization, local governance, and systemic change // Modern Asian Studies. 2017. № 51(6). С. 1668-1694. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000378>.
21. Leskova J. G., Zolotova O. A. The Environmental Potential of Sanitary Protection Zones and the Role of Self-Regulatory Organizations in the Construction Industry in the Projects' Development of Unified Sanitary Protection Zones // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 111. С. 801–807.
22. Клеандров М.И. О необходимости института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права // Государство и право. 2021. № 8. С. 7–20. DOI: 10.31857/S102694520016386-5.
23. Худяков А. В. Правоохранительная деятельность полиции по обеспечению экономической безопасности (российский и зарубежный опыт) / Актуальные проблемы управления инфраструктурой органов внутренних дел и обеспечения экономической безопасности. Сб. научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 264-268.

References

1. *Territory in public law* / I.A. Alebastrova, I.A. Isaev, S.V. Narutto et al. Moscow: Norma, Infra-M; 2013. 320 p. (In Russ.)
2. Petrakov A. Yu. *Legal regulation of entrepreneurial activity in the territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation: abstract...* Ph.D.: 12.00.03. Moscow: Mosk. state law. Acad. them. O. E. Kutafina, 2018. 32 p. (In Russ.)
3. Stepanova O. B. North Selkup state farms as a state social policy instrument. *Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii*. 2020. № 2. P. 157-165. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-49-2-14.
4. Ziyadullaev N. S., Ivanova D. A. Creation of an international financial center in Moscow as the most important component of Russia's economic security. *National interests: priorities and security*. 2014;10(33 (270)):2–15. (In Russ.).
5. Perfiliev M. N. *Public relations: methodological and sociological problems*. Leningrad: Nauka; 1974. 237 p. (In Russ.).
6. Lukash E. N., Bukharova E. M. Analysis of the Effect of Territories with Special Legal Regimes on the Regional Development of Russia: An Econometric Approach. *Studies on Russian Economic Development*. 2019;30(2):221-228.
7. Mikheev V. V., Lukonin S.A. Beijing's pain points - 2 (glance from mid-2020). *World Economy and International Relations*. 2021;65(1):70-81. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-70-81.

8. Mitskevich L. A., Vasil'eva A.F. The current state of the institution of state control (supervision) in the field of entrepreneurial activity. *State and law*. 2016;(10). (In Russ.).
9. Shuvalov I.I. Territories with a special regime for entrepreneurial and other activities: issues of legal regulation. *Entrepreneurial Law*. 2021;(2):3-8. DOI: 10.18572/1999-4788-2021-2-3-8. (In Russ.).
10. Ovsyannikov S.V., Sheveleva N.A. Agreements of taxpayers on the implementation of activities in territories with a special status: legal nature and tax consequences. *Financial right*. 2020;(7):31-41. DOI: 10.18572/1813-1220-2020-7-31-41. (In Russ.).
11. Konvisarova E. V., Uksumenko A. A., Churakov E. E. Organizational and financial problems of functioning of the free port of Vladivostok. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2020;(138):348-356.
12. Egorova M.A. The role of institutions for the development of innovative infrastructure in ensuring legal protection and commercialization of the results of intellectual activity. *Actual problems of Russian law*. 2021;8(129):72-79. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.072-079. (In Russ.).
13. Monotowns and city-forming enterprises: monograph / E.G. Ivashkin, D.N. Lapaev, D.A. Kornilov, V.V. Bepalov. – Nizhny Novgorod: Smertin D.A., 2020. 263 p. (In Russ.)
14. Yakovlev V. I. *Social potential of the city-forming enterprise*: diss.... K. philosophical N.: 09.00.11. - Nizhny Novgorod, 2004. 172 p. (In Russ.)
15. Breslavsky A. S. Urbanization in the Russian far east: Amur oblast, 1989-2019. *Oriental Studies*. 2021;14(1):87-102. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-87-102. (In Russ.)
16. Talalaev D. D., Yakovleva E. A., Korolyuk E. V. Creation of the Territory of the Advancing Socio-Economic Development as a Way to Diversify the Economy of a Single-Industry City. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020;(111):105-114. (In Russ.)
17. Kondrashev A. A., Ronzhina O. V., Zenkina A. B. The territory of traditional nature use as a specific territorial unit in the system of territorial division of the north, Siberia and the Russian far east. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2018;11(10):1572-1592. DOI: 10.17516/1997-1370-0322. (In Russ.)
18. Kliueva V.P. Genius loci and/or city-forming enterprise: scientific centre as assemblage point (case study of the city of Apatity). *Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii*. 2020;4(51):249-256. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-51-4-23. (In Russ.)
19. Ryabova O. A. *City-forming enterprises as actors of local and regional policy*: author. dis.... cand. political n.: 23.00.02. Perm, 2009. 22 p. (In Russ.)
20. Faguet J.-P. Transformation from below in Bangladesh: Decentralization, local governance, and systemic change. *Modern Asian Studies*. 2017;51(6):1668-1694. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000378>.
21. Leskova J. G., Zolotova O. A. The Environmental Potential of Sanitary Protection Zones and the Role of Self-Regulatory Organizations in the Construction Industry in the Projects' Development of Unified Sanitary Protection Zones. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020;(111):801-807.
22. Cleandrov M.I. On the need for the institution of protection of the rights of entrepreneurial structures in the system of entrepreneurial law. *State and law*. 2021;(8):7-20. DOI: 10.31857/S102694520016386-5. (In Russ.).
23. Khudyakov A.V. Law enforcement activities of the police to ensure economic security (Russian and foreign experience). *Actual problems of managing the infrastructure of internal affairs bodies and ensuring economic security. Collection of scientific articles based on materials of the international scientific-practical conference*. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016:264–268. (In Russ.).

Информация об авторе

C. A. Васильев – канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой «Конституционное и административное право», Юридический институт, Севастопольский государственный университет.

Information about the author

S. A. Vasiliev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law, Sevastopol State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.

РЕЦЕНЗИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 149–152
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(2):149–152

Рецензии

Рецензия на книгу

УДК 34

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-149-152

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. М. ЦАЛИЕВА «О СТАЛИНЕ, ВЛАСТИ, КОРРУПЦИИ, КАЗНИ». ВЛАДИКАВКАЗ, 2021. 303 с.)

Руслан Мухарбекович Дзидзоев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, drm@law.kubsu.ru

Аннотация. В представленном материале рецензируется монография докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой публичного права и органов власти Северо-Кавказского горно-металлургического института, Заслуженного юриста Российской Федерации, члена Президиума Совета судей Российской Федерации Цалиева Александра Михайловича «О Сталине, власти, коррупции, казни», которая с момента выхода стала библиографической редкостью, своего рода политическим бестселлером в силу необычной, но востребованной научно-публицистической тематики. Книга эта стала итогом многолетнего размышления над историей, судьбами и будущим России известного ученого-юриста, общественного и политического деятеля.

Ключевые слова: государственная идеология, И. В. Сталин, авторитарные методы управления, власть, общество

Для цитирования: Дзидзоев Р. М. Новый взгляд на некоторые острые вопросы отечественной истории государства и права (рецензия на монографию А. М. Цалиева «О Сталине, власти, коррупции, казни». Владикавказ, 2021. 303 с.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 149–152. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-149-152>

Reviews

Book review

A NEW LOOK AT SOME ACUTE ISSUES OF THE NATIONAL HISTORY OF THE STATE AND LAW (REVIEW OF A. M. TSALIEV'S MONOGRAPH "ABOUT STALIN, POWER, CORRUPTION, EXECUTION." VLADIKAVKAZ, 2021. 303 p.)

Ruslan M. Dzidzoev

Kuban State University, Krasnodar, Russia, drm@law.kubsu.ru

Abstract. The presented material reviews the monograph of Doctor of Law, prof., Head of Department of Public Law and Authorities of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute, Honored Lawyer of the Russian Federation, member of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation Tsaliev Alexander Mikhailovich "About Stalin, Power, Corruption, Execution," which since its release has become a bibliographic rarity, a kind of political bestseller due to unusual, but demanded scientific and journalistic topics. This book was the result of many years of reflection on the history, fates and future of Russia of a famous scientist-lawyer, public and political figure.

Keywords: state ideology, I.V. Stalin, authoritarian methods of management, power, society

For citation: Dzidzoev R. M. A new look at some acute issues of the national history of the state and law (review of A. M. Tsaliev's monograph "About Stalin, power, corruption, execution". Vladikavkaz, 2021. 303 p.). *North Caucasus Legal Vestnik* 2022;(2):149–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-149-152>

В 2021 г. во Владикавказе в издательско-полиграфическом предприятии им. В. А. Гассиева вышла книга доктора юридических наук, профессора, зав. кафедрой публичного права и органов власти Северо-Кавказского горно-металлургического института, Заслуженного юриста Российской Федерации, члена Президиума Совета судей Российской Федерации Цалиева Александра Михайловича «О Сталине, власти, коррупции, казни», которая с момента выхода стала библиографической редкостью, своего рода политическим бестселлером в силу необычной,

но востребованной научно-публицистической тематики. Книга эта стала итогом многолетнего размышления над историей, судьбами и будущем России известного ученого-юриста, общественного и политического деятеля.

Структура монографии вполне соответствует панорамной композиции монографического материала и включает главы, посвященные историко-правовому осмыслению этапов развития Российского государства в его политической и идеологической составляющих и в лице носителей публичной власти: Глава 1. О власти и властителях. Глава 2. Сталин и Великая Отечественная война. Глава 3. О государственной идеологии. Глава 4. Патриотизм – основа национальной политики Российской Федерации. Глава 5. Сравнительно-правовой анализ сталинской и действующей конституций и не только. Глава 6. Коррупция в сталинский и постсоветский периоды. Глава 7. Смертная казнь в сталинский и постсоветские периоды. Глава 8. О внешней политике России И. В. Сталина и В.В. Путина.

В монографии использован огромный и разносторонний массив законодательного и иного нормативно-правового материала, связанного с государственной историей России, научной литературы разнообразного профиля – исторической, юридической, политологической, философской, в том числе дореволюционных и советских авторов, зарубежных исследователей, классиков научного коммунизма, мемуарная литература широкого исторического диапазона.

Тематика книги достаточно своеобразна, в ней рассматриваются некоторые вопросы деятельности И. В. Сталина как руководителя советского государства, предпринимается попытка показать его положительную роль в построении в стране нового общества, имеющего свои преимущества перед предшествующей эпохой. В книге исследуются с использованием огромного статистического, эмпирического и документального материала достижения советской страны в идеологической сфере, в борьбе с коррупцией и преступностью.

Выводы, содержащиеся в книге относительно государственных преобразований в стране, заслуживают научного доверия, учитывая прямое отношение автора к политическим событиям в нашей стране. Достаточно сказать, что А. М. Цалиев в 1990 г. как представитель Северной Осетии участвовал в комиссии по разработке проекта Федеративного договора 1992 г., неоднократно встречаясь и общаясь с М. С. Горбачевым, А. И. Лукьяновым, а впоследствии и с Президентом России В. В. Путиным. Были также встречи с Ельциным по вопросам ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. А.М. Цалиев входил в конституционную комиссию по разработке действующей Конституции Республики Северная Осетия-Алания, являясь по существу одним из ее соавторов.

Огромный общественный и государственный опыт позволил автору сформулировать ряд важных тезисов, обладающих повышенной теоретической и практической ценностью.

Весьма интересны и оригинальны взгляды автора на личность и деятельность И. В. Сталина на посту многолетнего руководителя советского государства, получивших разноречивую оценку.

Автор не отрицает использование Сталиным авторитарных, административно-командных методов управления, но оценивает сталинскую политику в контексте эпохи, в исторических координатах конкретного этапа общественно-политического развития страны, учитывая конкретные реалии времени, формировавшие его политику в условиях серьезных вызовов, угрожавших самому существованию государства, приводя слова Сталина о том, что *«Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»*.

Автор не является апологетом Сталина, но в то же время отдает дань его организаторским способностям, оцениваемым в сравнении с последующими периодами государственного развития страны. Интересны взгляды автора на этническое происхождение Сталина, который являлся осетином по отцу, что подтверждается приводимыми многочисленными источниками, в том числе литературными и документальными.

Весьма ценными в юридическом отношении представляются страницы книги, посвященные сравнительно-правовому анализу сталинской и действующей Конституции России (глава 5), содержащие обширные исторические, идеологические, юридические и даже текстовые параллели этих эпохальных документов.

В книге приводятся весьма интересные и малоизвестные массовому читателю факты, связанные с конституционными преобразованиями в сталинскую эпоху, например, отношение Сталина к предложению о введении в стране поста президента, отвергнутого им же на правах

председателя конституционной комиссии, аргументируя это тем, что по системе советской конституции в стране не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением наравне с Верховным Советом и могущего противопоставлять себя Верховному Совету.

Интересно, что Сталин в свое время предложил провести соревновательные выборы в Верховный Совет СССР как высший орган представительной власти с участием сразу нескольких кандидатов в депутаты. В книге приводится и такой интересный факт, согласно которому в январе 1944 года по распоряжению Сталина Г. Н. Маленков составил проект постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы государственных органов на местах», направленный на разграничение партийных и государственных функций, в котором предлагалось: «А) покончить с установившейся вредной практикой дублирования и параллелизма в руководстве хозяйственным и культурным строительством со стороны местных и государственных органов и полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте – государственных органах; Б) укрепить государственные органы наиболее авторитетными кадрами; В) обратить внимание партийных организаций на всемерное укрепление госорганов, поднятие их роли и авторитетности, освободив партийные органы от несвойственных им хозяйственно-административных функций.

Значительную часть монографии А. М. Цалиева занимает анализ природы государственной власти в лице конкретных носителей, ее политического предназначения и демократического наполнения.

В вопросах организации государственной власти автор придерживается принципа сильной публичной власти как условия ее устойчивости и эффективности, полагая, что государственная власть только тогда и может быть эффективной, когда она сильна. А таковой она будет не когда вынуждена опираться на силу, а когда проявляет максимальную заботу о членах общества, создавая им достойные условия жизни, и тем самым становясь легитимной. К этому ее должно понуждать и само общество, которое в конечном итоге определяет характер государственной власти. Если же власть превращается в самоценность, общество рано или поздно восстает против нее, о чем свидетельствует новейшая история страны.

По убеждению автора, только сильная власть, принимающая разумные решения и способная обеспечить их эффективное исполнение, в состоянии выполнить свои обязанности. Автор при этом ссылается на известного русского мыслителя И. Ильина, который в свое время писал: «Россия как национально-политическое явление была создана сильной государственной властью, которая, однако, никогда (даже при Иване Грозном!) не покушалась на тоталитарное ведение жизни, культуры и хозяйства. Так было в прошлом. Так будет и впредь. И нам, русским патриотам, надлежит помнить это».

Выглядит убедительной позиция автора, утверждающего, что государственная власть основывается на соответствующей политической воле и силе, поэтому она является высшей властью по сравнению с другими ее видами. Ее сила во многом зависит от единства государственной власти, хотя осуществляется и функционирует в разных формах. Только в этом смысле, по мнению автора, можно и нужно говорить о принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

Авторская позиция не противоречит идее плюралистической демократии, предполагающей наличие политической оппозиции, которая, однако, должна иметь конструктивный, а не разрушительный характер. По справедливому замечанию автора, оппозиция в правовом государстве должна сосредоточивать свои усилия не на свержении существующего режима и получении на основе насильственных действий мест в правительстве и парламенте, а на улучшении существующей властной системы. Власть должна осуществляться в рамках закона, права, которыми определяются пределы ее полномочий. Можно лишь подписаться под такими авторскими словами, как власть, не ограниченная правом, опасна; право, не обеспеченное властью, бессильно.

Рецензируемая монография известного государственного деятеля, крупного ученого, проф. А. М. Цалиева обладает высоким творческим потенциалом, научным и познавательным интересом, отличается концептуальным единством, идеологической выдержанностью, теоретической основательностью, простотой и доходчивостью изложения, вносит заметный вклад в юридическую науку, в теорию политических и правовых учений, в историографию нашей страны.

Наряду с высокой оценкой работы, как и в любом научном исследовании имеются и недостатки. Так, на наш взгляд, недостаточно полно раскрывается роль советского народа в Великой Отечественной войне. В ней также не раскрывается тема о репрессиях, которые имели место в сталинский период правления страной. Следовало также более широко раскрыть причины переселения народов, чтобы сегодняшнее поколение могло более объективно оценить этот процесс и его последствия.

В заключение отметим, что рецензируемую работу смело можно рекомендовать в качестве научной и учебной литературы широкому кругу читателей общественности, представителям ученого сообщества, всем, кто интересуется политической историей Российского государства, его крупными деятелями, настоящим и будущим великой страны.

Информация об авторе

Р. М. Дзидзоев, докт. юрид. наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Кубанский государственный университет.

Information about the author

R. M. Dzidzoev, Doctor of Law, Professor of Department of Constitutional and Administrative Law, Kuban State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 28.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 152–155

North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(2):152–155

Рецензии

Рецензия на книгу

УДК 34

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-152-155

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ В. И. ЕРМОЛОВИЧА «ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (X–XV вв.)». МИНСК: БГЭУ, 2021. 301 с.

Иван Андреевич Иванников

Сочинский институт Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия, freiheit2061@gmail.com

Аннотация. В рецензируемой монографии В.И. Ермоловича «Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.)» исследуется процесс становления институтов гражданского права средневековой Сербии на основе норм обычного права славянских народов, а также римского и восточноримского частного права. Данный фактор позволил автору монографии причислить право средневековой Сербии к одной из самых передовых и совершенных правовых систем средневековой Европы в X–XV вв. Предметом исследования в рецензируемой работе выступают общие и особенные закономерности эволюции гражданского права средневековой Сербии и других стран континентальной Европы. В качестве предмета сравнительного анализа автором избраны нормы и институты сербского права, так как они являются самыми древними письменными памятниками права в странах Европы.

Ключевые слова: средневековая Сербия, гражданское право, римское частное право, институты сербского права, письменные памятники права

Для цитирования: Иванников И. А. Размышления о монографии В. И. Ермоловича «Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.)». Минск: БГЭУ, 2021. 301 с. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 152–155. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-152-155>

Book review

REFLECTIONS ON THE MONOGRAPH OF V. I. ERMOLOVICH "MAIN INSTITUTIONS OF CIVIL LAW OF MEDIEVAL SERBIA AND COUNTRIES OF CONTINENTAL EUROPE (X–XV centuries)." MINSK: BGEU, 2021. 301 p.

Ivan A. Ivannikov

Sochi Institute of Peoples' Friendship University of Russia, Sochi, Russia, fraiheit2061@gmail.com

Abstract. The peer-reviewed monograph by V.I. Ermolovich "Basic Civil Law Institutions of Medieval Serbia and the Countries of Continental Europe (X-XV centuries)" examines the process of establishing civil law institutions in medieval Serbia based on the customary law of Slavic peoples, as well as Roman and East Roman private law. This factor allowed the author of the monograph to rank the law of medieval Serbia among one of the most advanced and perfect legal systems of medieval Europe in the X-XV centuries. The subject of research in the peer-reviewed work is the general and special laws of the evolution of civil law of medieval Serbia and other countries of continental Europe. The author chose the norms and institutions of Serbian law as the subject of comparative analysis, since they are the oldest written monuments of law in European countries.

Keywords: medieval Serbia, civil law, Roman private law, institutions of Serbian law, written monuments of law

For citation: Ivannikov I. A. Reflections on the monograph of V. I. Ermolovich "Main institutions of civil law of medieval Serbia and countries of continental Europe (X–XV centuries)". Minsk: BGEU, 2021. 301 p. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):152–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-152-155>

Виктор Иванович Ермолович – доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета – уже знаком по своим публикациям не только в Республике Беларусь, но и за рубежом, особенно в Сербии. Знакомы научные труды В. И. Ермоловича и российским историкам права. В. И. Ермолович уже не первое десятилетие изучает историю права Сербии и других славянских народов, сравнивая порой их право с правом других европейских государств и народов средневековой Европы. В.И. Ермоловичем опубликованы в Российской Федерации статьи о становлении государства и права славянских народов [1], об источниках государства и права средневековой Сербии [2], и другим проблемам феодального права X-XV веков.

В своей новой монографии В. И. Ермолович продолжает исследовать славянское право, процесс формирования его институтов в странах средневековой Европы. Он поставил перед собой цель определить и классифицировать нормы и институты гражданского права средневековой континентальной Европы, классифицировать их, выделив общие и особенные признаки. Объектом исследования В. И. Ермоловича являются общественные отношения, связанные с юридическим оформлением норм и институтов гражданского права стран средневековой континентальной Европы. Предметом исследования в монографии В. И. Ермоловича выступают общие и особенные закономерности эволюции гражданского права средневековой Сербии и других стран континентальной Европы. В качестве предмета сравнительного анализа автором избраны нормы и институты сербского права, так как оно является самыми древними письменными памятниками права в странах Европы. В конце прошлого столетия профессором Святославом Билби в результате расшифровки загадочных надписей на каменной плите в г. Ксантос (Ликия) в Малой Азии было сделано уникальное открытие – эти древние письма являются правовым текстом на древнесербском языке (сербице), датируемым VIII-VI вв. до н.э. Эти тексты на несколько столетий старше знаменитых римских «Законов XII таблиц». Этот законник, отмечает В. И. Ермолович, состоит из 230 статей, и содержит нормы частного, публичного и процессуального права. Данный факт свидетельствуют о том, что протосербы уже в I тыс. до н.э. имели свою государственность и право. В Сербии долгое время высок был авторитет обычаев, а поэтому даже в XIX веке термины «закон» и «обычай» употреблялись как синонимы [3, с. 8].

В. И. Ермолович исследовал процесс становления институтов гражданского права средневековой Сербии на основе норм обычного права славянских народов, а также римского и восточноримского частного права. Данный фактор позволил автору причислить право средневековой Сербии к одной из самых передовых и совершенных правовых систем средневековой

Европы в X–XV вв. Исследуя нормы права средневековой Сербии, В. И. Ермолович сделал вывод о том, что они были рецепированы в юридическую практику многих славянских стран эпохи Средневековья, в том числе Великой Моравии, Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, Московского и Болгарского государств.

Исследование В. И. Ермоловича позволяет более глубоко и всесторонне взглянуть на тенденции становления средневекового права, а также на проблемы экономического и социального развития стран континентальной Европы в этот период. Такой подход в свою очередь дает возможность выявить некоторые причины системного кризиса, охватившего XIV–XVI вв. славянские территории прервавшего эволюционные изменения в ряде независимых самодостаточных государств – Болгарии, Сербии, Чехии и Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском.

Комплексное исследование норм и институтов гражданского права стран средневековой континентальной Европы ранее не проводилось. Следовательно, в предлагаемой монографии впервые рассмотрен процесс эволюции этих правовых основ в их системной взаимосвязи.

По структуре монография В. И. Ермоловича состоит из предисловия, двух глав, включающих 7 параграфов и 6 подпунктов к двум параграфам второй главы, заключения и списка литературы, включающего 372 наименования с 267 до 301 страницы.

В первой главе монографии «Источники средневекового гражданского права» (с. 8-79) описаны рецепированные и национальные источники гражданского права континентальной Европы. Во второй главе «Основные институты средневекового гражданского права» (с. 70-258) описаны формы собственности, правовой статус физических и юридических лиц, обязательственные и наследственные правоотношения. Автор доказал, что в средневековой Сербии развиты были различные формы собственности: общинная, задружная (семейная), государственная, феодальная частная собственность. Были развиты обязательственное и наследственное право. Особый интерес вызывает задружная собственность. «Задруга, – отмечает В. И. Ермолович, – это большая семья, состоящая из нескольких связанных между собой кровным родством традиционных семей и общностью недвижимого имущества» [3, с. 101]. Семейная община (задруга) являлась юридическим лицом, обладала собственным имуществом, которое могла сдавать в аренду или продавать, имела орган управления – собрание всех членов задруги [3, с. 113]. Правовые нормы и институты наследственного права Сербии в XIV–XV веках до турецкого владычества В. И. Ермолович считает «... наиболее прогрессивным в средневековой континентальной Европе» [3, с. 258].

Интересно было бы узнать мнение автора о влиянии задруги на возникновение государства у славян, отношении к задружно-общинной теории профессора В.Ф. Леонтовича, который считал, что государства у славян возникли из задруги, которая представляла собой объединение индивидов на кровнородственной и профессиональной дружественной основе для совместного ведения сельскохозяйственных, строительных и других работ. Задруга выбирала себе руководителя из числа наиболее авторитетных людей, которые при разрастании объединения создавал аппарат управления – первый институт государственности. Задружная теория в Российской империи была развита К. Н. Бестужевым-Рюминым, А. А. Ефименко, А. Н. Филипповым [4, с. 29–30]. «Задружники – писал А.Н. Филиппов, – это наша «большая великорусская семья», ныне уже вымирающая, в которой под главенством т. н. большака (а иногда и большухи), старшего или старшей в роде, живут нераздельно взрослые, дети, внуки и правнуки, приемыши с их потомством, но только семья уже с несколько измененным составом...» [5, с. 25]. Здесь не только родственный и хозяйственный элемент, но и соседский. «Задруги, кучи, верви, села – вот некоторые из многих наименований этой семейно-территориальной общины, встречающейся у славян» [5, с. 25].

В. И. Ермолович проделал большую работу, проведя анализ большого количества источников права и правоприменительной практики государств континентальной Европы X–XV вв. Изучены тексты «Дечанского хрисовула» (1330 года), в монастыре которого 37, 8 % крестьян жили в задругах, а Архангелогородском монастыре 47% усадеб были задругами. Изучены были «Саксонское зеркало», «Кутюмы Бовези», «Винодольский закон», «Законник Стефана Душана», «Законник короля Карла I», «Польская правда», «Полный свод статутов Казимира Великого», «Пространная редакция Русской Правды», «Псковская судная грамота», «Судебник Ивана III», «Ландслаг короля Мангуса Эриксона», «Статут Великого княжества Литовского» и другие

источники. В.И. Ермолович сделал вывод, что первым сербским сводом законов был «Номоканон святого Саввы» или «Кормчая книга». В этом источнике были изложены «передовые для своего времени нормы гражданского, брачно-семейного, уголовного, и процессуального права, во многом заимствованного из церковного и светского права Восточноримской империи» [3, с. 260].

Автор отметил и недостатки феодального права: отсутствие отраслей, институтов и норм права, которые были бы едины для всех субъектов права. Право сословно, кастово. «Единая отрасль феодального права формируется правовыми институтами, относящимися к одному сословию – касте. Кастовость – главный признак социально-экономической, политической и правовой системы феодализма, определяющий его общественную организацию. У каждого сословия свое юридическое место в обществе, государстве и во всей системе общественных отношений» [3, с. 266].

Подводя итог, можно отметить, что В. И. Ермоловичу удалось определить и классифицировать нормы и институты гражданского права средневековой континентальной Европы, классифицировать их, выделив их общие и особенные признаки.

Монография В. И. Ермоловича является целостным, концептуально выстроенным исследованием, содержащим множество выводов, которые вносят существенный вклад в развитие истории права средневековой Сербии и стран континентальной Европы X-XV веков. Книга В. И. Ермоловича будет полезна и интересна не только историкам права и государства, но и представителям цивилистической науки, всем, кто интересуется правовой культурой славянских народов.

Список источников

1. Ермолович В.И. Современный взгляд на процесс становления государства и права славянских народов (по материалам Древнесербского государства). М.: Российская академия юридических наук, 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 166–169.
2. Ермолович В. И. Источники по истории государства и права средневековой Сербии // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2007. № 5. С. 163–171.
3. Ермолович В. И. Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X-XV вв.). Минск: БГЭУ, 2021. 301 с.
4. Иванников И.А. Теория государства и прав: учебник / И. А. Иванников; Южный федеральный университет. – Ростов- на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. 354 с.
5. Филиппов А. Н. История русского права. Часть I. Юрьев, 1907.

References

1. Ermolovich V. I. A modern look at the process of formation of the state and the rights of Slavic peoples (based on the materials of the Ancient Serb state). Moscow: Russian Academy of Legal Sciences. 2006; 6(1):166–169. (In Russ.)
2. Ermolovich V.I. Sources on the history of the state and the law of medieval Serbia. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo torгово-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Russian State University of Trade and Economics*. 2007;(5):163–171. (In Russ.)
3. Ermolovich V. I. *The main civil law institutions of medieval Serbia and the countries of continental Europe (X-XV centuries)*. Minsk: BGEU, 2021. 301 p. (In Russ.)
4. Ivannikov I. A. Theory of State and Rights: textbook/I.A. Ivannikov; Southern Federal University. - Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House; 2018. 354 p. (In Russ.)
5. Filippov A. N. History of Russian law. Part I. Yuriev, 1907. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Иванников – докт. юрид. наук, докт. полит. наук, проф., Сочинский институт РУДН.

Information about the author

I. A. Ivannikov – Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor, Sochi Institute of Peoples' Friendship University of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 07.06.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 07.06.2022.

Обзорная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-156-158

ПРОСТРАНСТВО ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО В МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ ИСТОРИКА ПРАВОВОЙ НАУКИ К.П. КРАКОВСКОГО

Дмитрий Александрович Леусенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ld08@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию творчества выдающегося отечественного юриста М.М. Сперанского, которое провел в своих публикациях историк правовой науки К. П. Краковский.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, правовед, история права, правовая наука, теории права

Для цитирования: Леусенко Д. А. Пространство правового мышления М. М. Сперанского в методологических размышлениях историка правовой науки К.П. Краковского // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 156–158. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-156-158>

Reviews

Review Article

SPACE OF LEGAL THINKING M. M. SPERANSKY IN METHODOLOGICAL REFLECTIONS OF THE HISTORIAN OF LEGAL SCIENCE K.P. KRAKOVSKY

Dmitry A. Leusenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ld08@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the work of the outstanding domestic lawyer M.M. Speransky, which was conducted in his publications by the historian of legal science K.P. Krakovsky.

Keywords: M. M. Speransky, jurist, history of law, legal science, legal theorists

For citation: Leusenko D. A. Space of legal thinking M. M. Speransky in methodological reflections of the historian of legal science K.P. Krakovsky. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):156–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-156-158>

В отечественной юридической науке заметное место занимают теоретико-исторические исследования в области теории государства и права, истории отечественного и зарубежного государства и права, истории учений о государстве и праве. Особняком стоят исследования об истории правовой науки. Трудов по истории правовой науки заметно меньше. К ним относится исследование К. П. Краковского о неизученных аспектах творчества выдающегося отечественного юриста графа Сперанского. Проф. К. П. Краковский опубликовал две статьи на эту тему, предваряющие его масштабное исследование вклада М. М. Сперанского в юридическую науку. В «Северо-Кавказском юридическом вестнике» вышла в свет статья «Право появляется там, где есть добро и согласие...» (неопубликованные труды выдающегося правоведа М. М. Сперанского), а в «Вестнике юридического факультета Южного федерального университета» вышла работа «Неизвестные работы великого мечтателя (к 250-летию со дня рождения графа М. М. Сперанского).

Отсутствие большого количества исследований по истории правовой науки вполне объяснимо. В свое время М. М. Бахтин отмечал, что «мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах, в этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе), хотя абсолютных, непроницаемых границ и здесь нет» [1, с. 123]. Рискнем предположить, что историку правовой науки значительно сложнее в его изысканиях по сравнению с специалистами в других областях, поскольку предметом его анализа до сих пор непознанное – природа права и государства. В начале XX в. известный методолог права Б. А. Кистяковский отмечал: «Ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий как в науке о праве. При первом знакомстве с нею получается такое впечатление, как будто она только и

состоит из теорий, взаимно исключающих друг друга. Самые основные вопросы о существовании и неотъемлемых свойствах права решаются различными представителями науки о праве совершенно различно. Спор между теоретиками права возникает уже в начале научного познания права; даже более, именно по поводу исходного вопроса – к какой области явлений принадлежит право...» [2, с. 222]. Иными словами, если физик имеет точное представление о том, что представляет собой действия силы тяжести, а химик знает, что химическое уравнение отражает вполне определенную реальность, строения вещества, то амбивалентная природа права до сих пор продолжает быть тайной для целых поколений правоведов. И вот тут мы сталкиваемся с неожиданными и неизвестными суждениями М. М. Сперанского, на которые обращает наше внимание профессор К. П. Краковский, публикуя четыре ранее неизвестные работы юриста.

Первая работа, «Обязанность и право», обращает наше внимание на то, что «Обязанность – есть нравственная необходимость действовать в данном случае не по своему произволу, хотя бы то было и в свою пользу. Откуда бы нравственная необходимость не происходила, но где она есть, там есть обязанность». Подобная позиция определенно перекликается с суждениями уже упомянутого Б. А. Кистяковского по поводу категории необходимости.

Другая работа – «Справедливость» удивляет завершающим тезисом о том, что «Есть ли (если. – примечание проф. К. П. Краковского) общество само устроено на началах вечной правды, то и все частные права совершенно праведны. Следовательно, право может быть праведно». А это уже куда более значимое суждение, требующее не только апелляции к работам более поздних авторов, например, А. С. Яценко, исследование о творчестве которого опубликовано в «Вестнике юридического факультета Южного федерального университета», родного для меня и К. П. Краковского университета. Вопрос о праве и нравственности, сочетании права и веры рассматривается Дж. Берманом в его основополагающей, фундаментальной работе «Вера и закон». Эта проблема актуальна для современных задач правового регулирования биоэтических проблем [3].

Третья работа посвящена извечной для русского права проблеме – «О правоте и равномерности (Понятие «правда» и «правота»)». «Правота пред собою есть благоразумие, когда в намерении есть прочность временного совершенства с бескорыстием к мгновенному состоянию, она есть твердость благоразумия, когда намерение приведено в действие, невзирая на препятствия...», – так хотелось бы, чтобы эти строки прочло как можно большее количество молодых людей.

«Правота пред общежитием есть просто правота общежительная (*aequitas socialis*), когда основание деяния есть верность союзу с собственной пользою сопряжения», – столь же глубокое замечание, полезное, не только юристам, но и социологам, представителям еще одной науки, которые спорят о природе общества.

И, наконец, «Правота пред человечеством именуется относительно к деянию, просто добром, а относительно к чувству человеколюбием (любовью ко благу и совершенству человеческого духа, когда она сопряжена с собственной нашею временною пользою...», – этих слов так не хватает в наше непростое время, время революций и войн.

Четвертая работа, которую публикует К. П. Краковский – «О законе. Различие законов физических и нравственных», позволяет ужаснуться любому позитивисту и пасть ниц перед глубокой мысли графа Сперанского, если это позволит ему его идеология от науки. «Из сего понятия о законе следует: 1) Что право предшествует закону и не им производится. Не по закону право; но закон по праву; он дает правило деянию, чтобы было оно сообразно ее справедливости. Следовательно, не правом он управляет, но действием по праву». Дальше еще страшнее для позитивизма. Утверждается первенство общественных связей, порождающих право и закон, утверждается социальная природа права, завязанная на специфику природы общества. «– Есть ли (если бы. – примечание проф. К. П. Краковского.) начало права отнести к первой составной его стихии, к личной самостоятельности, то оно сливается с самою природою человека, вечного, неразрушимого и не изменяемого». И далее: «Есть ли (если бы. – К. К.) отнести начало его даже токмо ко второй его стихии, к союзу, то и в сем случае оно будет (*antérieur*) первее закона, ибо совместимость бытия есть первая, необходимая потребность человека; а без союза она быть не может». И представляется, что последующие теории права не разъясняли природу права, а только затемняли, разделяли содержание данного вопроса.

К.П. Краковский и участники его небольшого коллектива доброхотов-исследователей русского права, кстати, среди них есть выпускники знаменитого, созданного К.П. Краковским юридического лица РГУ (ЮФУ), взяли на себя великие задачи. Они отмечают, что «состави-

тель фонда классифицировал работы М. М. Сперанского по тематике, и юридические произведения – это более 850 единиц хранения (дд. 902–1760), т. е. порядка 400 юридических произведений, с учетом того, что, наряду с рукописями самого Михаила Михайловича, имеются писарские копии этих работ». О писарских копиях повествует исследование, опубликованное в «Северо-Кавказском юридическом вестнике». Исследователей ждет большой труд.

К. П. Краковский, описывая в статье в «Северо-Кавказском юридическом вестнике» предыдущие празднования памятных дат, отмечает, что представителям государственной власти часто было не до творчества Сперанского. Хорошо, что в год 250-летия свет увидели исследования не только правоведов, но и суждения историков о Сперанском. Как отмечает в интервью канд. ист. наук, доц. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова А. П. Шевырëв, «Наследие Сперанского огромное. Оно гораздо больше того, что мы видим «невооружëнным глазом». А видим мы прежде всего «План государственного преобразования», а также Полное собрание законов вместе со Сводом законов. При этом первый в основном остался на бумаге и стал достоянием историков, а вторые явились реальными плодами кодификации законов, за которую Сперанский удостоился самых высоких почестей: и ордена Андрея Первозванного – высшего ордена Российской империи, и титула графа, и скульптурного портрета на постаменте памятника Николаю I в Петербурге»¹. И наш коллега отмечает, что очень многое и в современной России было сделано по проектам Сперанского.

Авторы-историки публикации о Сперанском задаются вопросом: если им бы довелось беседовать со Сперанским, то какие вопросы они могли бы ему задать? И задают такой вопрос: «Согласился бы он с тем, что в России люди не менее важны, чем институты?».

Знакомство с работой М. М. Сперанского, которую мы упоминали и которую опубликовал К. П. Краковский, позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. М. М. Сперанский не считал возможным осознавать природу права без деятельности людей. Таким образом, ответ на этот вопрос прозвучал. Благодаря публикациям К. П. Краковского в научных журналах общение состоялось.

И еще одно: прочитав неизвестные работы М. М. Сперанского, начинаешь убеждаться: что-то мы утратили за тем поворотом, что-то мы утратили, перейдя к теориям XX в.

Список источников

1. Бахтин М. Проблема текста. Опыт философского анализа // Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 122–151.
2. Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. инта, 1998. 798, [1] с.
3. Леусенко Д. А. Государство, религия, биоэтика: формирование междисциплинарного поля исследования и интегративное правопонимание (в печати).

References

1. Bakhtin M. Text problem. Experience of philosophical analysis. *Literature issues*. 1976;(10):122–151. (In Russ.)
2. Kistyakovskiy B. A. *Philosophy and sociology of law*. St. Petersburg, Publishing House Rus. Christians. humanite. in 1998. 798, [1] p. (In Russ.)
3. Leusenko D. A. *State, religion, bioethics: the formation of an interdisciplinary research field and integrative legal understanding* (in press).

Информация об авторе

Д. А. Леусенко – канд. филос. наук, доц. кафедры теории и истории права и государства.

Information about the author

D. A. Leusenko – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 14.06.2022. The article was submitted 26.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.

¹ Интервью с А. П. Шевырëвым. Судьба и свершения великого реформатора. К 250-летию Михаила Михайловича Сперанского. «Гигант над всеми современниками». <https://русское-слово.рф/articles/276750/>

12 апреля 2022 года прошло второе заседание Дискуссионной площадки научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Участникам площадки, которая прошла с использованием онлайн-формата, была предложена для обсуждения статья «**Становление научной критики в российской юриспруденции. Размышления о полемике Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева о праве, нравственности и их соотношении**» **Д. Ю. Шапсугова** – заслуженного юриста Российской Федерации, докт. юрид. наук, проф., главного редактора журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», директора центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС. Статья опубликована в 1 выпуске журнала за 2022 г., вышедшем в свет 29 марта. В статье показано становление научной критики на основе анализа научной полемики между двумя выдающимися учеными России XIX века – Б.Н. Чичериным и В.С. Соловьевым, создавшими и отстаивавшими собственные научные концепции мышления и познания, опираясь на которые они решали вопрос о понимании права и нравственности и их соотношении. Выделяются особенности научной критики в юриспруденции как разновидности аналитической деятельности, дается ее определение.

Мероприятие открыла директор учебно-научного центра **Н. В. Брюханова**. В своем приветственном слове она отметила, что «дискуссионная площадка журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» с каждым разом привлекает внимание все большего числа ученых из российских и зарубежных вузов и приобретает статус традиционной. Сегодня в ней принимают участие ученые из Москвы,

Л. Л. Садовая – начальник отдела развития научных журналов УНЦ ЮРИУ РАНХиГС; Д. Ю. Шапсугов – гл. редактор журнала «Северо-Кавказский юридический вестник»; Н. В. Брюханова – директор УНЦ ЮРИУ РАНХиГС

Санкт-Петербурга, Тюмени, Екатеринбургa, Сочи, Рязани, Красноярска и других городов. Считаю важным для нас продолжать развитие межвузовских и межрегиональных научных связей для продвижения результатов исследований наших авторов».

Проф. **Д. Ю. Шапсугов** выступил с докладом, в котором указал на основные задачи, компоненты, разновидности научной критики на основе анализа полемики Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева, подчеркнув при этом, что это лишь часть огромного опыта научной критики в отечественной юриспруденции, который необходимо изучать для разработки ее общей концепции.

В обсуждении статьи приняли активное участие: **Т. В. Шатковская** – д.ю.н., проф., зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; **А. И. Бойко** – д.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС; **Д. А. Авдеев** – к.ю.н., доц., Тюменский государственный университет; **С. А. Дробышевский** – д. ю. н., проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права, Юридический институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск; **Д. А. Леусенко** – к.филос.н., доц. кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; **И. А. Кацапова** – к.филос.н., Институт философии Российской академии наук, г. Москва; **С. П. Федоренко** – к.ю.н., доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; **И. А. Иванников** – д.ю.н., д.полит.н., проф,

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов, Сочинский филиал Российской академии правосудия Минюста РФ; **С. Л. Чижков** – к.полит.наук, Институт философии РАН, г. Москва; **В. В. Архипов** – д.ю.н., доц., зав. кафедрой теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет; **А. М. Михайлов** – к.ю.н., доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, г. Москва; **И. А. Фаргиев** – д.ю.н., проф., Председатель Верховного Суда Республики Ингушетия, г. Магас; **А. Р. Корнилов** – к.ю.н., доц. кафедры теории права и административно-правовых дисциплин, юридический институт Рязанского государственного университета имени Сергея Александровича Есенина.

*Участники
дискуссионной площадки:
Авдеев Д. А., Архипов В. В.,
Дробышевский С. А.,
Федоренко С. П.,
Фаргиев И. А., Чижков С. Л.*

*Участники
дискуссионной площадки:
Кацапова И. А.,
Дробышевский С. А.,
Шатковская Т. В.,
Авдеев Д. А., Фаргиев И. А.,
Бойко А. И.*

В заключение Дискуссионной площадки проф. **Д. Ю. Шапсугов** поблагодарил всех участников за активное обсуждение его статьи, высказанные комментарии и внес предложение о написании коллективной монографии, либо издании научного сборника «Научная критика в российской юриспруденции. Проблемы становления».

Начальник отдела развития научных журналов учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС **Л. Л. Садовая** анонсировала тему для следующей Дискуссионной площадки – обсуждение научной статьи проф. РАНХиГС К. П. Краковского «Право появляется там, где есть добро и согласие...» (неопубликованные труды выдающегося правоведа М.М. Сперанского) (опубликована в первом номере журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» за 2022 год).

XII международная научная конференция «Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций»

25 мая 2022 г. Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Бакинский государственный университет, редколлегия научно-практического журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» провели XII международную научную конференцию **«Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций» по научно-исследовательскому проекту «Правовой мир Кавказа».**

Во вступительном слове Д.Ю. Шапсугов автор и руководитель научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа», директор Центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, д.ю.н., проф., заслуженный юрист Российской Федерации поздравил участников с открытием конференции, подчеркнув при этом, что это уже XII конференция, проводимая в рамках действующего научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа», прокомментировал достигнутые результаты в процессе его разработки за последние 15 лет, предложив посмотреть специально подготовленную по этому случаю выставку научных трудов.

Ю. О. Долгашова – нач. научно-организационного отдела ЮРИУ РАНХиГС; Д. Ю. Шапсугов – гл. редактор журнала «Северо-Кавказский юридический вестник»; Н. В. Брюханова – директор учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС

Д.Ю. Шапсугов, отметил, что продолжается подготовка к изданию новых томов «Антологии памятников права народов Кавказа (уже издан 33 том), на стадии завершения издание учебника «История государства и права народов Кавказа» (уже изданы две части учебника, подготовлено издание третьей части). В связи с тем, что объем

издания в данном формате оказался огромным (2200 стр.) – запланировано издание сокращенного учебника (не более 700 стр.). Выступающий обратился к участникам конференции с просьбой принять активное участие в рабочих совещаниях, проведение которых необходимо для выработки оптимальной структуры, общего объема и объемов разделов учебника, в которых будет представлена история публичной власти и права каждого народа Кавказа.

В своем докладе **«Об особенностях творческого синтеза правовой культуры народами Кавказа в процессе их взаимодействия с мировыми цивилизациями»** проф. Д. Ю. Шапсугов отметил, что, развитие Кавказской цивилизации одновременно является развитием правовой культуры создающих ее народов, свободных и ответственных личностей.

Широко известные достижения народов Кавказа в развитии материальной и духовной культуры были обеспечены адекватным развитием их правовой культуры. Далее докладчик привел конкретные факты – достижения кавказских народов в создании материальной духовно-нравственной культуры, позволяющие характеризовать ее, как это сделано в большом количестве научных и документальных источников как особенную биоцивилизацию, обеспечивающую согласованное развитие природного и социального мира.

Понятно, что все эти достижения стали возможными благодаря особенностям социальной организации, образу жизнедеятельности, гармонично и гомеостазисно вписывавшемуся в окружающий природный мир.

Далее проф. Д.Ю. Шапсуговым был дан анализ правовой культуры как понятия и практически существующего явления. Им были отмечены общие принципы многочисленных определений правовой культуры, подчеркнут их позитивистский характер и рассудочная форма, в которой они даются. Как отметил докладчик, в них чаще всего дается

перечень юридических понятий и явлений, который объявляется правовой культурой. В результате, процесс ее познания оказывается крайне упрощенным, поверхностным, не дающим понимание ее сущности. Из позитивистских определений права невозможно вывести определение сущности правовой культуры, хотя и можно породить множество ее рассудочных определений.

Выступающий отметил две гносеологические ошибки, допускаемые авторами таких определений. Первая восходит к «Тезисам о Фейербахе» К. Маркса, когда действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, *не субъективно*, а только абстрактно, без учета действительной чувственности как таковой. Этим самым игнорируется проблема субъектности правовой культуры, без исследования которой становится невозможным познание ее сущности.

Вторую ошибку установил Б. Н. Чичерин в полемике с В. С. Соловьевым о соотношении права и нравственности, подчеркнувший недопустимость превращать Добро в субъекта исторического процесса, утверждение которого в жизни поручается государству. По аналогии можно сделать вывод о том, что и правовую культуру нет никаких оснований превращать в некий самостоятельный субъект исторического процесса. В правовой культуре воплощается истина о праве, выявленная в ходе его теоретического исследования, переходящая посредством человеческой деятельности в практическую жизнь людей. Простое регулирование отношений в обществе само по себе не является формированием права, подчеркнул докладчик.

Поэтому правовая культура, в соответствии с этимологическим значением термина культура есть *возделывание, выращивание свободы*, выражающей сущность права, в котором, как говорил Гегель; человек должен находить свой разум.

Исходя из изложенного, выступающий сформулировал определение правовой культуры как деятельности людей, по воплощению в действительность идеи разумной свободы, через институты гармонично увязанных друг с другом разновидностей прав и свобод человека, правовых учреждений, обеспечивающих их реализацию в публичной сфере и индивидуальном поведении свободных и ответственных личностей.

Основываясь на этих теоретико-методологических предпосылках, докладчик перешел к характеристике правовой культуры народов Кавказа. Проанализировав условия ее становления, докладчик отметил, что широко известные достижения в рамках Кавказской цивилизации (в металлопроизводстве, металлообработке, сельском хозяйстве (лесо-сады, выведение новых пород животных, видов растений, террасное земледелие и т. п), медицине, венном деле, искусстве, общепризнанной форме одежды (черкеска) и т. д., были бы невозможны без развития правовой культуры, опосредующей эти достижения, представляя собой гуманитарное ядро Кавказской цивилизации.

Опираясь на обоснованные им этапы становления познания и развития правовой культуры: древняя – право коллективной свободы, когда оно воплощало в себе единство формирования, формулирования и осуществления права коллективным субъектом в соответствии с обычным правом народа, при подчиненном ему статусе индивида; затем право индивидуальной свободы, выраженное в естественно-правовых учениях, реализованное в эпоху буржуазных революций в Европе; и, наконец, право универсальной свободы, выраженное в принципе «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

На этой основе докладчик сделал вывод о том, что правовая культура народов Кавказа по преимуществу выступала как выражение коллективной свободы с наметившимся переходом к индивидуальной и даже универсальной свободе, препятствием к чему послужили внешние военные вмешательства в их внутреннее развитие, переведшие правовую культуру народов Кавказа в разряд духовной культуры, поддерживаемой индивидуальными и коллективными усилиями представителей кавказских народов, лишенных возможности воплощать ее в эффективно действовавшие раньше публичные институты, не говоря уже о возможностях их развития, которые уже в XIX веке перестали существовать.

Опираясь на данные положения и объективные материальные и духовно-нравственные основания Кавказской цивилизации, выступающий дал объяснение базовой личности Кавказской цивилизации, символом которой являются **труженик-творец, воин-профессионал, мудрость старших**, составляющие обобщенный образ субъекта правовой культуры и Кавказской цивилизации, подчеркнув при этом, что Кавказская цивилизация, правовая культура народов ее создавших, стали возможны как творческий синтез широкого взаимодействия мировых цивилизаций, положенных в основу активной деятельности народов Кавказа, создавших собственную правовую культуру и цивилизацию.

***

В работе конференции приняли участие ведущие ученые России, Азербайджана, Армении. Особое внимание было уделено проблемам истоков Кавказской цивилизации и правовой культуры народов Кавказа, анализу процессов их становления как творческому синтезу взаимодействия цивилизаций Востока, Европы, России, осуществленному народами Кавказа в процессе их исторического развития.

Участники мероприятия обсудили особенности развития правовой культуры и Кавказской цивилизации, проблемы цивилизации и варварства с учетом правовых культур на Кавказе, а также состояние научных исследований этих проблем в увязке с современным видением их исторических судеб.

Участники конференции: Т. В. Шатковская, А. Х. Рамазанов,
А. М. Цалиев, П. А. Кузьминов, Е. А. Команджаев, Ф. А. Озова

С докладами на конференции выступили:

д.ю.н., проф. **Х. Д. Исмаилов** – «Правовая культура Азербайджана в период формирования и распространения идеологии зороастризма» (г. Баку, Азербайджан);

д.и.н., проф. **А. Х. Рамазанов** – «Правовая культура горских народов как фактор взаимодействия цивилизаций периода вхождения Дагестана в состав Российского государства» (г. Махачкала);

д.и.н., проф. **П. А. Кузьминов** – «Взаимоотношения общественности Кабардино-Балкарии с семьей Романовых в конце 80-х гг. XIX в.» (г. Нальчик);

д.ю.н., проф. **А. М. Цалиев** – «Основы традиционной правовой культуры народов Кавказа» (г. Владикавказ);

д.ю.н., проф. **Л. И. Волова** – «Влияние взаимодействия цивилизаций на сотрудничество государств в сфере международного права» (г. Ростов-на-Дону);

д.ю.н., проф. **Т. В. Шатковская** – «Применение исторического метода в практике российского законодательства первой половины XIX в.» (г. Ростов-на-Дону);

к.ф.н., доц. **Д. А. Леусенко** – «Православие на Балканах: радость объединения и горечь раскола» (г. Ростов-на-Дону);

к.ю.н. **Е. А. Команджаев** – «Влияние традиционных начал на институты публичной власти в калмыцком обществе в XIX – начале XX в.» (г. Элиста);

к.и.н., доц. **Н. А. Трапш** – «Имперский закон и обычное право в повседневной жизни национальной окраины (на примере Абхазии конца XIX- начала XX в.» (г. Ростов-на-Дону);

д.и.н., доц. **Ф. А. Озова** – «Институт аманатства как элемент политической культуры «посольского периода» (г. Черкесск);

к.ю.н., доц. **А. Н. Ларионов** – «Миграционные процессы и изменение территориальных границ Войска Донского в Северо-Восточном Приазовье в XVII – начале XX в.» (г. Ростов-на-Дону);

д.и.н., проф. **В. Д. Дзидзоев** – «Зависимое население коренных народов Северного Кавказа и их правовое положение в XIX веке» (г. Владикавказ);

к.и.н., доц. **О. И. Шафранова** – «Правовое регулирование семейно-брачных отношений на Северном Кавказе во второй половине XIX-начале XX в.в.» (г. Ставрополь);

И. Д. Хабаев – «Вторая советская Конституция ЧИ АССР» (г. Грозный);

З. А. Шибилова – «Особенности правовой культуры Ингушетии» (г. Магас);

д.ю.н., д.п.н., проф. **И. А. Иванников** – «Влияние философии права, на правовую культуру народов Кавказа» (г. Сочи).

* * *

Докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Горского ГАУ **Дзидзоев В. Д.** выступил с докладом на тему «*Зависимое население коренных народов Северного Кавказа и их правовое положение в XVIII-XIX вв.*», в котором отметил:

Если брать, например, Осетию XVIII в., то необходимо подчеркнуть, что здесь господствовали раннефеодальные отношения, переплетавшиеся с патриархально-родовыми связями. Здесь были, конечно же, привилегированные сословия, которые назывались у осетин-иронцев «алдарами», а у осетин-дигорцев «баделятами»¹. Подчеркну и то, что алдары и баделята, будучи феодалами, фактически были приравнены к российским дворянам. Социально-экономической структуре осетинского общества «были присущи те же признаки, которые свойственны феодальному обществу: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства и земель, личная зависимость крестьянина от феодала, рутинное состояние техники»². Население Осетии было крестьянским и, разумеется, находилось в зависимом положении от алдаров и баделят. Отмечу, что разная степень зависимости от феодалов, т.е. от алдаро – баделятских семей определяло наличие нескольких социальных категорий внутри подвластного крестьянства Осетии, каждая из которых имела свое название: фарсаглаги («рядом стоящие»), кавдасарды («рожденные в хлеву», отец которого был феодалом – алдаром, а мать из низших сословий осетинского общества). Все это имело место в Тагаурском обществе Осетии, где феодальные отношения были достаточно развиты.

Что касается Дигорского общества Осетии, то и здесь крестьяне делились на несколько категорий: адамихатов («порода людей»), кумаяги («человек из Кумы»; по социальному статусу приравнивался к категории «кавдасардов»), косаги («работники») и уацайраги («рабы»). Осетинские феодалы по-разному относились к крестьянам в зависимости от их социального статуса. Подчеркну и то, что тагаурские фарсаглаги и дигорские адамихаты составляли категорию «свободных крестьян»: юридически за ними признавалось право свободного перехода от одного феодала к другому. В то же время существовали и некоторые ограничения, которые не позволяли «свободному крестьянину» переходить из одного места в другое. Например, по обычаю предков при оставлении места жительства крестьянина-фарсаглага жилище и вся его собственность переходили к феодалу. Кроме того, как подчеркивается в «Истории Северо-Осетинской АССР», выступая как номинальные владельцы земли или ее вечно наследственные арендаторы, «фарсаглаги и адамихаты обязывались платить собственнику земли феодальную ренту в форме натуральных поборов и повинностей, в противном случае феодал имел право прогнать их с земли»³. К этому следует добавить и то, что кавдасарды в Тагаурии и кумаяги в Дигории были детьми феодалов, рожденные от так называемых

¹ Осетинская этнографическая энциклопедия (глав. ред. доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Л. А. Чибиров). Владикавказ, 2013. С. 98.

² История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (в 2-х томах). Том I. Орджоникидзе, 1987. С. 173.

³ Там же.

«номылус» – незаконных жен феодалов и женщин из низших слоев осетинского крестьянства. В этой связи любопытным представляется подчеркнуть, что кавдасардов и кумаягов было достаточно много в Северной Осетии, где на протяжении длительного времени проживали алдары и баделята (в Южной Осетии не было осетинских феодалов, а были только грузинские – Эристовы, Мачабеловы и др).

Исключительно интересным представляется и анализ класса крестьянства и его взаимоотношения с привилегированными сословиями кабардинского общества в XVIII–XIX вв. Кабардинцы, как часть адыгского общества, в мировой истории известны под именем черкесов. В мировой истории под черкесами подразумевают не только кабардинцев, черкесов из КЧР, адыгейцев из РА, но и другие адыгские народы, например, бжедугов, натухайцев, махашевцев, бесленеевцев, жанеевцев, абадзехов и других, которых на сегодняшний день в Турции и некоторых других странах арабского мира численно намного больше, чем в КБР, КЧР и РА.

Необходимо подчеркнуть, что не только феодалы Кабарды, но и крестьяне здесь делились на ряд категорий, которые принципиально отличались друг от друга, например, «правовым и имущественным положением, степенью зависимости от господствующего класса, размерами и содержанием выполняемых в его пользу натуральных и трудовых повинностей»¹. В «Адыгской (Черкесской) энциклопедии» подчеркивается: «Общественная эволюция на протяжении XVI – XVIII вв. не внесла существенных изменений в социальный строй адыгов. Уже к началу этого периода их обычное право детально регламентировало взаимоотношения различных сословий жесткая структурированность сословной иерархии основывалось на разделении военно-управленческих функций, составлявших привилегию феодалов, и производственных обязанностей, выполнявшихся крестьянами»².

Отмечу и то, что основную массу адыгских крестьян составляла преобладающая часть так называемого «свободного сословия» – тфокотлей. Они находились «в зависимости от феодальной знати (князей и первостепенных уорков) и подвергавшиеся эксплуатации своей собственной верхушки»³. Здесь важно обратить особое внимание на слово «тфокотль». Термин указывает на то, что в основе определения этой категории крестьян лежит представление о свободном человеке – мужчине, который ни связан ни с классом, не с другими сословиями. Русский перевод термина – это «свободные люди», «свободный народ», «простолюдин». По крайней мере, известный русский этнограф, исследователь народов Кавказа Ф.И. Леонтович в XIX в. именно так переводил термин «тфокотль»⁴. В сущности, тфокотли не были такими «свободными», какими их представляли многие исследователи XIX в. Можно лишь подтвердить, что в первоначальном понимании термин «тфокотль» обозначал любого свободного мужчину, который принадлежал к какому-то общественному коллективу, например, роду, племени, общине и т.д. Первоначально данный термин охватывал практически всех адыгов. Скорее всего, именно так его понимал и исследователь Т. Лапинский, когда подчеркивал, что «каждый адыг является тфокотлем – свободный, принадлежащий к племени»⁵.

Анализ данной проблемы позволяет сделать вывод о развивавшемся в XVIII–XIX вв. феодализме у адыгских народов, в том числе в Кабарде. В этой связи отмечу еще раз, что тфокотли составляли самую большую часть адыгского населения. В то же время отдельные авторы ошибочно причисляли тфокотлей, то к классу крестьянства, то к классу феодалов. Скорее всего, следует согласиться с компетентным мнением проф. В. К. Гарданова, который писал: «Встречающееся в литературе безоговорочное причисление всех тфокотлей к классу крестьянства или к классу феодалов является в одинаковой мере неверным и не учитывающим своеобразие этой социальной группы, которую нельзя полностью отождествлять ни с одним классом феодального общества»⁶. Можно сделать вывод, что старшинская верхушка

¹Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII–первая половина XIX). М., 1967. С. 195.

² Адыгская (Черкесская) энциклопедия (глав. ред., профессор М.А. Кумахов). М., 2006. С. 130.

³ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX). М., 1967. С. 196.

⁴ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Ч. II Одесса. 1883. С.132-135.

⁵ Цит. по: Гарданов В.К. Указ. соч. С. 107.

⁶ Цит. по: Гарданов В.К. Указ. соч. С. 197.

тфокотлей представляла значительную силу, которую периодически старались привлечь на свою сторону, особенно при острых разногласиях не только первостепенные уорки, но даже князья.

Согласно нормам обычного права, лично свободное население у балкарцев обязано было повинностями в пользу лиц высшего социального сословия. В Балкарии высшее социальное сословие называлось «таубий», что в дореволюционной исторической литературе понимали, как горский князь. Подвластные крестьяне в Балкарии «должны были повсюду следовать за своими старшинами, исполнять беспрекословно их волю и оказывать материальную поддержку»¹. Данное положение подчеркивалось не только в адатах, но и в официальных государственных документах дореволюционной России. Так, достаточно четко были прописаны те услуги, которые обязаны были выполнять в пользу таубиев зависимые от них люди. В документах того периода подчеркивалось: «Подать, платимая каракиши таубиям (феодалам. – В.Дз.), заключалась в следующем: 1) в даче таубию одного быка из полученного калыма; 2) в обязательной, на своих харчах, однодневной работе во время пахоты, покоса и жатвы; 3) в уплате податей известных под названием уча (уча – часть убитого зверя на охоте. – В.Дз.); 4) в уплате податей известных под именем башбайлаган и дзига (подати дочери таубия, приехавшей погостить к своим родителям через один-два года после свадьбы). Данное правовое положение заключалось в том, что перед отъездом дочери таубия к мужу каждая семья каракиши обязана была давать со своего двора по одной корове. По требованию таубия каракиши по обычному праву балкаро-карачаевского народа обязан был сопутствовать своему владельцу в походах и поездках. Кроме того, каракиши обязан был давать на один день верховую лошадь. А в военное время все каракиши обязаны были поголовно выйти под ружье². Здесь важно обратить внимание на так называемую эмчекскую подать, которая у народов Северного Кавказа рассматривалась не как подать, а как дружественная услуга, оказываемая друг другу названными братьями.

* * *

Зав. каф. теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН, к.ю.н., доц. **Камкия Ф.Г.** представила доклад на тему: **«Государственные символы Республики Абхазия как доминанты правовой культуры».**

Предваряя свое выступление, она отметила, что тема XI Международной научной конференции – «Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций», за приглашение на которую хочется выразить искреннюю благодарность организаторам, послужила поводом для моего доклада. Также за идею следует особо поблагодарить зав.кафедрой теории права и сравнительного правоведения МГИМО А. А. Малиновского, который во время выступления на конференции в Сочинском институте РУДН весной текущего года рекомендовал нашим магистрантам, обучающимся по программе «Теория и история права и государства, сравнительно-правовые исследования», начинать изучение любой правовой системы именно с государственных символов.

Смысл, очевидно, в том, о чем сообщает нам прогностический аспект геральдики: «Сначала мы создаем герб, а потом герб создает нас»³. Бесспорно, что официальные символы государства являются носителями, одновременно отражением духовности социума. Иными словами, те духовные скрепы, которые позволяют быть одним целым, разделять, понимать, служить и т.д. Следует также согласиться с мнением, что духовность общества в ее содержательной основе есть результат, длительно накапливаемый и кристаллизуемый в сложнейших обстоятельствах самого различного характера. При этом в каждый исторический момент она выступает в качестве «некой заданной предрасположенности, определенной системы интеллектуальных установок общественного сознания». Поэтому

¹ Петров Г. Верховья Кубани – Карачай // Памятная книжка Кубанской области за 1880 г. Екатеринодар, 1880, с. 132.

² Государственный архив Краснодарского края (в дальнейшем ГАКК). Ф.774. Оп.1.Д.8.Л. 21-22

³ Загоруйко М.В., Алиев О.Г. Сначала мы создаем герб, а потом герб создает нас (прогностический аспект геральдики) // Государственный советник. 2014. №3. (7). С. 61-71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22161132> (дата обращения 31.05.2022)

чтобы понять существо права, свойственного для определенного общества, необходимо начинать с определения доминант духовности, присущими конкретному народу, иными словами – духовных констант его культуры. Доминанты духовности народа, являясь существенными во всех элементах культуры, сообщают специфику всему ее содержанию. С одной стороны, они есть самое глубинное в общественной жизни людей, и, с другой стороны, то, что как бы «лежит на поверхности», что встречается повсеместно и привычно (Малахов В.П.).

Если мы понимаем, каковы доминанты духовности народа, конкретной культуры, тогда становится понятным и то, какие идеи господствуют и выполняют системообразующую роль в реальном общественном правосознании.

Также, очевидно, что духовная культура любого общества в процессе жизнедеятельности вступает в сложное взаимодействие с культурами соседствующих в пространстве и времени обществ, и в этом смысле, безусловно, предстает одновременно как результат длительного взаимовлияния культур.

На наш взгляд, доминанты духовной культуры того или иного общества с необходимостью получают отражение в официальных символах современного государства: Флаге, Гербе, Гимне, столице.

Примечательны в этом контексте официальные символы Республики Абхазия.

После окончания Отечественной войны 1992–1993 гг. был принят Закон «О новой государственной символике Республики Абхазия», которым были утверждены новые государственные Герб и Флаг.

Современный флаг Республики Абхазии (*Аҟсны Аҳәынҭқарра абырақ*), принятый Парламентом в Сухуме 23 июля 1992 года, символизирует основные этапы развития государственности абхазского народа, представляет собой трехцветное прямоугольное полотнище, с соотношением сторон 2:1. По длине Флага расположены семь чередующихся равных по ширине полос зеленого и белого цветов, из них – четыре зеленых и три белых. В верхнем углу у древка расположен пурпурный прямоугольник размером 0,38 длины флага и шириной в три полосы, в центре которого изображена открытая белая ладонь правой руки. Над ладонью полукругом расположены семь белых пятиконечных звезд. Чередование зеленых и белых полос – есть отражение терпимого отношения к разным цивилизациям, на пересечении которых расположена была Абхазия исторически. В данном случае – христианство и ислам мирно сосуществуют в Абхазии, где христианство – белый цвет, а ислам – зеленый цвет. Иногда зеленый цвет интерпретируется как символ, отражающий цвет зелени – цвет жизни, присущий круглогодично Абхазии. Что касается раскрытой белой ладони на красном фоне, то это изображение, которое развивалось над городом Себастополем – предшественником современного города Сухум, столицы Республики Абхазия. Белая ладонь – также символизирует, на наш взгляд, преемственность в культуре и традициях современной абхазской государственности: открытость и гостеприимство. А семь белых пятиконечных звезд соответствуют семи районам Республики Абхазия: Гагрский район (г. Гагра, г. Пицунда); Гудаутский район (Гудаута, Новый Афон); Сухумский район (Сухум); Гулрыпшский район (Гулрыпш); Очамчирский район (Очамчира); Ткуарчалский район (Ткуарчал); Галский район (Гали).

Отметим, что раскрытая белая ладонь на красном фоне – символ Абхазской государственности, которая оформилась во времена Абхазского царства (VIII - X вв.) и насчитывает 12 столетий. Такое изображение зафиксировано на генуэзских портоланах (морских картах) XIII–XIV вв. Пурпурный флаг с белой ладонью развевался в середине века над городом Себастополем (он же Сан-Себастьян и античная Диоскурия, основанная древними греками в VI–V вв. до н. э.), на месте которого расположена нынешняя столица Абхазии-город Сухум (Акуа). Семь пятиконечных звезд над ладонью – это семь основных областей исторической Абхазии: Садзен (Джигетия), Бзып, Гумаа, Абжуа, Самурзакан, Дал-Цабал, Псхуы-Аибга.

Герб Республики Абхазия является официальным символом государственности, и он представляет собой щит, по вертикали разделенный на две равные части – одна белого цвета, а вторая – зеленого. В центре щита изображена фигура всадника, летящего на волшебном

коне и посылающего стрелу к звездам. В нижней части Герба расположена восьмиконечная золотая звезда, а в верхней его части, на белом и зеленом фоне, симметрично расположены еще восьмиконечные звезды, только меньшего размера. Окантовка щита и всадник также выполнены золотым цветом.

Примечательно, что сюжет Герба связан с героическим нартским эпосом абхазов. Он выражает отношения власти и подчинения. Легитимная власть в абхазской ценностной системе слагается из идеи признания власти того, кто смог достигнуть совершенства с позиций стремления к достижению социально значимых целей и задач. Представленные таким образом отношения власти и подчинения предстают лишенными привычного противоречия. Оно снимается благодаря высокой легитимности тех, кто повелевает независимо от занимаемой ступени в социальной и политической иерархии. На наш взгляд, именно эта абхазская традиция легитимации власти закреплена в Государственном Гербе Республики Абхазия. Образ нарта Сасрыкуа и есть образ человека, достигшего наивысшего совершенства – высокой концентрации воли, мужества, верности своему народу, возвышенных помыслов. Чем выше проявление индивидуальных качеств, требуемых эпохой, временем, тем ближе он к достижению общего блага. Образ Сасрыкуа – конкретное воплощение идеального образа героя, лежащего в архетипе кавказской цивилизации. Гарантом того, что повелитель всегда будет таковым, выступают отношения, выстроенные на основании внутриполитического кода – Герба Республики Абхазия, именно таким образом социализирующего отношения повелителя и повинуемого. Зеленый цвет герба символизирует молодость и жизнь, белый – духовность. Большая восьмиконечная звезда – солярный знак возрождения. Малые звезды символизируют единение двух культурных миров – Востока и Запада.

С провозглашением независимости Абхазии в 1992 был утверждён и Государственный гимн, в основу которого был положен изначальный мотив и слова абхазской революционно-освободительной песни «Къараз» (1918г.). Современный национальный гимн Республики Абхазия носит название «Аиаа́ира» («Победа»).

Таким образом, формы государственных символов могут быть, как унаследованы, так изобретены, но самое главное – они должны быть доступны пониманию большинства и приниматься этим большинством в качестве официальных символов, в качестве «своих».

* * *

Доц. кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов **И. З. Суханова** представила доклад на тему: **«Трансформация соционормативной культуры адыгов в условиях административно-правовых преобразований II половины XIX века»**. В своем выступлении она отметила следующие моменты:

Известно, что соционормативная культура общества – это саморегулирующаяся система, включающая социальные, правовые и моральные нормы, охватывающие социальную организацию и институты общества. Важной функцией данной системы выступает координация деятельности различных социальных институтов и нормативных механизмов регуляции общества.

Система соционормативной культуры адыгов складывалась на протяжении длительного времени, под влиянием внутренних и внешних факторов, были выработаны особые культурные коды этноса. Специфику традиционной культуры адыгов образовывали определенные черты, которые сформировались в условиях традиционного общества. Особо можно выделить воинский стиль жизни, нашедший свое отражение в материальной культуре через пищу, одежду, оружие, а в духовной сфере он проявился в мифологии, эпосе, пословицах, притчах, песнях.

В хозяйственном отношении жизнь адыгов была подчинена в рассматриваемый период традиции. Так, в частности, были распространены обычаи совместных сельскохозяйственных работ, аренды земли для запашки и выгона скота. Были обычаи взаимопомощи в организации свадеб, похорон, распространена была помощь нуждающимся членам общины.

Необходимо отметить, что систематизация соционормативных регуляторов у адыгов проявилась в морально-этическом кодексе адыгов, который прямо предписывал допустимые

образцы поступков и возможные модели поведения адыгагъэ (адыгство). Главным функционалом «Адыгства», как соционормативного регулятора выступало сохранение моральных и нравственных ориентиров в обществе. В свою очередь, «Адыгэ хабзэ» – это волевые качества, установки человека, без которых нравственные правила не могли перерасти в акт поведения. Таким образом, адыгство можно понимать как человечность в сочетании с нравственными ценностями и правилами этикета, нарушение которых дискредитирует человека.

«Адыгэ хабзэ» не только регулировал поведение каждого человека, но и проникал в систему общественных институтов. Такие важнейшие элементы адыгского этикета, как культ старшинства, куначество, общественный институт гостеприимства так же регулировались «Адыгэ хабзэ».

Активная административно-правовая политика России во II половине XIX в. оказала значительное влияние на изменение роли соционормативных регуляторов в адыгском обществе. Царская администрация для более эффективного обеспечения властно-управленческой деятельности привлекала местную элиту общества из представителей наиболее авторитетных лиц, старшин аулов и военных, настроенных на сотрудничество с Россией.

За сохранением общего порядка стал следить аульный старшина, отвечающий за точность исполнения распоряжений российской администрации, принимал меры к предупреждению всякого рода преступлений и проступков, отыскивал и задерживал виновных, представляя их для дальнейшего разбирательства начальнику уезда. Кроме того, аульный сход выбирал судей аульного суда. Аульный суд разбирал дела по незначительным проступкам между жителями аула. Подвергались разбирательству вопросы, входящие в систему традиционной морали, в том числе оскорбление словами, ссоры, драки, пьянство, прелюбодеяния и принесение ущерба общественной земле. Свои доказательства аульный суд передавал в горский словесный суд, для вынесения наказания по шариату. Однако компетенция шариатского суда была ограничена религиозными, семейными и наследственными делами. В остальных вопросах использовался адат, применение которого контролировалось российской властью. Временные правила давали четкую регламентацию, какие дела разбирались по адату, какие по шариату, в каких случаях российское законодательство. Нормы российского законодательства применялись при совершении преступлений против порядка управления.

Влияние российского законодательства на обычаи местных жителей приводило к адаптации адатов к российскому законодательству. Однако в пореформенное время выполнение адатных норм уже не являлось обязательным для всех адыгов. По отношению к тем, кто категорически отказывался следовать адату, никакие репрессивные меры не применялись. Население обращалось к нормам обычного права добровольно или под давлением представителей своего рода.

Вхождение Северо-Западного Кавказа в российскую правовую систему сопровождалось кардинальными изменениями в социально-экономической, духовной сферах жизни адыгского этноса. Однако обычное право не могло в полной мере решать правовые коллизии, возникшие из иных, более сложных экономических отношений. С одной стороны, это были столкновения в России, в которой начался промышленный переворот, с другой стороны, это процесс размывания традиционных ценностей кавказских народов, с жестко традиционным укладом. Россия, а, соответственно, и Северный Кавказ, представляют собой сложное сочетание двух типов культур – унифицировано-индустриальной и этнически-самобытной, традиционно-ориентированной. Идеальной моделью в данном случае должно служить гармоничное сочетание элементов модернизации и этнически обусловленных стереотипов поведения, уклада жизни, обычаев, национальных особенностей мироощущения.

К началу XX вв. при помощи Российского государства стала формироваться горская интеллигенция. Таким образом, рассматриваемый период характеризуется тем, что соционормативные регуляторы адыгского общества претерпевали существенную трансформацию: это проявилось в праве, морали, этических нормах, религиозных представлениях. Создавалась новая русско-кавказская культура.

* * *

В Высшей школе правоведения Института государственной службы и управления РАНХиГС прошла первая Олимпиада по истории права, организованная кафедрой государственно-правовых дисциплин.

В ней приняли участие команды всех направлений подготовки ВШП; также участвовала команда Всероссийской академии внешней торговли. В жюри олимпиады были представлены преподаватели ВШП, ВАВТ, юрфака МГУ.

Студенты соревновались в самых разных конкурсах: эссе по книге Л. Н. Толстого «Воскресение» (команды нашли многочисленные юридические ошибки в описании судебного процесса над главной героиней романа Катей Масловой), видеоролики, в которых команды представляли себя и «обыгрывали» свое юридическое название, блиц-опрос по истории отечественного и зарубежного права, анализ сюжетов и юридическая квалификация изображения суда в эпоху Античности и Средневековья в живописи (например, картина «Суд Понтия Пилата над Иисусом Христом», картина XVв. «Суд императора Оттона», картина «Суд в Московском государстве»), конкурс капитанов команд на проверку их интуиции.

Награждение капитана команды-победителя Матвея Гунасекара

Апофеозом Олимпиады стал moot-court (игровой процесс, фабулой которого стал рассказ А. П. Чехова «Спать хочется»). Студенты выступали в роли прокуроров, адвокатов, судей.

Важно отметить, что во всех конкурсах студенты выступали экспромтом, но при этом показывали хороший уровень знаний истории государства и права.

Победителем стала команда «Самый гуманный суд» (программа Legal liberal arts). Победителей Олимпиады, а также лауреатов в отдельных номинациях ждали призы – книги, в том числе написанные учеными ВШП-членами жюри. Студентам было особенно приятно получить награду из рук самих авторов.

В следующем году организаторы предполагают сделать олимпиаду Всероссийской: уже около 10 юридических вузов страны заявили о своем желании участвовать в ней.

***К. П. Краковский, доктор юрид. наук, проф.
кафедры государственно-правовых
дисциплин Высшей школы правоведения
ИГСУ РАНХиГС***

Информация об образовании Ассоциации историков права

В условиях современных глобальных трансформаций важной социальной задачей считаем возрождение интереса к богатой отечественной истории, к национальным правовым традициям. Не менее важно активизировать правовое и патриотическое воспитание молодежи в направлении совершенствования системы юридического образования.

23 мая 2022 г. состоялось учредительное собрание Общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права», которое приняло решение об учреждении Ассоциации как добровольного общественного объединения специалистов и организаций в области истории права и государства, а также истории учений о праве и государстве и философии права. Ассоциация историков права создана как общественное объединение без образования юридического лица на основании Федерального закона «Об общественных объединениях».

Собрание единогласно приняло Устав Ассоциации, который предполагает:

- проведение научных конференций, форумов, конгрессов, встреч, семинаров, клубов и других мероприятий со специалистами в области истории права и государства; истории учений о праве и государстве; философии права;
- осуществление научно-исследовательской деятельности в области истории права и государства; истории учений о праве и государстве, философии права;
- разработку и реализацию проектов и программ, направленных на поддержку и развитие Организации, а также на повышение интереса в обществе к вопросам истории права и государства, на правовое и патриотическое воспитание молодежи;
- публикацию Ежегодника истории права и государства, коллективных монографий и сборников научных статей по вопросам истории права и государства; истории учений о праве и государстве, философии права;
- осуществление научного взаимодействия с научными организациями и учебными заведениями Российской Федерации и зарубежных государств;
- проведение конкурсов научных и учебных публикаций по историко-правовой тематике;
- распространение информации о деятельности и проводимых мероприятиях в средствах массовой информации, на сайтах в сети «Интернет», в социальных сетях;
- создание региональных представительств и отделений в Российской Федерации;
- осуществление другой деятельности, в порядке, установленном действующим законодательством, направленной на достижение уставных целей организации.

В состав Ассоциации вошли ученые, представляющие 17 субъектов Российской Федерации, в том числе, научные организации и учебные заведения таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Воронеж, Елец, Иркутск, Казань, Калининград, Омск, Ростов-на-Дону, Рязань, Тверь и другие. К работе Ассоциации проявили интерес представители научно-педагогической общественности Республики Беларусь, Армении и Таджикистана.

Первым мероприятием Ассоциации стал Всероссийский форум историков права, который прошел 9-11 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге на площадке Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Учредительное собрание единогласно приняло Декларацию и избрало президиум как руководящий орган.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Учредительного собрания Ассоциации историков права

Учредительное собрание, объединившее ученых-правоведов, в том числе, историков, теоретиков, философов права, **констатирует:**

- в современных условиях приращение исторического знания о праве и государстве, о ретроспективной динамике общественных процессов имеет важное значение для формирования современной научной картины развития социума, определения возможных путей его дальнейшей эволюции;

- изучение истории права и государства дает богатый материал для осуществления правового и патриотического воспитания молодежи, для формирования общеправовой культуры и кругозора студентов-юристов;

- в юридическом сообществе существует выраженная потребность в проведении научных мероприятий историко-правового характера, в объединении усилий историков права для разработки актуальных научных тем и вопросов на основе новой методологии, в активизации научно-издательской деятельности в рамках историко-правового и философско-правового направлений.

Учредительное собрание **решает:**

- создать Общероссийскую общественную организацию «Ассоциация историков права» как добровольную, самоуправляемую, некоммерческую общественную организацию без образования юридического лица;

- принять Устав Общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права».

Учредительное собрание **предлагает** следующие актуальные направления для научных исследований историков государства и права:

- правовые традиции России и их ценностное содержание;

- динамика источников права в исторической ретроспективе;

- исторические детерминанты правового поведения;

- правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений;

- социально-психологические факторы, определявшие правотворчество и правоприменение в разные исторические эпохи;

- современные подходы к периодизации истории государства и права, истории учений о праве и государстве;

- формирование современных подходов к пониманию права;

- историография истории государства и права;

- роль личности и влияющих на нее факторов в истории права;

- история правотворчества и систематизации законодательства;

- влияние смены технологических укладов на правовое развитие;

- особенности динамики государственных институтов в период социальных трансформаций;

- чрезвычайное законодательство и его роль в преодолении кризисных ситуаций;

- вопросы онтологии, психологии, аксиологии и праксиологии права и др.

Редакционная коллегия журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» поздравляет юридическую научную общественность России с созданием Ассоциации историков права и желает ей плодотворной работы!

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

---

22 июня 2022 г. свой юбилейный 70-й день рождения отмечает **Леонид Владимирович Акопов**. Он прошел большой жизненный путь. В 1974 г. окончил Азербайджанский институт нефти и химии, а в 1986 г. Ростовскую межобластную высшую партийную школу.

В 1974-1980 гг. Леонид Владимирович работал на производстве, сначала – в Азербайджане, затем в Ростове-на-Дону. В 1980-1982 гг. работал старшим инженером-экономистом Ростовской лаборатории по совершенствованию методов управления в Советах Министров союзных республик, исполкомах краевых, областных Советов депутатов ЦЭНИИ при Госплане РСФСР.

С 1982 по 1984 гг. и с 1986 по 1988 гг. Леонид Владимирович трудился инструктором, зав. сектором советской работы Ростовского облисполкома.

С 1984 по 1986 гг. обучался очно в Ростовской МВПШ, которую окончил с отличием с дипломом о высшем партийно-политическом образовании.

В 1988 г. был избран старшим преподавателем кафедры советского государственного строительства и права Ростовской межобластной высшей партийной школы (с января 1992 г. – Северо-Кавказская академия государственной службы), где проработал до декабря 1992 г.

В 1993–1995 гг. Леонид Владимирович работал руководителем ряда страховых организаций, в том числе генеральным директором акционерного общества «ДАСК» и директором филиала «Инвестстрах-Агро».

В мае 1995 г. Л.В. Акопова назначают начальником Ростовской межрегиональной территориальной инспекции Федеральной службы по надзору за страховой деятельностью (Росстрахнадзор), где он проводил большую организаторскую работу. После ликвидации Росстрахнадзора в апреле 1997 г. он был избран штатным старшим преподавателем кафедры государственного строительства и права Северо-Кавказской академии государственной службы. В декабре 1997 г. в диссертационном совете по юридическим наукам РАГС при Президенте РФ защитил кандидатскую диссертацию. Затем Леонид Владимирович последовательно работал доцентом, профессором этой кафедры, деканом факультета переподготовки кадров, деканом факультета государственного и муниципального управления СКАГС.

В 2002 г. Л.В. Акопов защитил докторскую диссертацию в диссертационном Совете по юридическим наукам СКАГС (председатель диссовета проф. Шапсугов Д.Ю.), а в ноябре 2004 г. был избран заведующим кафедрой административного и служебного права юридического факультета Северо-Кавказской академии государственной службы, с сентября 2011 г. руководил той же кафедрой в Южно-Российском институте управления – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. С 2003 по 2015 гг. подготовил десять аспирантов, успешно защитивших диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, руководил дипломными проектами и магистерскими диссертациями множества студентов и слушателей.

С января 2017 года проф. Л.В. Акопов – заведующий кафедрой «Основы правоведения» факультета «Юридический» Донского государственного технического университета.

Л.В. Акопов ведет большую научно-исследовательскую работу. Он автор более 140 научных публикаций, в том числе 14 монографий, а также значительного числа учебников и учебных пособий, изданных массовыми тиражами. Основные его монографии относятся к области конституционного и муниципального права, административного права, современного государства и права, аксиологии права, государственной службы: «Государство, подконтрольное народу», «Демократический контроль как государственно-правовой институт», «Контроль в управлении государством: теоретические и конституционно-правовые основы», «Федеральная государственная власть в России XXI века», «Арбитражная юстиция (общие вопросы организации)», «Государственно-правовая природа налоговой политики», «Государственная гражданская служба субъектов Российской Федерации: правовое регулирование», «Образование новых субъектов Российской Федерации: конституционное законодательство и практика», «Российское правительство: история, теория, конституционный статус», «Государство и право в 21-м веке», «Аксиологическая quintэссенция права».

Проф. Л. В. Акопов является соавтором научно-практических комментариев Конституции Российской Федерации, изданных в Ростове-на-Дону и в Москве. Соавтор учебников, изданных массовыми тиражами: «Государственная гражданская служба», «Службное право (государственная гражданская служба)», «Конституционное право России», «Административное право». В составе большого коллектива ученых принял участие в издании Комментария к Федеральному закону от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ и Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

Многие научные публикации Л. В. Акопова посвящены исследованию таких важнейших проблем конституционного права, как: устройство федеральной государственной власти, народовластие и организация демократического контроля, исполнительная власть, федеративные отношения в процессе образования новых субъектов Федерации, правовой статус Правительства Российской Федерации, правовые ценности, правовая этика публичной службы.

Леонид Владимирович является членом редакционной коллегии журнала «Северо-Кавказский юридический вестник». Он оказывает большую помощь нашей редакции в рецензировании статей, поступающих в журнал, сам активно выступает в качестве автора статей по фундаментальным проблемам, освещаемым на страницах журнала.

Леониду Владимировичу Акопову присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Редакция журнала горячо поздравляет Леонида Владимировича со славным юбилеем, желает ему долгих лет жизни, новых больших творческих успехов и выражает надежду на дальнейшее совместное плодотворное сотрудничество!

*Редакционная коллегия журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом. В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В.И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М.Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

Мы не запрещаем позитивизм, но и не пропагандируем!

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2022

Выход в свет 29.06.2022. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 02-06/22

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ИП Кузнецов Н.В.
603057, г. Н. Новгород, Шорина, 13/13. Тел.: (831) 463-91-68, 413-62-61